

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1887.

№ 10.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Язычество и Іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа (продолженіе). Свящ. Т. Буткевичи.	749—768
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе (продолженіе). А. Вертелонскаго.	769—791
Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе), Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова	792—801
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи Н. Линицкаго	451—464
Очеркъ жизни философа Лейбница въ связи съ его богословскою дѣятельностію (окончаніе). К. Истоминна	465—489
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К.	490—500
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго комитета, завѣдующаго продажей духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1887.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885 и 1886 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Іюня 1 дня 1887 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ЯЗЫЧЕСТВО И ІУДЕЙСТВО

ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.

(Продолженіе *).

ГЛАВА V.

Жизнь богослуженная

Изъ сказаннаго до сихъ поръ ясно, что движущимъ и руководящимъ началомъ какъ для высшихъ представителей іерусалимскаго синедріона, такъ и для іудейскихъ книжниковъ были именно религія и законъ, данный чрезъ Моисея. Но если мы поглубже вникнемъ въ жизнь еврейскаго народа, то мы увидимъ ясно, что также и сознаніе всего еврейскаго народа всегда вращалось по преимуществу около его религіи и его закона. Несомнѣнно, что главнымъ центральнымъ пунктомъ всей религіозной жизни древняго іудейства былъ іерусалимскій храмъ, а объединительными пунктами частныхъ іудейскихъ обществъ были синагоги или школы.

Іерусалимскій храмъ, построенный Соломономъ, какъ извѣстно, былъ разрушенъ Навуходоносоромъ. Второй храмъ въ Іерусалимѣ былъ устроенъ послѣ возвращенія іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго Зоровавилемъ. Но Ироду Великому,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 6.

желавшему съ одной стороны прославить свое царствованіе устройствомъ многихъ величественныхъ зданій, а съ другой—пріобрѣсти расположеніе іудеевъ, храмъ этотъ казался уже неудовлетворительнымъ и слишкомъ бѣднымъ. Вотъ почему лѣтъ за двадцать до рожденія Іисуса Христа онъ почти совершенно заново перестроилъ его по гораздо большему размѣру и украсилъ его по-истинѣ съ царскимъ великолѣпіемъ. Въ этомъ несомнѣнно великая заслуга Ирода. Самое зданіе іерусалимскаго храма находилось на восточной сторонѣ города и было окружено частями Іерусалима съ юга, запада и сѣвера. На востокѣ и сѣверѣ гора храма была положительно неприступна, на западѣ-же ее соединялъ громадный мостъ съ горою Сіономъ; впрочемъ, кромѣ этого моста жители Іерусалима имѣли сообщеніе съ храмомъ и другими путями: такъ,—по ущелью, раздѣляющему гору храма Моріа отъ горы Сіонъ, на сѣверъ отъ моста и внизъ по направлепію къ нижнему городу вели двое воротъ отъ ограды храма, а на югъ была устроена широкая дорога съ каменными сходами. Ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа вся гора храма была обнесена массивною каменною, квадратною, въ три фута вышины, стѣною, каждая сторона которой тянулась на протяженіи 500 локтей. Черезъ эту стѣну къ храму вели многіе ворота, изъ которыхъ девять со всѣхъ сторонъ были покрыты золотомъ, серебромъ, различными цѣпями и другими украшеніями, сдѣланными изъ коринтской мѣди. Всѣ эти ворота были растворчатые (въ двѣ двери), вышиною въ тридцать, а шириною въ пятнадцать локтей; установлены они были на массивныхъ столбахъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ двадцать локтей въ окружности. Крутые склоны горы Моріа подымались вверхъ одинъ надъ другимъ какъ-бы террасами, сдѣланными самою искусною рукою и по самому правильному и тщательному плану; эти террасы образовали дворы храма, соединенные между собою прекрасно устроенными переходами или лѣсницами; передній дворъ, прилегавшій къ самому зданію храма, былъ поэтому гораздо выше другихъ дворовъ, а самое зданіе храма, находившееся на сѣверной сторонѣ го-

ры, занимало самое высокое мѣсто, почему, особенно когда его бѣлый мраморъ былъ освѣщенъ ясными лучами солнца, его можно было видѣть не только вблизи Іерусалима, но даже и на весьма отдаленномъ разстояніи. Прежде всего іудейскіе богомольцы, входившіе въ одни изъ воротъ каменной храмовой стѣны, вступали на площадь храма, позже называвшуюся также и „дворомъ язычниковъ“, потому что сюда могли входить и неизраильтяне; но дальнѣйшее проникновеніе во святилище язычникамъ было запрещено подъ угрозою смертной казни, о чемъ гласили греческія и латинскія надписи, развѣшанныя по многочисленнымъ столпамъ этого двора ¹⁾. Далѣе по девятнадцати ступенямъ богомольцы восходили на террасу „святыхъ“, на восточной сторонѣ которой находился „дворъ женъ“, отдѣленный большою каменною стѣною отъ двора мужей. Всѣхъ дверей, чрезъ которыя можно было пройти на эту террасу изъ „двора язычниковъ“, было восемь; здѣсь то были и тѣ „красныя ворота“, о которыхъ упоминается въ книгѣ апостольскихъ дѣяній (III, 12); но въ „дворъ женъ“ вели еще особыя ворота, чрезъ которыя проходили только однѣ женщины, не имѣвшія права ходить никакими другими воротами. Самые переходы были поддерживаемы величественными и прекрасными столпами, поражающими всѣхъ своею грандіозностію. На западъ отъ „двора женъ“, на высотѣ пятнадцати ступеней, находился восточный главный входъ во „дворъ израильтянъ“. Отъ него каменными стѣнами былъ отдѣленъ „дворъ священниковъ“. Этотъ дворъ, въ которомъ стоялъ громадный жертвенникъ для всесожженій вышиною въ пятнадцать локтей, а длиною и шириною въ пятьдесятъ локтей, окружалъ уже собственно зданіе храма. Жертвенникъ для всесожженій былъ сдѣланъ о четырехъ углахъ, выдававшихся вверхъ подобно рогамъ, и окруженъ перилами изъ прекраснаго камня вышиною около одного локтя, отдѣлявшими священниковъ отъ народа. Священники восходили на него по

¹⁾ Срвн. Іос. Флав. О войн. іуд. Слб. 1786. ч. II. стр. 153.

крутому подъему съ южной стороны ¹⁾. Самое зданіе храма имѣло видъ прямоугольника въ 100 локтей длины и 60 локтей ширины вмѣстѣ съ фронтонами, расширявшими фасадъ на 100 локтей. Надъ позлащенными воротами храма, вышиною въ 30, а шириною въ 15 локтей, висѣла драгоценная, весьма художественной работы, золотая виноградная вѣтвь, — чувственный образъ благословенной Богомъ страны. По словамъ Флавія ²⁾, однѣ кисти этой вѣтви были величиною въ ростъ человѣка. Во „святилище“ (вторую часть храма) велъ входъ съ двумя вылащенными дверными растворами, вышиною въ 55, а шириною въ 16 локтей, который кромѣ того былъ завѣшенъ еще пестрымъ вавилонскимъ ковромъ изъ виссона; сюда входили лишь одни священники, помазанные на служеніе и омовенные, здѣсь находились семисвѣщникъ, столъ съ хлѣбами предложенія и отдѣланный золотомъ кадильный алтарь. „Святое святыхъ“, совершенно пустое, было отдѣлено отъ святилища дверью съ завѣсою, которая разорвалась на-двое въ моментъ смерти Иисуса Христа (Матѣ. XXVII, 51); во „Святое святыхъ“ никто никогда не входилъ кромѣ первосвященника; но и первосвященникъ входилъ въ него только однажды въ годъ. — Внѣшній видъ іерусалимскаго храма, по словамъ Иосифа Флавія ³⁾, имѣлъ все, что только можетъ приводить въ восторгъ и сердце, и глаза человѣка. Со всѣхъ сторонъ онъ былъ покрытъ „претолстыми“ золотыми досками, которыя при солнечномъ восходѣ давали блескъ, ярко горѣвшій, какъ огонь, и какъ-бы оспаривали блескъ даже самаго солнца. Издали путнику іерусалимскій храмъ представлялся какъ-бы горою, усѣяною зажженными кострами и покрытою по мѣстамъ снѣгомъ, такъ какъ все, что не было въ немъ покрыто золотомъ, было отдѣлано прекраснымъ, бѣлоснѣжнымъ мраморомъ. Немало усиливали красоту внѣшняго вида іерусалимскаго храма и вставленные на верху его золотыя спицы,

¹⁾ Срви. Иос. Флав. О войн. іуд. Спб. 1786. ч. II. стр. 156.

²⁾ Ibid, стр. 155.

³⁾ О войн. іуд. Спб. 1786. ч. II. стр. 156.

такъ тонко заостренныя, что на нихъ не могла садиться никакая птица.

Этотъ храмъ составлялъ центръ религіозной жизни іудейскаго народа,—и вся Палестина, какъ и іудеи разсѣянныя, исполненные священнаго благоговѣнія, обращали взоръ свой къ нему, этому видимому мѣсту откровенія и присутствія невидимаго Бога; его почва для іудея была священной почвою, а самымъ ужаснѣйшимъ, что онъ могъ себѣ представить, это—„мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ“, оскверненіе святаго храма или разрушеніе его язычниками. Для защиты его іудеи готовы были рѣшиться на какую угодно крайность,—и этимъ объясняется чрезвычайное напряженіе іудейскаго народа при осадѣ римлянами города Іерусалима—спасти по крайней мѣрѣ хотя свое святилище.

Пойти въ храмъ Іеговы, принести тамъ жертву и помолиться для каждаго израильянина было дѣломъ важнѣйшимъ и отраднѣйшимъ во всей его жизни. Поэтому въ дни великихъ праздниковъ—новомѣсячій, пасхи, пятидесятницы, кущей, праздника трубъ и очищенія,—а равно и въ другое время, массы палестинскихъ и иноземныхъ іудеевъ часто сотнями тысячъ появлялись въ Іерусалимѣ; жители провинцій приносили сюда своихъ первенцевъ; туземные, какъ и разсѣянныя по другимъ странамъ израильяне, сюда спосили установленныя подати, или свои добровольныя пожертвованія въ пользу храма; во дворахъ храма почти всегда можно было видѣть представителей всѣхъ странъ и народовъ; здѣсь распространяли свои воззрѣнія иродіане; здѣсь-же бесѣдовалъ съ книжниками и народомъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Чтобы иностраннымъ посѣтителемъ Іерусалима облегчить пріобрѣтеніе животныхъ, потребныхъ для жертвоприношеній, на внѣшней площади храма (во дворѣ язычниковъ) помѣщалось особое храмовое торжище; здѣсь торговцы держали для продажи воловъ, овецъ и голубей, а мѣнялы размѣнивали непринимаемыя въ храмѣ языческо-римскія или греческія деньги на монету храма (Матѣ. XXI, 12. Лук. XIX, 45, Іоан. II, 14). Въ другихъ мѣстахъ храма благочестивыя из-

раильтяне беспрепятственно совершали свою молитву; въ вымощенной плитами галлерей, находившейся въ юго-восточной части храма и называвшейся Лишкать Хаггаззионъ ¹⁾, соби-рался синедрионъ; въ другихъ помѣщеніяхъ или галлерейхъ учили и разсуждали іудейскіе книжники (Лук. II, 46).

Непремѣнный штатъ храма составляли священники, кото-рымъ принадлежало посредничество между Богомъ и наро-домъ. Для главныхъ службъ при святилищѣ были избираемы исключительно потомки Аарона; въ помощь-же къ нимъ было предназначено все поколѣніе Левія (левиты) для исполненія всѣхъ остальныхъ службъ, напримѣръ, для охраненія храма, для игры на музыкальныхъ инструментахъ, для взыскиванія установленныхъ налоговъ въ пользу храма и для соверше-нія различныхъ второстепенныхъ дѣйствій при жертвоприно-шеніяхъ; для черныхъ работъ существовали еще особыя хра-мовые служители. Конечно, высокое религіозное значеніе священническаго служенія съ теченіемъ времени нѣсколько упало и священническое сословіе стало не столько носите-лемъ посредничества между Богомъ и народомъ, сколько пе-редовымъ сословіемъ въ родѣ національнаго дворянства; но, несмотря на это, іудейское священство, какъ необходимое религіозное учрежденіе, оставалось все-таки не безъ сильна-го вліянія на народную массу. При храмѣ жили не всѣ свя-щенники; нѣкоторые изъ нихъ проживали въ городѣ Іеру-салимѣ, другіе въ провинціи, въ такъ называемыхъ левит-скихъ городахъ, или въ мѣстечкахъ около главнаго города; священникъ Захарія, отецъ Іоанна Крестителя, проживалъ, напримѣръ, въ горнемъ градѣ Іудовомъ, откуда на время своей чреды онъ и отправлялся ко храму (Лук. I).

Главою всего священническаго сословія былъ первосвя-щенникъ. Для богослужебныхъ дѣйствій въ его распоряже-ніи постоянно находился извѣстный кругъ священниковъ; но непосредственно былъ подчиненъ его власти, какъ постоян-ный исполнитель всѣхъ его распоряженій, сотникъ храма и многочисленное количество находившихся при храмѣ долж-

¹⁾ Срвн. Фаррара Жизнь Іисуса Христа. Спб. 1885. стр. 414.

ностныхъ лицъ. Между послѣдними одинъ былъ назначаема для опредѣленія богослужебныхъ часовъ, другой—для отпирания и запиранія храмовыхъ воротъ, третій—для надзора за стражею храма, четвертый—для наблюденія за пѣвцами и музыкантами, нѣсколько лицъ—для жертвоприношеній и воскуреній и мног. друг. Безчисленныя обязанности и священнодѣйствія были раздѣлены между священниками по жребію. Къ обязанностямъ-же священниковъ, между прочимъ, относилось: ежедневное воскуреніе еиміама на алтарѣ кадильномъ, возженіе свѣтильниковъ (Исх. ХХХ, 7. Числь ІV, 16. Исх. ХХVII, 20, 21. ХХIV, 1, 2, 5. Числ. ІV, 6), возложеніе каждую субботу хлѣбовъ предложенія на златый столъ святилищный (Лев. ХХIV, 5 и дал.), поддержаніе и храненіе огня на жертвенникѣ всесоженія (Лев. VI, 12, 13), приношеніе жертвъ и даровъ на алтарь (Лев. I), осмотръ нечистыхъ и въ особенности прокаженныхъ (Лев. XIII. Матѳ. VIII, 4. Лук. XVII, 14), наставленіе народа въ законѣ (Лев. X, 10, 11. Второз. ХХXI, 12, 13. ХХХIII, 10), объясненіе ему повелѣній Господнихъ (Мал. II, 7. Второз. ХХХIII, 10), наблюденіе за исполненіемъ обѣтовъ (Лев. ХХVII), очищеніе народа отъ убійства, совершеннаго неизвѣстно кѣмъ (Второз. ХХI, 1 и дал.) и т. п. Священнической хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ заботился въ особенности о благолѣпіи храмоваго богослуженія и трубными звуками объявлялъ народу установленныя времена молитвы и жертвоприношеній (Числ. X, 8, 10). Все священническое сословіе было раздѣлено на 24 чреды, изъ которыхъ чреда Захаріи, чреда Авіи, была восьмою (Лук. I, 5. Срвн. I Паралип. VII, 8. ХХV, 10). Посвященію во священники, которое было весьма сходно съ представленнымъ нами уже посвященіемъ первосвященника, должно было предшествовать еще посвященіе левитское, которое, между прочимъ, составляли слѣдующія дѣйствія: окропленіе водою очищенія, обрיתіе всего тѣла, измовеніе ризъ, рукоположеніе отъ всего сонма священниковъ и приношеніе жертвы о грѣхѣхъ и во всесоженіе (Числ. VIII). Содержаніе свое священники получали отъ лицъ, приносившихъ жертвы, отъ первенцевъ и десятинъ.

Чтобы читатель могъ составить болѣе ясное представле-
 ніе о священническомъ служеніи въ храмѣ іерусалимскомъ,
 мы сообщимъ о немъ нѣкоторыя подробности. Ежедневно,
 послѣ полуночи, сотникъ храма вмѣстѣ съ нѣсколькими свя-
 щенниками съ факелами въ рукахъ отпиралъ всѣ храмовые
 врата и проходилъ по отдѣльнымъ дворамъ и помѣщеніямъ
 чтобы видѣть, все-ли въ порядкѣ и все-ли приготовлено для
 богослуженія наступающаго дня. Когда приближались они
 къ стражѣ какого-либо двора, то стража кричала: „сотникъ,
 миръ съ тобою!“ Если все было въ порядкѣ,—священники
 говорили: „хорошо, все хорошо!“ Вскорѣ послѣ этого поды-
 мались съ своихъ ложъ и всѣ остальные священники, омы-
 вались установленнымъ образомъ и надѣвали свои должност-
 ные одѣянія. Затѣмъ происходило распредѣленіе между че-
 редными священниками ихъ служебныхъ занятій для всего
 предстоящаго дня. Послѣ этого трубили въ трубы, созывая
 народъ къ богослуженію и напоминая лицамъ, не имѣющимъ
 возможности явиться во храмъ, о наступленіи перваго часа
 молитвы. Къ этому времени всѣ наружные ворота храма (во
 дворѣ язычниковъ) должны быть уже отворены; на алтарѣ
 всесожженія возжигали накладенныя передъ тѣмъ дрова.
 Какъ скоро съ крыла храма можно было видѣть находив-
 шійся на югѣ-востокѣ Хевронъ, раздавался всеобщій крикъ:
 „сверкаетъ отъ Хеврона!“—и въ это время утрення жерт-
 ва мгновенно падала подъ рукою священника; кровь заклан-
 наго животнаго была возливаема предъ святилище, а жерт-
 венныя части были относимы на алтарь всесожженія.

Непосредственно за этимъ *жертвоприношеніемъ* слѣдовало
 богослуженіе *молитвенное* съ пѣніемъ и музыкою. За мо-
 литвою слѣдовало *воскуреніе* ѳиміама на златомъ алтарѣ, по-
 слѣ котораго священникъ преподавалъ народу *благословеніе*.
 Затѣмъ священникъ, назначенный для частныхъ жертвопри-
 ношеній, приступалъ къ отправленію своихъ обязанностей у
 алтаря всесожженія, а левиты между тѣмъ подъ сильныя
 звуки трубъ воспѣвали псалмы: въ первый день недѣли (въ
 „воскресенье“ наше) пѣли обыкновенно псал. 23-й, во вто-
 рой—псал. 47-й, въ третій—псал. 81-й, въ четвертый—

псал. 93-й, въ пятый—псал. 80-й, въ шестой—псал. 92-й, въ субботу—псал. 91-й.

Ветхозавѣтныя жертвоприношенія были совершаемы такимъ образомъ. Когда было найдено животное (телець, агненокъ или козелъ) годное для жертвы Богу, т. е. чистое, безъ всякихъ пороковъ на тѣлѣ, священникъ бралъ его и приводилъ предъ врата святилища; затѣмъ онъ возлагалъ на него свою руку, принималъ ножъ и съ силою заколалъ стоявшее предъ нимъ животное, стараясь, по возможности, не дозволить ему даже вскрикнуть. Закланное такимъ образомъ животное было повергаемо на землю, а его кровь священникъ проливалъ вокругъ алтаря по преимуществу однакоже къ сѣверу. Послѣ этого части жертвенной крови были собираемы въ особенную чашу и семь разъ бросаемы пальцемъ жреца предъ завѣсою святилища. Кожу закланнаго животного нерѣдко тотчасъ-же сымали и отдавали седмичнымъ жрецамъ въ ихъ пользу, а трупъ, разсѣченный на части и посыпанный солью, священникъ крестообразно возносилъ надъ жертвенникомъ, оборачивая на всѣ четыре стороны, и наконецъ возлагалъ на дрова. Иногда, какъ на примѣръ въ жертвахъ о грѣхѣ и преступленіи, были сожигаемы не всѣ, а только нѣкоторыя части жертвеннаго животного, остальные-же отдавались жрецамъ и назывались „святая святымъ“ (Лев. VI, 29). Эти части обыкновенно были употребляемы для приготовленія обѣда седмичнымъ служителямъ храма.

Въ полуденное время священники и левиты обѣдали, если только это не было днемъ какого-либо поста. Около трехъ часовъ по-полудни уже начиналось вечернее богослуженіе и начиналось также закланіемъ жертвеннаго агнца, къ которому присоединялись и другія жертвы, приносимыя отъ частныхъ лицъ. По захожденіи солнца было совершаемо вечернее *молитвенное* богослуженіе,—послѣ чего священники и левиты омывали уже священные сосуды, подготавливая ихъ для жертвоприношеній слѣдующаго дня, и поджидали прибытія тѣхъ, которые должны были смѣнить чреду и начать новую службу.

Подобнымъ-же образомъ въ іерусалимскомъ храмѣ было

совершаемо богослуженіе въ субботы и дни великихъ праздниковъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что тогда оно имѣло болѣе торжественный видъ вслѣдствіе того, что употреблялось больше пѣснопѣній, какъ напримѣръ прибавлялась пѣснь Моисея (Второз. гл. XXII) и пѣснь побѣды (Исх. гл. XV). Гораздо сложнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнѣе и впечатлительнѣе было отправляемо въ іерусалимскомъ храмѣ богослуженіе въ такъ называемый *день очищенія*. Его совершала, собственно говоря, только одинъ іудейскій первосвященникъ. Святость и исключительность этого праздника, служившаго прообразомъ искупленія всего человѣчества, совершеннаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, предъявляли къ іудейскому первосвященнику многія и важныя требованія. Въ теченіе цѣлыхъ семи дней онъ долженъ былъ постомъ и молитвою, съ строгимъ вниманіемъ ко всѣмъ своимъ дѣйствіямъ и жизни, приготовляться къ совершенію этого богослуженія. Въ ночь подъ самый праздникъ священники, левиты, а также и знатнѣйшіе изъ гражданъ Іерусалима обыкновенно развлекали первосвященника чтеніемъ и разговорами, отгоняя отъ него уныніе и въ особенности сонъ, потому что предъ этимъ праздникомъ въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ онъ не долженъ былъ спать ни одной минуты. Въ самый день праздника первосвященникъ прежде всего совершалъ торжественныя омовенія; затѣмъ слѣдовало возложеніе на него драгоценныхъ „золотыхъ“ одеждъ, составлявшихъ принадлежность его сана, принесеніе утренней жертвы, воскуреніе еиміама, богослуженіе молитвенное, пѣніе псалмовъ и благословеніе молящагося народа и города Іерусалима. Благословивъ городъ съ высокаго „крыла“ іерусалимскаго храма, первосвященникъ возвращался въ „притворъ Соломона“,—и здѣсь вторично были совершаемы надъ нимъ священныя омовенія съ установленными обрядами и церемоніями,—послѣ чего онъ совлекалъ съ себя драгоценное первосвященническое облаченіе и надѣвалъ обычныя, простыя священническія ризы, т. е. льняныя надраги, такой-же поясъ и кидарь (Срвн. Лев. XVI, 4); все это, разумѣется, также сопровождалось разнаго рода церемоніями и обрядно-

стями. Когда такимъ образомъ первосвященникъ былъ уже готовъ къ совершенію богослуженія „великаго дня“, въ храмъ приводили двухъ козловъ отъ всего израильскаго народа, изъ которыхъ одного надлежало принести въ жертву за грѣхи народа, а другаго, по исповѣданіи надъ нимъ грѣховъ народа, обыкновенно изгоняли куда-либо въ пустынное мѣсто. Надъ козломъ, избраннымъ по жребію для принесенія въ жертву, первосвященникъ предварительно также произносилъ исповѣданіе грѣховъ народа, и только послѣ этого животное было уже закалаемо какъ жертва за народные грѣхи. Затѣмъ первосвященникъ торжественно входилъ во Святое святыхъ въ одной рукѣ съ кадильникомъ еиміамнымъ, а въ другой—съ кровію очищенія, которую онъ семь разъ проливалъ на святое мѣсто (Срвн. Лев. гл. XVI). Многія самымъ точнымъ образомъ опредѣленныя частности этого священнодѣйствія были соблюдаемы всегда безъ малѣйшаго нарушенія и со всею строгостію. Торжество богослуженія великаго дня очищенія заканчивали: произносимое народомъ исповѣданіе грѣховъ, церемоніальный выходъ первосвященника изъ Святаго святыхъ и окропленіе имъ всего народа жертвенною кровію, совершенное съ одною изъ крылъ іерусалимскаго храма.

Въ роковыя времена вавилонскаго плѣна, само собою понятно, у іудеевъ не могло быть и рѣчи о жертвенномъ богослуженіи,—и такимъ образомъ къ этой только эпохѣ можно отнести происхожденіе іудейскаго религіознаго института, который, по всей вѣроятности, былъ занесенъ въ Палестину уже по возвращеніи народа еврейскаго изъ плѣна, во времена Ездры, какъ между прочимъ можно заключать объ этомъ и изъ книги Нееміи (VIII, 1 и дал.), и который повсюду стоялъ на высотѣ своего процвѣтанія во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа: мы говоримъ о *синагогахъ* или іудейскихъ народныхъ школахъ. Въ этихъ мѣстахъ народнаго собранія или школахъ жертвъ не приносили, потому что жертвоприношенія были совершаемы только въ іерусалимскомъ храмѣ; здѣсь лишь молились, читали Писаніе и вели назидательныя бесѣды; согласно съ этимъ

главною цѣлію учрежденія синагогъ было наставленіе взрослыхъ членовъ іудейскаго общества въ библейской исторіи и богооткровенномъ ученіи, именно въ законѣ, соединенное съ молитвою (Мате. IV, 23; Марк. I, 21; Лук. IV, 15; Иоан. VI, 59). Въ Іерусалимѣ такихъ національныхъ школъ было весьма много, ихъ насчитывали до 480-ти; такая многочисленность іерусалимскихъ синагогъ легко объясняется тѣмъ, что даже іудеи, приходившіе на праздники изъ разсѣянія, старались имѣть въ Іерусалимѣ свои собственные школы, какъ это и дѣлали, на примѣръ, либертинцы, александрійцы, киринейцы и др. (Дѣян. VI, 9). Много синагогъ было также и по другимъ большимъ городамъ Палестины (Дѣян. IX, 20); даже въ мѣстечкахъ, населенныхъ незначительнымъ числомъ жителей, существовали свои собственные синагоги. Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ могъ толковать Писаніе въ синагогѣ Своего отечественнаго города Назарета (Мате. XIII, 54. Лук. IV, 16) или въ Своемъ любимомъ городѣ Капернаумѣ (Марк. I, 21), а равно также могъ преподавать Свое божественное ученіе и въ синагогахъ другихъ мѣсть. По примѣру Іисуса Христа и Его ученики, куда-бы они ни пришли, прежде всего являлись въ синагоги (Дѣян. III, XIV, XVII, XVIII и др.). Впрочемъ, кромѣ такихъ школъ или синагогъ, которыя были устроены въ самыхъ городахъ, у іудеевъ были еще и *молитвенныя мѣста* подъ открытымъ небомъ, которыя, ради омовеній предъ совершеніемъ молитвъ, обыкновенно были избираемы внѣ городовъ при водахъ, какъ это было, на примѣръ, въ Филиппахъ (Дѣян. XVI, 13).

Устройство и содержаніе зданій для іудейскихъ синагогъ обыкновенно возлагалось на самыя іудейскія общины той или другой мѣстности; тѣмъ не менѣе иногда и частныя лица брали на себя заботы какъ по устройству, такъ и по содержанію ихъ; такъ мы знаемъ, что капернаумскіе старѣйшины восхваляли одного языческаго сотника именно за то, что онъ устроилъ имъ школу (Лук. VII, 5). Въ залѣ, гдѣ происходили собранія, прежде всего бросались въ глаза мѣста для сидѣнія присутствующихъ (Мате. XXIII, 6; срвн. Іак. II, 3 и Лук. IV, 16); для чтеца было устроено, вѣроятно, болѣе

возвышенное мѣсто въ родѣ пюпитры; наконецъ въ залѣ каждой іудейской синагоги находится шкафъ или ящикъ, въ которомъ хранились свитки священныхъ книгъ, и нѣсколько лампъ или люстръ для освѣщенія зданія при вечернихъ богослуженіяхъ. Въ каждой синагогѣ былъ особый предстоятель или начальникъ школы (Марк. V, 35; Лук. VIII, 49), который завѣдывалъ внѣшними дѣлами своей синагоги и сохраненіемъ надлежащаго порядка при собраніяхъ (Лук. XIII, 14. Дѣян. XIII, 15). Въ помощь ему обыкновенно была избираема коллегія мѣстныхъ старѣйшинъ (Лук. VII, 3. Марк. V, 22. Дѣян. XIII, 14). Служители, назначаемые общиною по указанію предстоятеля, обязаны были запирать и отпирать синагоги, заботиться о чистотѣ въ нихъ, подавать чтецу свитки Писанія и принимать ихъ отъ него обратно (Лук. IV, 20).

Богослуженіе, во время котораго всѣ присутствовавшіе сидѣли отдѣльно по возрасту и полу, въ синагогахъ начиналось молитвою и прежде всего—молитвою вѣры, такъ называемою *схемою*: Второз. VI, 4 и дал.: „Слушай, Израиль, Іегова нашъ Богъ, Іегова единъ только!“—къ этому прибавляли XI, 13—21 и Числ. XV; 37—41; за схемою уже слѣдовала молитва въ собственномъ смыслѣ, *тефилла*, съ ея восемнадцатю частями. Собравшіеся въ синагогу іудеи и прозелиты при молитвѣ обыкновенно вставали съ своихъ мѣстъ (Матѣ. VI, 5. Марк. XI, 25. Лук. XVIII, 11) и стояли съ лицомъ, обращеннымъ ко храму (Сравн. Даніил. VI, 10. 2 Паралип. VI, 34); произносившій молитву возвышалъ свой голосъ, а присутствовавшіе заканчивали прочитанную имъ молитву словомъ „Аминь“ (1 Кор. XIV, 16). Послѣ этого чтецъ начиналъ чтеніе положеннаго отрывка изъ закона, который для этого былъ раздѣленъ на 154 *параши* или перикопа; отдѣлы эти (зачѣла) были прочитываемы въ теченіе одного, или даже и трехъ лѣтъ. Должности опредѣленнаго и постояннаго чтеца въ іудейскихъ синагогахъ не было; но каждый изъ участвовавшихъ въ собраніи, если хотѣлъ, могъ принимать на себя обязанность такого чтенія; обыкновенно изъ толпы вызывали того или другаго знатока Писаній, и вы-

званный долженъ былъ громко прочесть указанное ему мѣсто. Къ недѣльному отрывку изъ закона во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа—по крайней мѣрѣ во время субботнихъ собраній синагогъ — присоединяли еще (Дѣян. XIII, 27) установленные отрывки изъ пророковъ, такъ называемые *гафтара*. Такъ какъ древнееврейскій языкъ Писанія во времена земной жизни Спасителя для многихъ іудеевъ былъ уже непонятенъ, то въ каждой синагогѣ непременно присутствовалъ еще переводчикъ, который, стоя возлѣ чтеца, тотчасъ-же громко переводилъ прочитанные отрывки по отдѣльнымъ стихамъ на арамейскій народный языкъ, послѣ чего читавшій, сидя на своемъ мѣстѣ, толковалъ и объяснялъ прочитанное (Лук. IV, 20). Хотя на такое чтеніе и толкованіе Писанія, какъ мы сказали выше, право имѣлъ каждый изъ участвовавшихъ въ этихъ молитвенныхъ собраніяхъ, но не каждый былъ подготовленъ къ тому, чтобы воспользоваться этимъ правомъ, и потому по преимуществу только іудейскіе книжники находили возможность выказать здѣсь свои познанія и блеснуть своею тонкою ученностію. Впрочемъ, изъ евангельскихъ повѣствованій намъ извѣстно, какъ и Иисусу Христу въ Назаретской синагогѣ подали книгу пророка Исаіи, и Онъ, прочитавши одно мѣсто (гл. 61, 1 и дал.), свернулъ книгу снова, отдалъ ее слугѣ, сѣлъ и началъ говорить о прочитанномъ (Лук. IV, 16 и дал.). Подобнымъ образомъ поступали также и апостолы—Павелъ и Варнава (Дѣян. XIII, 14 и дал.). Конецъ богослуженія въ іудейскихъ синагогахъ, по принятому обычаю, такъ-же, какъ и въ храмѣ іерусалимскомъ, составляло благословеніе или благодареніе, произнесенное какимъ-либо присутствовавшимъ здѣсь священникомъ, которое всѣ находившіеся въ синагогѣ заканчивали словомъ „Аминь“.

Такія богослуженія въ іудейскихъ синагогахъ, по образцу которыхъ впоследствии были установлены и первыя христіанскія собранія (Іак. II, 2), бывали нѣсколько разъ въ недѣлю, особенно въ торговые дни; но суббота у іудеевъ была главнымъ днемъ всѣхъ религіозныхъ собраній; свои праздники и посты іудеи также любили проводить по преимуществу

въ синагогахъ, все равно, были-ли они посвящены воспоминанію о благодѣтельномъ водительствѣ Божіемъ судьбами народа, какъ напр., праздникъ кущей, пятидесятница или пасха, или о прискорбныхъ событіяхъ, когда въ сознаниі своей собственной виновности во грѣхахъ іудеи смиряли себя предъ Богомъ постомъ и покаянiемъ, во вретцѣ и пеплѣ.

Изъ храма іерусалимскаго свѣтъ ветхозавѣтной религіи распространялся на все іудейство какъ въ Палестинѣ, такъ и въ разсѣянiи, изъ синагогъ—на отдѣльныя іудейскія общины; при посредствѣ-же обоихъ этихъ институтовъ—представители іудейства непрестанно и безъ устали работали надъ тѣмъ, чтобы каждый іудей, безъ различія пола и возраста, чувствовалъ и сознавалъ себя живымъ членомъ народа Божія, чтобы онъ искалъ въ религіи своей радости, своего утѣшенія, своей надежды, чтобы онъ относилъ къ Богу всю свою дѣятельность, всѣ обстоятельства и событія своей жизни. А что укрѣпляло такую религіозную жизнь, основа которой коренилась въ іерусалимскомъ храмѣ и іудейскихъ синагогахъ, а главное—не допускало въ нее чуждыхъ элементовъ,—это *воспитаніе* въ іудейскомъ народѣ *юношества*, основанное исключительно на познаніи и исполненіи ветхозавѣтнаго закона, т. е. на началахъ ветхозавѣтной религіи. Такого воспитанія требовалъ, конечно, самый теократическій строй іудейской народной жизни. Съ религіею іудейскаго народа въ самой тѣсной связи стояло не только богословіе, но и всѣ другія свѣдѣнія, имѣвшія въ его глазахъ какое-либо значеніе; изучая свои священныя книги, іудей изучалъ въ то-же время и свою національную исторію, и свои юридическія установленія. „Законъ и пророки“ представляли іудейскому юношѣ жизнь его народа во всѣхъ ея проявленіяхъ; они открывали ему всѣ ея стороны: религіозную, нравственную, юридическую, общественную, государственную и бытовую, и притомъ не только въ формѣ настоящаго, но также прошедшаго и будущаго. Всякій обрядъ, всякій обычай въ Іудеѣ носилъ на себѣ религіозный отпечатокъ. Куда бы іудейскій юноша ни обратился, онъ повсюду наталкивался на тотъ или другой религіозный символъ. Не было, кажется, въ іудейской

жизни ни одного такого явленія, отъ котораго-бы ни вѣялъ духъ національной религіи или религіозной обрядности. Поэтому іудей безпрестанно долженъ былъ обращаться къ своимъ священнымъ книгамъ, дабы въ нихъ найти указаніе, что ему дѣлать и какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ (срвн., напр., Іоан. V, 39). Вотъ почему на религіозное воспитаніе и обученіе юношества іудеи смотрѣли всегда какъ на свою самую священную обязанность. Насколько мы можемъ судить на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, у евреевъ даже дѣвушки изучали свои священныя книги; такъ по крайней мѣрѣ, мы можемъ заключать изъ предпоследней главы книги пр. Даніила (изъ такъ называемой исторіи Сусаны); гдѣ между прочимъ говорится: „родители ея (т. е. Сусаны) были праведны и научили дочь свою закону Моисееву“ (XIII, 3). Даже самарянскія женщины живо интересовались богословскими вопросами и вѣроисповѣдными спорами (Іоан. IV, 20. 23). Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій свидѣтельствуєтъ о ревности іудеевъ къ дѣлу религіознаго воспитанія юношества, когда говоритъ: „величайшее усердіе мы прилагаемъ къ воспитанію дѣтей, а соблюденіе закона благочестія считаемъ важнѣйшею задачею своей жизни“¹⁾. Филонъ также вспоминаетъ о томъ, что іудеи съ ранней юности обучаются въ законѣ²⁾. И ап. Павелъ (2 Тим. III, 15) нищетъ о своемъ ученикѣ Тимоѳеѣ, что Св. Писаніе онъ знаетъ съ дѣтства. Какое важное значеніе религіозному воспитанію и обученію дѣтей придавали іудеи въ позднѣйшее время, можно судить по многочисленнымъ постановленіямъ относительно этого предмета болѣе или менѣе замѣчательныхъ іудейскихъ раввиновъ. Наконецъ, это видно даже и изъ извѣстнаго сборника законовъ, постановленій, обычаевъ и обрядовъ,—Мишны, по которому требуется, чтобы на пятомъ году дитя обучалось чтенію Библии, на десятомъ—знакомилось съ Мишиою, на тринадцатомъ—не только изучило, но и исполняло въ своей жизни 613 постановленій Торы, а на

¹⁾ Contra Apion. 1, 8.

²⁾ Legat. ad Caj.

пятнадцатомъ — постигло мудрость Гемары. Таковой взглядъ іудейскаго народа на религіозно-нравственное воспитаніе юношества, очевидно, вытекалъ изъ самыхъ священныхъ книгъ Ветхаго Завета. Уже великій законодатель іудейскаго народа, Моисей, заповѣдалъ іудеямъ, какъ повелѣніе Божіе, слѣдующее: „внушай слова закона, Израиль, дѣтямъ своимъ; и говори о нихъ, сидя въ домѣ твоёмъ, и идя дорогою, и ложась и вставая. И навяжи ихъ въ знакъ на руку свою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими, и напиши ихъ на косякахъ дома своего и на воротахъ своихъ“ (Второз. IV, 7—9). Чѣмъ-же достигалась эта высокая цѣль религіознаго воспитанія іудейскаго юношества? Народная жизнь іудеевъ, поставленная исключительно на началахъ религіи, въ свою очередь служила и самымъ лучшимъ средствомъ религіознаго воспитанія іудейскаго юношества. Въ частности весьма важное и совершенно незамѣнимое значеніе въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и дѣтей, и взрослыхъ, имѣли, какъ сказано, іерусалимскій храмъ и многочисленныя іудейскія синагоги; затѣмъ ежедневное чтеніе отрывковъ изъ Св. Писанія, различныя символическія дѣйствія въ семействѣ во всякое время; вся атмосфера, въ которой жили и которою дышали іудеи; безсознательно воспитывали іудейское дитя въ религіозныхъ воззрѣніяхъ его народа; Каждый отецъ семейства, помня заповѣдь своего великаго законодателя, Моисея, и наставленія возсѣвшихъ на его сѣдалище раввиновъ, смотрѣлъ какъ на свою важнѣйшую обязанность на то, чтобы своему сыну, своей дочери уже съ дѣтства сообщить основательныя познанія въ исторіи іудейскаго народа и его законѣ и возбуждать въ нихъ интересъ и любовь къ отечественной религіи. Въ особенности мальчишка считали необходимымъ приучить къ строгому соблюденію закона и къ участію въ богослуженіи уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста, ибо теперь онъ становился „сыномъ закона“, а его воспитаніе влѣкло его затѣмъ неудержимо къ іерусалимскому святилищу, или хотя въ синагоги, какъ свидѣтельствуемъ и исторія двѣнадцатилѣтняго отрока Іисуса во храмѣ (Лук. II, 41 и дал.)¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе о постановкѣ дѣла религіозно-нравственнаго воспитанія у

Хотя первоначальное обученіе іудейскихъ дѣтей обыкновенно происходило въ семьѣ; но уже во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа у іудеевъ не было совершенно недостатка и въ общественныхъ школахъ, цѣлю которыхъ всегда и повсюду было также расширеніе и усовершенствованіе религіозныхъ познаній юношества. Іерусалимъ былъ, такъ сказать, академіею для образованія іудейскихъ книжниковъ. Апостоль Павель, ученикъ Гамалиила, нѣкогда также принадлежалъ къ тѣмъ, которые прилежно изучали въ Іерусалимѣ іудейское богословіе, хотя родиной его былъ Тарсъ,—городъ малоазійской области—Киликіи (Дѣян. XII, 3 и дал.). Со временъ Александра Македонскаго іудеи заводили уже школы для обученія юношей закону и въ остальныхъ большихъ городахъ. И если около шестидесятихъ годовъ по Р. Х. говорили, что Іисусъ бенъ Гамалииль учредилъ школы для мальчиковъ въ каждой странѣ и каждомъ городѣ, то несомнѣнно, что и около времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа то здѣсь, то тамъ существовали уже народныя школы, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ еще твердо организованныя. Главнымъ предметомъ обученія въ этихъ школахъ всегда, разумѣется, былъ законъ; научиться читать священныя книги было высокою цѣлю школы, а еще вышею—переписывать эти книги по оригиналамъ.

Итакъ, бросая общій взглядъ на всѣ приведенныя нами іудейскія учрежденія, мы должны согласиться, что все, что касалось іудея съ дѣтства, было направлено именно къ тому, чтобы пробудить въ немъ религіозное чувство и затѣмъ все вновь и вновь возбуждать, развивать и оживлять его,—что все побуждало каждаго іудея всецѣло отдать себя и свою жизнь на служеніе Господу. Вся жизнь еврейскаго народа была проникнута его религіею. Всѣ свои національныя преданія и воспоминанія, свои надежды и желанія, свои радости и скорби, ожиданія и идеалы іудей съ

дѣтства привыкалъ относить къ Богу. Священные обычаи сопровождали его повсюду ежедневно, ежечасно; религиозныя обязанности не оставляли его ни на одну минуту въ его жизни. Ежедневныя молитвы, приготовленія въ праздникамъ, религиозныя собранія въ синагогахъ, хожденія къ храму, дары, жертвы и обѣты, постоянное и внимательное исполненіе всѣхъ предписаній закона, наблюденіе за чистымъ и не чистымъ, обрядами радостными, и печальными, все это, строго соблюдаемое іудеями, даетъ намъ возможность понять, какимъ образомъ іудей все болѣе и болѣе погружался въ религиозную область и только въ религіи научался познавать весь смыслъ своей жизни, все значеніе своей дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе и здѣсь мы не должны опускать изъ виду то, о чемъ говорили выше: въ народной массѣ религиозная жизнь была всецѣло поглощена внѣшностію и только немногіе еще проникали отъ скарлупы къ зерну. Вліяніе священническаго сословія и въ особенности іудейскихъ книжниковъ, какъ и фарисеевъ, было всеобъемлющимъ и всеильнымъ, и ихъ воззрѣнія, ученія и требованія охватывали собою всѣ народныя слои. Частыя путешествія къ храму іерусалимскому, жертвы, дары и другія внѣшнія дѣйствія въ глазахъ іудейскихъ книжниковъ прямо получили значеніе заслугъ; но какъ рѣдко съ этими внѣшними дѣйствіями у іудеевъ было соединяемо благодарное обращеніе души къ Богу! Неопустительно въ опредѣленныя времена іудеи имѣли обыкновеніе совершать молитву; но какъ часто такая молитва была лишь дѣломъ движенія однихъ устъ! Суббота и праздники, по требованію раввиновъ, были соблюдаемы со всею строгостію; но не часто-ли это было только однимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ безъ глубокой святости настроенія? При всемъ выполненіи раввинскихъ предписаній относительно очищеній и омовеній, — многіе-ли понимали сущность ветхозавѣтной религіи, многіе-ли обнаруживали глубокую и постоянную преданность сердца всемогущему Богу?... Вотъ почему скоро сказались повсюду плоды раввинскаго руководства іудейскимъ народомъ: внѣшность, форма, обряд-

ность, служеніе буквѣ безъ духа истины. И болѣе серьезныя болѣе даровитыя лица изъ народа не могли не видѣть, что въ такомъ порядкѣ вещей, въ такой ненормальной жизни нельзя найти удовлетворенія для души, блаженнаго успокоенія для сердца; а вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе проявлялись у нихъ стремленіе и желаніе, ожиданія и надежды на Того, Котораго за нѣсколько столѣтій предрекали отцы, какъ Князя мира, какъ Искупителя душъ отъ скорби и отчаянія, какъ имѣющаго осчастливить всѣхъ жаждущихъ спасенія, и Который, быть можетъ, въ то время даже и находился уже среди нихъ (Іоан. I, 26. Матѣ. III, 11 и дал.).

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

(Продолженіе *).

2.

Ученики Бернарда Клервосскаго.—Умѣренное мистико-діалектическое направ-
леніе. Гуго-Сентъ Викторъ. Его жизнь и богословскіе труды.—Общая воззрѣнія
Гуго-С. Виктора на способы познанія религиозныхъ истинъ.—Особенности его
богословствованія въ формальномъ отношеніи.—Его догматическая система и
этико-мистическое ученіе.—Отношеніе Гуго-С. Виктора къ католичеству.

Бернардъ Клервосскій имѣлъ при своей жизни многочи-
сленныхъ восторженныхъ почитателей, преимущественно въ
средѣ Бенедиктинскихъ монаховъ, которые, подражая своему
настоятелю въ крайнемъ аскетизмѣ, воспроизводили также
въ своихъ сочиненіяхъ его мистико-богословскія воззрѣнія¹⁾.
Но эти непосредственные ученики Бернарда не заявили се-
бя въ области теологіи новыми самостоятельными взглядами:
ихъ сочиненія представляютъ собраніе благочестивыхъ рели-
гиозно-назидательныхъ сентенцій, не объединенныхъ въ си-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 16.

¹⁾ Къ числу такихъ учениковъ Бернарда принадлежалъ аббать Гварикъ, ко-
торый въ своихъ проповѣдяхъ раскрываетъ мистическое ученіе въ духѣ своего
учителя, какъ это можно заключить изъ его словъ „De adventu Domini“ „in
solemnitate omnium sanctorum“ et caetera. Bibliotheca Veterum Patrum Eccli-
siasticorumque t. XXIII p.: 169—239. Lugduni 1567 an.

стему, основанныхъ на искусственномъ аллегорическомъ изъясненіи Священнаго Писанія и отзывающихся крайнею сентиментальностію, дающею мало пищи для сердца и безплодною для ума. Скудость богословскаго міросозерцанія многихъ изъ этихъ мистиковъ зависѣла въ значительной степени отъ чрезмерно враждебнаго отношенія ихъ къ языческой философіи, а равно и ко всякому положительному знанію. Признавая мудрость этого міра „безуміемъ“, мистики отвергали безусловно философію не только въ ея матеріальномъ значеніи—по содержанію, но и въ формальномъ—со стороны метода, почему предпочитали выражать свои мысли отрывочно въ видѣ краткихъ положеній ¹⁾).

Но ортодоксальное мистическое богословіе и послѣ Бернарда Клервосскаго не утратило своей жизненности, не остановилось въ своемъ развитіи. Еще при жизни Бернарда оно нашло для себя новое средоточіе въ Парижѣ, въ аббатствѣ Св Виктора (Saint Victor), благодаря знаменитому ученому Вильгельму Шампо. Вильгельмъ Шампо нѣкоторое время былъ учителемъ Абельярда, но потомъ разошелся съ своимъ ученикомъ въ убѣжденіяхъ и сдѣлался его крайнимъ противникомъ. Съ цѣлію противодѣйствія схоластическому раціонализму Вильгельмъ основалъ въ Сентъ-Викторѣ школу, которая привлекла многочисленныхъ учениковъ изъ всѣхъ сословій и сдѣлалась разсадникомъ высшаго богословскаго образованія не только для Франціи, но для Италіи, Шотландіи и Англии. Здѣсь теософія пріобрѣтаетъ болѣе умѣренное діалектическое направленіе. Представители его, получившіе названіе мистиковъ-схоластиковъ, прекратили ожесточенную полемику съ схоластиками и обратили большее вниманіе на раскрытіе догматическаго и нравственнаго ученія методомъ мистико-діалектическимъ, стараясь

¹⁾ Изъ числа этихъ непосредственныхъ послѣдователей Бернарда представляетъ нѣкоторое исключеніе по своеобразнымъ возрѣніямъ Руппертъ Дейцъ (Ruppertus Abbas Duitiensis † 1135), аббатъ Бенедиктинскаго монастыря, который въ своемъ ученіи о Евхаристіи поразительно сходится съ Лютеромъ, развивая мысль „о чудесномъ соединеніи тѣла Христова съ хлѣбомъ безъ уничтоженія чувственныхъ элементовъ“, или о соприсутствіи Христа (impranationslehre) Hagenbach Dogmengeschichte s. 466. Neander B. V s. 449.

при помощи такого метода избѣжать тѣхъ крайнихъ выводовъ въ богословствованіи, къ которымъ могъ приводить методъ чисто теософскій. Впрочемъ, эти мистики, избѣгая крайней полемики съ схоластиками, тѣмъ самымъ нисколько не дѣлали уступки въ ученіи въ пользу послѣднихъ: отъ схоластиковъ заимствованъ былъ до извѣстной степени только діалектическій методъ для уясненія ортодоксальнаго мистическаго ученія; содержаніе же этого ученія оставалось въ общемъ существенномъ видѣ такимъ, какимъ оно является въ богословскихъ произведеніяхъ Бернарда. И если новые поборники мистико-діалектическаго направленія въ богословствованіи избѣгаютъ открытой полемики съ схоластиками, то она ведется, такъ сказать, скрытно: мы узнаемъ ее въ положительномъ раскрытіи умѣреннаго мистическаго ученія, которое какъ въ догматическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи, противопоставляется богословствованію схоластиковъ. Часто новые мистическіе богословы указываютъ противниковъ истиннаго богословскаго ученія въ средѣ своихъ современниковъ. Хотя эти противники не называются по имени, но подъ ними мы безошибочно можемъ разумѣть извѣстныхъ намъ защитниковъ схоластики.

Однимъ изъ первыхъ выдающихся представителей этой умѣренной діалектической мистики былъ *Гуго Сентъ-Викторъ* (1097—1141). Этотъ богословъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, былъ по происхожденію нѣмецъ ¹⁾. Предки его принадлежали къ знатной графской фамиліи, жившей въ Гарцѣ. Первоначальное образованіе Гуго получилъ въ Гамерслебенской школѣ, куда отданъ былъ своими родителями еще въ раннемъ дѣтствѣ. При воспитаніи своего сына, родители задавались самыми скромными практическими соображеніями: его хотѣли только обучить чтенію и письму. Но Гуго уже въ раннихъ лѣтахъ обнаружилъ такую широкую любознательность, которая совершенно не соответствовала его возрасту. Несмотря на требованіе родителей возвратиться домой, по окончаніи элементарнаго обученія чтенію и письму, Гуго рѣшился продолжать свое школьное образованіе въ Гамерслебе-

¹⁾ Geschichte der deutschen Mystik, Preger. 1 th. s. 227—230.

вѣ и только начавшаяся въ Германіи война Генриха V съ Саксами побудила его искать другаго мѣста для удовлетворенія своей любознательности. Будучи восемнадцатилѣтнимъ юношею, Гуго, при содѣйствіи своего просвѣщеннаго и гуманнаго дяди Рейнгарда Гальберстада, предпринялъ путешествіе въ Парижъ. Этотъ городъ въ XII в. не былъ богатъ учебными заведеніями и только мистическая богословская школа въ Сентъ-Викторскомъ аббатствѣ представляла счастливое исключеніе. Сюда, какъ „въ тихую гавань, служащую самымъ надежнымъ убѣжищемъ отъ мірскихъ тревоженій, притекъ благородный любознательный юноша, чтобы удовлетворить своимъ возвышеннымъ влеченіямъ ума и сердца“.—Научныя занятія Гуго С.-Виктора здѣсь значительно расширились. Философскія, и богословскія науки были главнымъ предметомъ его изученія. Однако и положительныя эмпирическія науки, не пользовавшіяся уваженіемъ современниковъ, интересовали его. По собственнымъ своимъ словамъ, Гуго не пренебрегалъ никакимъ званіемъ, чтобы содѣйствовать развитію ума и сердца ¹⁾. Онъ говоритъ, что многими науками занимался самостоятельно по собственному выбору. Онъ подводилъ подъ общія категоріи названія всѣхъ существующихъ предметовъ, чтобы упрочить ихъ въ своемъ умѣ; чертилъ палкою на землѣ геометрическія фигуры и старался выяснить для себя ихъ особенности, устроилъ для себя родъ арены, чтобы развить слухъ и уяснить себѣ понятіе о тонахъ. По временамъ Гуго любилъ заниматься созерцаніемъ звѣздъ и додумывался до новыхъ выводовъ изъ области астрономіи, неизвѣстныхъ его современникамъ. Къ аскетизму Гуго не показывалъ такой преданности, какою заявилъ себя Бернардъ. Вообще Гуго не отличался крайнею мечтательностію и особою восторженностію, свойственною природнымъ мистикамъ. Тѣмъ не менѣе сочиненія Гуго показываютъ, что это былъ человѣкъ съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, хотя чувство умѣрялось въ немъ развитымъ разсудкомъ. Въ духѣ

¹⁾ Hugonis a st. Victore opera ed. Paris 1526 t. III lib. V. c. 3. Liebner, Hugo von st. Victor und die theologischen Richtungen seiner Zeit, Leipz. 1832.

Бернарда Клервосскаго Гуго, обличилъ архіепископа Іоанна Севильскаго въ невѣріи во Христа, въ которому пришелъ послѣдній вслѣдствіе увлеченія арабскою мудростію. „Имѣй вѣру въ сердце“, внушительно замѣчаетъ мистикъ католическому прелату, „знаніе въ устахъ, врестъ на груди: того хочетъ Богъ“¹⁾.

Жизнь Гуго прошла тихо и незамѣтно среди научныхъ богословскихъ трудовъ. Труды эти были высоко оцѣнены современниками, какъ, можно заключить изъ того, что авторъ ихъ, уже при жизни, получилъ названіе второго Августина (*Alter Augustinus, Lingua Augustina*). Изъ произведеній Гуго самое выдающееся, мѣсто занимаетъ трактатъ „О таинствахъ христіанской вѣры“ (*De sacramentis christianae fidei*), въ которомъ, въ систематическомъ видѣ, излагается догматическое ученіе; дополненіемъ этого трактата служатъ „сумма, сен-тенцій“ (*summa sententiarum*) и особенно „комментарій на сочиненіе св. Діонисія Ареопагита о Небесной іерархіи“ (*Annotationes elucidariae in Dyonisiam Areopagitam de coelesti hierarchia*). Къ мистико-этическимъ трудамъ Гуго главнымъ образомъ относятся: „О нравственномъ ковчегѣ“ (*de arca moralis*), въ которомъ указывается на сердечную вѣру, какъ на ковчегъ, могущій охранить человѣка отъ тревоженій житейскаго моря; „О таинственномъ ковчегѣ“ (*de arca mystica*), созидаемомъ въ душѣ человѣка добрыми дѣлами и созерцаніемъ; „О суетѣ міра“ (*de vanitate mundi*), побуждающей къ отреченію отъ земныхъ благъ, какъ временныхъ, скоропреходящихъ и обращенію къ Богу, источнику небесныхъ благъ; діалогъ „о залогѣ души“ (*soliloquium de arrha animae*), гдѣ указывается на тѣ дары, которыми надѣлена душа своимъ Творцомъ и которые должны побуждать ее безконечно любить своего Небеснаго Благодѣтеля и наконецъ—„о похвалѣ любви“ (*de laude caritatis*), гдѣ восторженно воспѣвается любовь, низводящая Бога къ человѣку и человѣка возводящая къ Богу. Гуго написалъ не мало экзегетическихъ произведеній, которыя служатъ какъ-бы вспомогательными сочиненіями для уяс-

1) Real—Encyclop Herzog. B. VI. s. 310.

ненія путемъ аллегорическаго толкованія Св. Писанія догматическихъ и мистико-этическихъ воззрѣній. Изъ этихъ произведеній замѣчательны: „Наставительное обученіе“ (*didascalica eruditia*), комментарий на экклезіастъ (*in ecclesiasticam homilia*) и на ев. Іоанна (*Annotatio elucidatoria in evang. Ioannis* ¹⁾).

Хотя Гуго не изнурялъ себя крайне аскетическими подвигами, подобно Бернарду, однако онъ умеръ рано, не достигши пятидесяти лѣтъ. Современники не могли простить этому ученому, что онъ не подражалъ „божественному“ Бернарду въ аскетической ревности и думали, что душа его за это подвергнется временному испытанію въ чистилищѣ ²⁾. Однако нѣкоторыя частныя обстоятельства, независимо отъ сочиненій, проникнутыхъ сильнымъ религиознымъ чувствомъ, показываютъ, что по христіанскому своему характеру Гуго выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ. Характеристично въ этомъ случаѣ сказаніе о его кончинѣ. Когда Гуго уже находился при смерти и выразилъ желаніе причаститься Св. Таинъ, то присутствующіе при этомъ монахи, заключая по сильнымъ стонамъ о тяжкомъ положеніи больного рѣшились приобщить его неосвященными дарами. Это было замѣчено больнымъ и онъ съ сердечною скорбію воскликнулъ: „зачѣмъ, братья, меня обманываете? Это не Господь мой Іисусъ Христосъ“ ³⁾.

Въ основѣ богословскаго міросозерцанія Гуго лежитъ общее гносеологическое ученіе о крайней ограниченности естественнаго способа Богопознанія, которое можетъ человѣкъ приобрѣтать собственными силами. Причину этого Гуго видитъ въ поврежденіи грѣхомъ природы человѣка. Человѣкъ, училъ онъ, имѣетъ три познавательныхъ органа, или три глаза (*tres visiones*): глазъ плотской, или чувственный, глазъ умственный (*ratio*) и глазъ созерцательный (*contemplatio*). Первый открытъ, второй мутенъ, третій закрытъ и слѣпъ. Глазомъ чувствен-

¹⁾ Мы здѣсь не указываемъ другихъ менѣе важныхъ трактатовъ Гуго С. Виктора, которые болѣе или менѣе примыкаютъ къ его важнѣйшимъ сочиненіямъ. *Histoire littéraire de la France par des Benedictins* An 1763 t. XII p. 7—72.

²⁾ *Geschichte der deutsch. Mystik*. Preger s. 223.

³⁾ *Cur me fallere, fratres, voluistis; iste non est Dominus meus Iesus Christus*. *ibid.* 230.

нымъ человѣкъ видитъ то, что внѣ его, глазомъ умственнымъ то, что въ немъ, глазомъ созерцательнымъ какъ то, что въ немъ, такъ и то, что выше его. Первымъ глазомъ познается мѣръ и все существующее въ немъ, вторымъ—духъ и духовныя явленія, третьимъ—Богъ. Отсюда слѣдуетъ, что Богъ по существу своему человѣческимъ разсудкомъ не можетъ быть мыслимъ (*incogitabilis*). Онъ можетъ быть обнимаемъ только созерцаніемъ, *озаряемымъ свыше*. Но то, что открываетъ созерцаніе, не можетъ быть опредѣленно выражено. Это можетъ быть доступно только для чувства ¹⁾. Такимъ образомъ Гуго не признаетъ возможнымъ разуму путемъ естественнымъ,—безъ высшаго откровенія, возвышаться до Богопознанія. Однако онъ не совершенно отрицаетъ значеніе разума въ дѣлѣ Богопознанія, но только ограничиваетъ, отводя для него второстепенное мѣсто. „Отвергать значеніе разума значило-бы оправдывать невѣжество, но только должно принять за правило, что не можетъ быть обнято разумомъ то, что ему несвойственно; должно скромно почитать высшія божественныя тайны, не предаваться утонченнымъ безумнымъ мудрованіямъ, не стараться знать болѣе того, что предлагаетъ Божественное Откровеніе“ ²⁾. Осторожно Гуго различаетъ истины, противорѣчащія разуму и стоящія выше его (*supra rationem et contra rationem*) отъ тѣхъ, которыя могутъ проистекать изъ разума, или могутъ быть сообразными съ нимъ (*ex ratione et secundum rationem*). По воззрѣнію Гуго С. Виктора, понятія о конечныхъ предметахъ выводятся изъ разума; идея о бытіи Верховнаго Существа и о Его свойствахъ вполне сообразна съ разумомъ, хотя *не можетъ развиваться изъ негс*. Что касается до такихъ возвышенныхъ догматическихъ истинъ, какъ истины о троичности лицъ, о воплощеніи Іисуса Христа и т. д., то они стоятъ *выше* разума, хотя въ нихъ нѣтъ ничего такого, что противорѣчило-бы разуму ³⁾.

1) *Annotationes elucidatoriae in Dionysium Areopagitam de coelesti hierarchia t. III c. 2.*

2) *Hugonis op. t. III De sacramentis christianae fidei, lib. 1 pars X, c. 1*

3) *De sacramentis fidei, lib. 1, p. III, cap. 30. Libner Hugo von St. Victor s. 173—186.*

Придавая нѣкоторое значеніе естественному способу Богопознанія, Гуго не раздѣляетъ того крайне враждебнаго отношенія къ философіи, которое замѣчается у Бернарда и у мистиковъ, примыкавшихъ къ нему непосредственно. Гуго находитъ, что путемъ познанія царства природы, воплощающаго въ себѣ до извѣстной степени божественныя идеи, языческіе философы возвышались до познанія Творца міра. Потому сочиненія языческихъ философовъ могутъ быть пригодны и для насъ. „Древніе, говоритъ онъ, оставили много памятниковъ, свидѣтельствующихъ о высокой духовной силѣ ихъ виновниковъ; въ эти памятники вложено богатое сокровище глубокаго знанія тайнствъ природы, и этимъ сокровищемъ мы пользуемся. Мы унаслѣдовали отъ древнихъ науки и искусства, которыя изобрѣтены ихъ геніальнымъ творчествомъ. Отъ нихъ мы получили логику, этику, математику, физику. Люди міра сего наши прежде насъ истину, которую мы, сыны спасенія, должны принять и положить въ основу болѣе возвышенной истины. Они трудились не бесплодно, и мы должны пользоваться ихъ трудомъ“¹⁾. Всѣ науки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова ведутъ къ тому, чтобы возстановить въ насъ божественное достоинство. Потому неизвинительно пренебрегать какою-бы то ни было наукою. Отъ азбуки послѣдовательно доходятъ до высокой учености. Но изъ наукъ особенно возвышается значеніе философіи, имѣющей вообще своимъ предметомъ познаніе Бога, какъ первоначальнаго основанія вещей (*primaeva rerum ratio* ²⁾). Гуго вводитъ въ свою богословскую систему много элементовъ изъ греческой философіи и послѣдующіе западные богословы въ этомъ отношеніи ему значительно подражаютъ. Изъ философовъ онъ болѣе всего сочувствуетъ Платону, отъ котораго, какъ думаетъ Риттеръ, заимствуется имъ трихотомическое воззрѣніе на природу

¹⁾ *Annotationes eluc. in. Dion. Areop. de celesti Hierarchia. t. I. lib. 1. cap. 1. Liebner s. 52.*

²⁾ *Eruditio didascalica t. III, II, 1—3 cap. 1. Philosophia est amor Sapien-
tiaë, quae nullius indigens, viva mens et sola primaeva rerum ratio est—Divi-
na Sapiaentia....*

человѣка ¹⁾, на силы ея (concupiscentia, ratio et ira), хотя, впрочемъ, все заимствованное изъ языческой философіи у Гуго окрашивается христіанскимъ колоритомъ. Несмотря на это сочувствіе древней классической мудрости, Гуго былъ слишкомъ далекъ отъ такого рачіоналистическаго увлеченія ею, какимъ былъ проникнутъ Абелярдъ, склонившійся въ тому, чтобы видѣть въ христіанствѣ естественное развитие тѣхъ началъ, которыя уже были извѣстны древнему міру и признававшій въ возвышенномъ нравственномъ христіанскомъ ученіи только усовершеніе языческой морали. Гуго особенно выразительно ударяетъ на то, что языческая мудрость только *посредственно* и потому несовершенно приближаетъ къ той высочайшей истинѣ, которая со врежени воплощенія Иисуса Христа была открыта міру непосредственно Богомъ въ самомъ полномъ и ясномъ видѣ. „Какъ іудеи добивались чудесъ, такъ греки жаждали мудрости. Послѣдніе добились нѣкоторой мудрости: они научились познавать видимую природу и пользоваться ея руководствомъ для возвышенія къ невидимой сущности Божіей. Но эта мудрость можетъ удовлетворять только того, кто не знаетъ другой болѣе истинной и совершенной мудрости. Древніе видимо сначала сознавали это, когда путемъ естественнымъ, или посредствомъ того, что Богомъ открыто въ природѣ, признавали возможнымъ изслѣдовать скрытое, проложить путь къ высшей мудрости, какъ будто этотъ путь могъ самъ по себѣ привести къ ней. Міръ возмечталъ и сдѣлался дерзкимъ въ увѣренности, что нашелъ истинную мудрость, хотя за познаваемою истиною онъ впалъ въ различные обманчивые образы. Міръ возвысился духомъ, принявъ эти образы за истинные и Богъ сдѣлалъ мудрость этого міра безуміемъ, показавъ, что она не приведетъ къ истинной божественной мудрости. Богъ избралъ иное средство, чтобы открыть истинную мудрость. Христосъ распятый явился, чтобы въ смиреніи истина искалась, но міръ презрѣлъ врача и потому не позналъ истины. Онъ готовъ былъ восхищаться дѣлами творенія, возбуждающими удивленіе, но не хотѣлъ почи-

¹⁾ Ritter, Geschichte der christischen Philosophie I B. 509.

татъ дѣлъ искупленія, предназначенныхъ къ подражанію. Міръ не призналъ своей болѣзни и не захотѣлъ въ благочестивой преданности Богу искать отъ нея спасительнаго врачевства, но въ своемъ высокоуміи вообразилъ себя за здороваго“¹⁾. Какъ натуральное знаніе о Богѣ, пріобрѣтенное путемъ наблюденія надъ природою, несовершенно, такъ знаніе сверхъестественное, полученное изъ божественнаго откровенія при содѣйствіи благодати Божіей, полно. Отсюда Гуго выводитъ различіе между естественною теологіею и сверхъестественною: „та и другая теологія, конечно, нуждается въ опытѣ—въ наглядныхъ доказательствахъ того, что относится къ Божеству, но естественная теологія указываетъ только на дѣла творенія, дающія неполное понятіе о Богѣ, а божественная, напротивъ, указываетъ на дѣла искупленія, на вочеловѣченіе Иисуса и Его таинства, въ которыхъ сущность Божества является гораздо славнѣе и потому познается шире и яснѣе. Природа указываетъ только на существующаго Бога, а божественное откровеніе на Бога дѣйствующаго“²⁾. Если теоретическія понятія язычниковъ, служащія результатомъ натурального знанія, съ точки зрѣнія Гуго являются крайне несовершенными, то тѣмъ менѣе онъ готовъ согласиться съ Абельардомъ относительно языческой морали, чтобы она могла до извѣстной степени ставиться наравнѣ съ христіанскимъ нравственнымъ ученіемъ. Языческіе философы, по воззрѣнію Гуго, выработали только нѣкоторыя частныя отрывочныя понятія о добродѣтели, но не возвысились до главнаго понятія о любви къ Богу и ближнимъ, которое служитъ самымъ животворнымъ началомъ нравственности. „Языческіе философы, руководимые духомъ этого міра, много писали; даже оставили послѣ себя этику, въ которой изобразили намъ отдѣльныя части нравственнаго ученія. Нравственныя истины, выраженыя ими—не что иное какъ отдѣльные члены, отрѣзанные отъ цѣльнаго организма добродѣтели. Въ этихъ членахъ нѣтъ жизни, потому что имъ недостаетъ главнаго органическаго начала—любви къ Богу. Всѣ добродѣ-

¹⁾ Annot. eluc. in Dion, Hier. lib. 1, l. Liebner. S. 52.

²⁾ Liebner s. 55.

тели въ своей совокупности составляютъ органическое цѣлое, одно тѣло, главою котораго служить любовь къ Богу. Члены тѣла не могутъ жить, если изъ главы его не проистекаетъ сила, питающая тѣло. Одно только произведеніе божественно, которое написано по вдохновенію Духа Святаго, и оно то дѣлаетъ человѣка божественнымъ, наставляя его въ любви къ Богу и побуждая его къ исполненію этой добродѣтели. Оно возводитъ человѣка къ уподобленію Богу; въ немъ всякое ученіе—истинно, всѣ заповѣди ведутъ къ святости; всѣ обѣтованія направляютъ къ блаженству; ибо Самъ Богъ, Виновникъ Откровенія, Истиненъ безъ обмана, Святъ безъ грѣха, Блаженъ безъ страданія“.

Вообще авторитетъ Св. Писанія признается Гуго С. Викторомъ безусловно и ставится имъ на первомъ мѣстѣ. Во введеніи къ Священному Писанію, составляющемъ содержаніе трехъ послѣднихъ книгъ сочиненія „О наставительномъ обученіи“, Гуго отличаетъ неканоническія книги Св. Писанія отъ каноническихъ и дѣлаетъ нѣкоторыя безпристрастныя замѣчанія о недостаткахъ перевода бл. Иеронима ¹⁾. При изъясненіи Священнаго Писанія онъ слѣдуетъ тройному методу—историческому, аллегорическому и мистическому. Лучшій образчикъ эзотерики Гуго представляется въ его сочиненіи „о нравственномъ ковчегѣ“ ²⁾. Ковчегъ Ноя здѣсь принимается въ тройномъ смыслѣ—въ историческомъ по его дѣйствительному значенію для Ноя и его семейства во время потопа; въ аллегорическомъ—какъ Новозавѣтная Церковь, основанная Иисусомъ Христомъ въ послѣдующее время и въ мистическомъ—какъ храмъ Духа Святаго, созидаемый божественною благодатію въ сердцѣ истинно-вѣрующаго. Впрочемъ, Гуго замѣчаетъ, что не во всѣхъ мѣстахъ необходимо искать тройкаго смысла. Теоретически онъ требуетъ даже, чтобы аллегорическо-мистическому методу предпочитался методъ историческій. „Если буква уничтожается, то

¹⁾ De eruditione didascalica lib. IV, cap. 2; lib. V и VI. О книгахъ неканоническихъ Ветхаго Завета онъ говоритъ: leguntur, sed non scribuntur in canone. Real-Encyclop. VI—312. Schnerder.

²⁾ De arca morali lib. IV.

какое значеніе можетъ имѣть Священное Писаніе?"¹⁾ Однако мистическія сочиненія Гуго показываютъ, что на дѣлѣ онъ не всегда вѣренъ своему взгляду. Лучшимъ доказательствомъ его довольно произвольнаго толкованія служитъ выводъ изъ факта шестидневнаго творенія о тѣхъ таинственныхъ дняхъ, которые бывають въ душѣ человѣка, когда она постепенно отрѣшается отъ всего чувственнаго и въ силу созерцанія достигаетъ покойнаго состоянія²⁾. Вообще-же Гуго при изъясненіи Св. Писанія преслѣдуетъ мистико-практическую цѣль — „воспламенение любви къ Богу въ сердцѣ вѣрующаго“. Онъ осуждаетъ одинаково какъ тѣхъ лицъ, которыя преслѣдовали при изученіи Св. Писанія чисто теоретическіе научные интересы, такъ и тѣхъ, которые руководствовались какими-нибудь практическими житейскими побужденіями. Достойными похвалы, съ точки зрѣнія мистика, являются только тѣ, которые, при изученіи Св. Писанія, имѣють въ виду достигнуть духовнаго знанія и совершенства въ духовной жизни, такъ какъ только при тѣсномъ соединеніи того и другаго развивается здоровый организмъ истинно-вѣрующаго.

Наравнѣ съ Священнымъ Писаніемъ имѣетъ значеніе для Гуго С. Виктора и священное преданіе, хотя послѣднее должно занимать подчиненное мѣсто по отношенію къ первому. „Никакое письменное произведеніе не излишне. Но безусловно должно принимать на вѣру только то, что подтверждается божественнымъ Писаніемъ. Другія свидѣтельства можно принимать свободно или отрицать, смотря по тому, приписывается-ли имъ достовѣрность, или нѣтъ“³⁾. Но Гуго точно не указываетъ истиннаго критерія для опредѣленія границъ священнаго преданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ правильнаго понятія о немъ, какъ источникѣ вѣроученія. Онъ, то крайне расширяетъ понятіе о священномъ преданіи, то суживаетъ: расширяетъ—когда къ представителямъ

¹⁾ Si littera tollitur, scriptura quid est. De eruditione didascalica. Liebner s. 142—163.

²⁾ De tribus diebus cap. XXI—XXIII.

³⁾ De sacramentis lib. II, pars XVIII, cap. 17.

его относить многихъ, правовѣрующихъ, „столь многихъ, что ихъ едва можно перечислить“; суживаетъ, когда какому авторитету въ частности не признаетъ для себя обязательнымъ слѣдовать, но вообще допускаетъ по отношенію къ свидѣтельствамъ Отцевъ и Учителей Церкви свободную критику, такъ что, они являются для него только уважаемыми писателями ¹⁾. Изъ западныхъ церковныхъ писателей Гуго С. Викторъ любитъ ссылаться преимущественно на бл. Августина и Григорія В. О первомъ онъ говоритъ, что онъ превзошелъ всѣхъ „знаніемъ и умомъ“, о послѣднемъ выражается, что его сочиненія должно читать для образованія сердца и для усовершенствованія въ нравственной жизни. Изъ представителей восточной Церкви Гуго питаетъ особенное сочувствіе къ Діонисію Ареопагиту, на сочиненія котораго, онъ писалъ комментарий ²⁾. Идеи Діонисія Ареопагита представляются для Гуго С. Виктора вполне согласными съ ученіемъ Церкви, почему онъ воспроизводитъ ихъ почти буквально, особенно въ своихъ догматическихъ произведеніяхъ.

Обращая вниманіе на формальную сторону въ изложеніи догматическаго ученія Гуго С. Викторомъ, мы не можемъ не отмѣтить въ немъ двухъ существенныхъ особенностей: наклонности къ мистико-діалектическому методу въ раскрытіи частныхъ мыслей и къ общей систематизаціи всего богословскаго матеріала. По этимъ двумъ особенностямъ Гуго значительно возвышается надъ современными западными богословами—какъ мистиками, такъ и схоластиками. Можно съ полною справедливостію сказать, что благодаря этимъ особенностямъ Гуго полагаетъ на западѣ начало богословской наукѣ въ собственномъ смыслѣ слова, чего не могли достигнуть до него ни мистики, ни схоластики, находясь подъ преобладающимъ вліяніемъ чувства, или разсудка. Какъ Бернардъ Клервосвій, такъ особенно непосредственные продолжатели его мистики прила-

¹⁾ Liebner s. 324.

²⁾ Вообще Гуго С. Викторъ признаетъ авторитетными представителями Церкви слѣдующихъ лицъ: бл. Августина, бл. Иеронима, Григорія В., св. Амвросія Медиоланскаго, Исидора Пелусіота, Беда Достопочтеннаго, св. Діонисія Ареопагита и Оригена.

гаютъ теософскій методъ къ раскрытію нравственнаго ученія, а догматическія истины излагаютъ отрывочно и притомъ въ положительной формѣ, безъ доказательствъ. Что касается до представителей схоластической теологіи, то хотя они обращаютъ вниманіе одинаково на догматическую и нравственную сторону христіанства, но рабское слѣдованіе одностороннему разсудочно-діалектическому методу побуждаетъ ихъ чрезмѣрно вдаваться въ анализъ частныхъ догматическихъ истинъ и препятствуетъ имъ возвыситься до цѣльнаго представленія богословской науки въ ея систематическомъ и жизненномъ органическомъ видѣ ¹⁾. Гуго С. Викторъ чуждъ этихъ крайностей. Надѣленный отъ природы творческимъ спекулятивнымъ умомъ, онъ дѣлаетъ попытку къ тому, чтобы изложить догматическое и нравственное ученіе систематически въ ортодоксальномъ мистическомъ смыслѣ. Нельзя сказать, чтобы эта попытка была вполне успѣшна: Гуго не объединяетъ нравственнаго и догматическаго ученія однимъ опредѣленнымъ началомъ и въ самомъ методѣ богословствованія не является строго послѣдовательнымъ: какъ догматистъ, онъ болѣе склоняется къ діалектикѣ, а какъ моралистъ — къ мистикѣ: тѣмъ не менѣе въ общемъ видѣ онъ прилагаетъ одинъ и тотъ-же мистико-діалектическій методъ къ раскрытію вѣровченія точно также, какъ и къ раскрытію нравственнаго ученія. Если въ своихъ догматическихъ произведеніяхъ (*summa sententiarum* et *de sacramentis*) Гуго по діалектическому методу до нѣкоторой степени примыкаетъ къ представителямъ схоластической теологіи — Ансельму Кентерберійскому и Абельарду, то уже въ *формальномъ отношеніи* онъ отличается отъ нихъ тѣмъ, что избѣгаетъ праздныхъ діалектическихъ словопреній, излагаетъ догматическое ученіе съ большею полнотою и систематичностію, оживляетъ и согрѣваетъ его въ общемъ видѣ чувствомъ ²⁾. Догматическая система Гуго С. Виктора имѣетъ

¹⁾ Real-Encyclop. Herzog. XIII. 674.

²⁾ Превосходство Гуго С. Виктора предъ схоластическими теологами въ формальномъ отношеніи представляется со стороны самихъ католиковъ такъ: „l'Auteur explique les questions d'une maniere fort claire et degagée des termes et de la methode de la dialectique, sans s'embarrasser dans des questions

своимъ главнымъ исходнымъ пунктомъ ученіе, выраженное уже Св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, о *непостижимости Бога по Его существу*, обусловливаемое ограниченностію разума. Богъ, по возрѣнію Гуго С. Виктора, не можетъ ни адекватно мыслиться, ни опредѣляться. Всякое положительное опредѣленіе представляется, для него безусловно недостаточнымъ, для того, чтобы выразить понятіе о сущности Божіей, а развѣ можетъ имѣть значеніе только относительное—образное, или символическое „Богъ есть существо, стоящее безконечно выше всякаго тварнаго бытія; понятіе о Немъ выше всякаго разума и воображенія. Мы не можемъ познать Его абсолютной, невидимой, невыразимой, безконечной сущности. То, что безконечно, не можетъ быть постигнуто человѣческимъ разумомъ, не можетъ быть выражено опредѣленнымъ понятіемъ ¹⁾. Человѣческій духъ можетъ о Немъ заключить *ничто*, не постигая Его Самого, и человѣческій языкъ можетъ сказать о Немъ *вѣчто*, не выражая тѣмъ понятія о Его сущности. Богъ не позволяетъ Себя обнять мыслію. То, что мыслится, входитъ въ чувство человѣка и имъ обнимается; таково все, что служитъ предметомъ внѣшняго и внутренняго опыта. И чувства человѣка не обнимаютъ ничего такого, что не познается мыслію указаннымъ способомъ. Но то, что не служитъ предметомъ ни внѣшняго, ни внутренняго опыта, и не стоитъ въ связи съ нимъ, не можетъ быть обнято чувствомъ. Богъ *непостижимъ*, такъ какъ сущность Божія не можетъ находиться ни въ вещахъ, ни мыслиться въ отношеніи къ нимъ. Если-бы первое было возможно, то Богъ былъ-бы чѣмъ-то близкимъ съ вещами, и въ нихъ было-бы то, что было-бы въ Немъ. Но

obscuras et difficiles. Il décide celles qu'il agit, par des passages de l'Écriture—Sainte et suivant les principes des peres et particulièrement de saint Augustin, dont il fuit la doctrine et imite le stile“. Последнее, впрочемъ, не вполне справедливо, какъ увидимъ ниже изъ возрѣній Гуго на слѣдствія первороднаго грѣха.—Histoire littéraire, t. XII, p. 37.

¹⁾ Annotationes elucid. in coelest. Hierarch. lib. III. c. 2. Est enim (Deus) super omnem essentiam et vitam: et est excellens omni ratione et intellectu, incomparabiliter, derelictis retrorsum sive inferius a similitudine ipsius. Unde apparet si ejus similitudo ratione et intellectu tanto superior est: quod ad ejus similitudinem nec ratio nec intellectus accedere potest.

все тварное можетъ быть признано общимъ съ Богомъ нас-
только, насколько являются общими дѣла и виновникъ его.
Богъ не можетъ мыслиться въ отношеніи къ созданному, по-
тому что Онъ есть нѣчто иное, стоящее безконечно выше со-
здавнаго. Одно только можно сказать о Богѣ, что Онъ безу-
словно превосходитъ все сущее, но что Онъ по существу, это-
го сказать нельзя. Все, что можетъ быть выражено мыслию,
или словомъ, менѣе того, что есть Богъ въ дѣйствительности.
Если ты при имени Бога представляешь себѣ Творца всѣхъ
вещей, то ты представляешь себѣ при этомъ только то, что
Онъ создалъ нѣчто, но не то, какова въ дѣйствительности Его
природа. И всякое понятіе, какое только ты выражаешь о при-
родѣ Его, есть только образъ дѣйствительно—Сущаго и какъ
таковой далекъ отъ истины. Самый совершенный образъ менѣе
того предмета, который имъ изображается: онъ только ведетъ
къ истинѣ, но не приближаетъ къ ней совершенно". Раскры-
вая положеніе о непостижимости Бога по существу, Гуго до-
ходитъ до того, что признаетъ ничтожность всѣхъ логическихъ
доказательствъ, употребляемыхъ для выясненія въ насъ идеи
бытія Бога и этимъ существенно отличается отъ современныхъ
теологовъ даже крайне ортодоксальнаго (супранатуралистиче-
скаго) направленія, которые признаютъ значеніе этихъ дока-
зательствъ, хотя ихъ и цѣнятъ не всѣ одинаково. По воззрѣ-
нію Гуго С. Виктора, одна только вѣра убѣждаетъ насъ въ
бытіи Бога; она служитъ главнымъ основаніемъ идеи о Богѣ,
дѣлая излишними всякія другія доказательства бытія Божія.
Истинная вѣра въ томъ и состоитъ, что она удостовѣряетъ въ
бытіи того, что невидимо. „Если видишь что-нибудь и вѣришь,
то это не можетъ быть признано вѣрою“ (si vides, non est fides).
Впрочемъ, и самъ Гуго С. Викторъ на самомъ дѣлѣ не отрѣ-
шается отъ мысли о возможности логическимъ путемъ приб-
лизиться до относительно совершеннаго понятія о Богѣ, но
разсудочное познаніе Бога онъ ставитъ въ зависимость отъ
вѣры въ Него, Его самооткровенія естественнаго, или сверхъ-
естественнаго и ограничиваетъ это познаніе постиженіемъ Бога
не по существу, но по свойствамъ Его. Богъ, говоритъ онъ,
по существу неизознаваемъ, но познаваемъ въ явленіи. По-

знаніе Бога дѣлается удѣломъ человѣческаго духа двоякимъ способомъ: сверхъестественнымъ—черезъ божественное откровеніе, и естественнымъ—посредствомъ нашего разума, погружающагося въ разсмотрѣніе дѣлъ творенія и Промысла. Оба эти пути однако тѣсно связаны. „Мерцаніе божественнаго свѣта озаряетъ глазъ вѣрующаго и приводитъ къ созерцанію единой славы. Божественный свѣтъ, нисходящій къ ангеламъ, отъ нихъ изливается божественными откровеніями и сообщеніями къ намъ. Черезъ мистическое пониманіе Священнаго Писанія человѣческой духъ восходитъ къ созерцанію небесныхъ таинъ и божественной чистоты въ ангелахъ, при посредствѣ которыхъ возвышаясь въ познаніи невидимаго, онъ пріобрѣтаетъ силу къ созерцанію высшаго свѣтоваго блеска, такъ что одинъ свѣтъ раздѣляется, чтобы озарить многое, и по озареніи всего приводитъ къ созерцанію единой славы... божественное откровеніе разгоняетъ духовный мракъ человѣка частію внутренно посредствомъ вдохновенія, а частію внѣшнимъ образомъ посредствомъ ученія и чудесъ“¹⁾. Чувственное разсмотрѣніе видимаго міра поддерживаетъ въ вѣрующемъ человѣкѣ то, что получается путемъ божественнаго откровенія. „Весь видимый міръ представляетъ собою книгу, написанную перстомъ Божіимъ“²⁾. Въ преходящей красотѣ тварныхъ существъ является иная высшая красота вѣчная, удивительная и неизреченная. Посредствомъ чувственной красоты мы возвышаемся къ сверхчувственной—духовной. Правда, обѣ различны: въ чувственныхъ вещахъ красота заключается въ формѣ, въ сверхчувственныхъ—въ идеѣ и формѣ. Однако чувственная красота въ формѣ имѣетъ извѣстное отношеніе къ сверхчувственной въ силу натурального влеченія къ иной высшей красотѣ, вложеннаго въ нее Творцомъ и черезъ которую она должна проявить элементы своего первообраза³⁾. Исходя изъ такого взгляда на міръ, Гуго пользуется телеологическимъ и космологическимъ способомъ для раскрытія идеи о Богѣ. Весь видимый

¹⁾ Liebner s. 181.

²⁾ De tribus diebus c. III.

³⁾ Liebner s. 329.

міръ отражаетъ въ себѣ невидимую божественную сущность. „Безумнымъ и чувственнымъ человѣкомъ былъ-бы тотъ, кто не замѣчалъ-бы присутствія Духа Божія во вселенной, видѣлъ бы въ тваряхъ только внѣшнюю сторону, не постигая основанія ея. Истинно мудрый и духовно-настроенный человѣкъ отъ внѣшнихъ явленій переносится въ глубокія мысли божественной мудрости. Потому благое дѣло—непрерывно разсматривать божественныя творенія и удивляться имъ, но только для того, кто изъ красоты тѣлеснаго міра умѣетъ извлекать духовную пользу; и посредствомъ красоты созданныхъ вещей ищетъ того, что прекраснѣе всего, того столь славнаго, удивительнаго и невыразимаго, съ чѣмъ не можетъ сравниться никакая преходящая красота“. Какъ красота и цѣлесообразность всего существующаго свидѣтельствуетъ о бытіи мудраго Творца, такъ наблюдаемая въ мірѣ условность и измѣнчивость міра побуждаетъ искать причину всего сущаго не въ немъ самомъ, но выше его. „Все, что существуетъ, въ Богѣ имѣетъ свое начало, повторяетъ Гуго почти дословно слова Св. Діонисія Ареопагита, и къ тому-же Богу, отъ Котораго все произошло, все также стремится въ постоянномъ влеченіи къ божественной сущности... Чѣмъ глубже тварь углубляется во всеобнимающую причину вселенной, въ которой ничего не существуетъ отдѣльно, но все имѣетъ причину, или слѣдствіе, тѣмъ скорѣе возвышается къ высшему, но это должно опять имѣть свое основаніе въ чемъ-то еще болѣе высшемъ, которое служить послѣднею и общею причиною всего сущаго“¹⁾

И если весь вообще порядокъ видимаго міра даетъ нѣкоторое понятіе о Творцѣ его, то и въ частности особенности отдѣльныхъ тварей, понимаемыхъ въ ихъ высшемъ совершенномъ видѣ, даютъ возможность пріобрѣсти понятіе о свойствахъ Божіихъ, или о „вѣчныхъ основаніяхъ вещей въ Богѣ“. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе, по возрѣвію Гуго, имѣетъ разумный духъ человѣка по близости къ Богу. „Все, что существуетъ, имѣетъ свою жизнь въ Богѣ, но разумный духъ преимущественно участвуетъ въ Богѣ, потому что онъ

¹⁾ De sacramentis 1 p. c. 2.

по своему первоначальному существу, какъ по образу Божию созданный, способенъ воспринимать въ себѣ божественный свѣтъ“. Высшую способность духовной природы человѣка составляетъ ея разумность; она-то должна быть признана главнымъ отображеніемъ вѣчной мудрости. Отсюда дѣлается естественное заключеніе, что и Богъ есть абсолютный разумъ, или абсолютный духъ. По аналогіи съ психическими силами Гуго признаетъ въ Богѣ три вѣчныя основныя свойства, наиболѣе опредѣляющія сущность Божию—силу, мудрость и благодать. Онѣ сами по себѣ едины и одинаково вѣчны, но въ природѣ проявляются отдѣльно другъ отъ друга: воля творить, мудрость управляетъ, благодать сохраняетъ ¹⁾; первая открывается въ величіи творенія, вторая—въ красотѣ, третья—въ полезности ея. На основаніи понятія о Богѣ, какъ о высшемъ и совершеннѣйшемъ существѣ, Гуго выводитъ и другія болѣе частныя свойства Его. Такъ какъ въ совершеннѣйшемъ существѣ основаніе и бытіе тождественны, то Богъ долженъ быть признанъ вѣчнымъ. Какъ разумный человѣческій духъ все тѣло проникаетъ, такъ Высочайшій Духъ долженъ быть вездѣсущъ. Онъ субстанціонально, или собственно и дѣйствительно существуетъ во всей природѣ и во всякомъ мѣстѣ. Онъ наполняетъ міръ, не заключааясь въ немъ, потому что какъ Вездѣсущій не можетъ обниматься. Въ Богѣ нѣтъ никакихъ перемѣнъ, потому Онъ долженъ быть признанъ неизмѣняемымъ.

Ученіе о существенныхъ свойствахъ Божіихъ (силѣ, мудрости и благодати) Гуго до известной степени развиваетъ аналогично съ схоластическими теологами и особенно съ Абелярдомъ, но между ними замѣчается разница во взглядахъ на отношеніе свойствъ къ божественной сущности. Абелярдъ, какъ схоластикъ-раціоналистъ, признаетъ свойства Божіи какъ-бы всецѣло обнимающими божественную сущность ²⁾, Гуго, какъ мистикъ, настаиваетъ на томъ, что они неадекватны божественной сущности. Особенно Гуго расходится съ Абелярдомъ во взглядѣ на божественную сущность. На ученіе Абелярда

¹⁾ De tribus diebus c. 1.

²⁾ Hagenbach Dogmengeschichte 365.

о томъ, что Богъ, въ силу Своего всемогущества, ничего лучшаго не можетъ дѣлать, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлаетъ, или что дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствуетъ возможности божественнаго дѣйствія, Гуго смотритъ какъ на несогласное съ идеею безконечности существа Божія и потому это ученіе осуждаетъ, какъ богоненавистное, заключающее Безпредѣльное Существо въ конечныя границы ¹⁾.

Какъ для уясненія идеи о Богѣ, присущей человѣческому сознанию, Гуго пользуется аналогіею духа человѣческаго, такъ эта-же самая аналогія служить для него основою при уясненіи догмата о Троичности Лицъ. Лица Пресвятыя Троицы уподобляются духовнымъ силамъ и, по аналогіи съ послѣдними, показывается происхожденіе первыхъ. „Какъ въ духѣ человѣческомъ изъ разума рождается знаніе и изъ разума и знанія пристекаетъ любовь, такъ въ Высочайшемъ Совершеннѣйшемъ Духѣ вѣчный разумъ Отца отъ вѣчности рождаетъ Свою Мудрость—Сына и эту Мудрость Отецъ и Сынъ проявляютъ въ любви въ Духѣ Святомъ. Кто всегда обладаетъ благостію, тотъ имѣетъ Любовь отъ вѣчности. Такъ съ вѣчнымъ Отцемъ и Сыномъ совѣчна Любовь. Но такъ какъ Отецъ—высшее и вѣчное единство, то три Лица въ Богѣ должны быть субстанціо-нально едины“. Въ пониманіи догмата о Троичности Лицъ Гуго стоитъ на ортодоксальной почвѣ (хотя и допускаетъ католическое ученіе Filioque): онъ избѣгаетъ какъ грубаго тритеизма, такъ и раціоналистическаго модализма и сознается, что догматъ о Троичности Лицъ не можетъ выводиться изъ разума, но долженъ исключительно основываться на авторитетѣ ²⁾. Утонченныя схоластическія мудрованія о взаимныхъ отношеніяхъ Лицъ Пресвятыя Троицы—чужды ему.

Вообще-же Гуго, при раскрытіи ученія о Богѣ, пользуется необыкновенно осторожно аналогическимъ способомъ. По его мнѣнію, хотя въ видимомъ мірѣ существуютъ образы Божества болѣе или менѣе приближающіеся къ истинѣ: но они недостаточно совершенны въ сравненіи съ безпредѣльнымъ вели-

¹⁾ Real-Encyclop. Herzog VI—313. Hagenbach Dogmengeschichte s. 365. 369.

²⁾ Des sacramentis p. III. lib. 1. c. 21—23—26.

чиѣмъ Божественнаго Существа. Даже самый сотворенный духъ, который болѣе всего существующаго въ мірѣ приближается къ природѣ божественной, далекъ отъ истины необъятнаго совершенства ¹⁾. Субъективно-теософскій элементъ допускается разсматриваемымъ мистикомъ только въ нравственно-практическомъ приложеніи догмата о Троицности Лиць по ихъ промыслительному отношенію къ человѣку. По его мнѣнію, съ закономъ, даннымъ Отцемъ настала день страха, съ явленіемъ Сына (мудрости) день истины, съ изліаніемъ Духа Св. (любви) — день любви ²⁾. Послѣдовательное развитіе такой субъективно-теософской точки зрѣнія на отношеніе Лиць Пресвятыя Троицы къ исторіи человѣчества должно-бы повести къ ослабленію равенства ихъ, но Гуго не дѣлаетъ рѣшительныхъ выводовъ, которые-бы въ этомъ пунктѣ противорѣчили православію.

Воззрѣніе Гуго С. Виктора на отношеніе всего существующаго къ Богу, какъ главному Источнику бытія и жизни, само собою приводитъ къ признанію Его первымъ Виновникомъ всего существующаго. Дѣйствительно, исходный пунктъ ученія о Богѣ въ отношеніи къ міру есть тотъ, что Онъ называется Творцемъ и Виновникомъ всего существующаго ³⁾. Причиною, побудившею Бога къ міротворенію, представляется Любовь Его, въ силу которой разумная тварь предназначалась къ участию въ блаженствѣ и въ славѣ Божіей. По воззрѣнію Гуго, міротвореніе совершено Богомъ по особому (премудрому) плану: оно представляется „осуществленіемъ идеальныхъ принциповъ, отъ вѣчности бывшихъ въ Богѣ“. Но здѣсь Гуго въ частномъ развитіи своего идеалистическаго взгляда на міротвореніе, повидимому, колеблется между ортодоксальною и пантеистическою теоріею. Нѣкоторыя выраженія, формулирующія его воззрѣнія, представляются до извѣстной степени тождественными съ терминологіею Эригены ⁴⁾. Идеальныя начала, служащія основаніями творческой дѣятельности Бога, называются примордіаль-

¹⁾ Annotationes elucidatoriae in Dionisiam Areopagitam de coelesti Hierarchia.

²⁾ De tribus diebus cap. XXII Liebner s. 383.

³⁾ Deus est et essentia et Creator et causalis omnium.

⁴⁾ Preger. Geschichte der deutschen Mystik. B. 1. 238.

ными причинами (*primordiales causae*) и признаются потому вѣчными основами всѣхъ причинъ (*aeterna fundamenta causarum*). Само Слово, служившее участникомъ міротворенія, называется то мудростію (*sapientia*), при посредствѣ которой все создано, то начальнымъ первообразомъ сущаго (*archytipus mundi*). Міротвореніе обозначается безразлично словами: дѣйствіе (*operatio*) и участіе (*participatio*), при чемъ послѣдній терминъ употребляется одинаково какъ для обозначенія отношенія всего тварнаго къ Богу, такъ и для обозначенія отношенія Слова къ Отцу. А потому можно-бы заключить, что само Слово было понимаемо Гуго С. Викторомъ какъ первое твореніе. Однако несмотря на неточную терминологию, быть можетъ, заимствованную у Эригены, Гуго удерживается на ортодоксальной почвѣ во взглядѣ на міротвореніе. Подъ примординальными причинами, послужившими вѣчными основами всего сущаго, онъ разумѣетъ не особыя сущности, но божественныя мысли, по которымъ Высочайшая Мудрость создала видимый міръ, безъ всякой ватуральной необходимости, вполнѣ свободно. Если Слово Божіе въ иныхъ мѣстахъ, повидимому, понимается въ теософскомъ смыслѣ, какъ прототипъ всего существующаго, то въ другихъ мѣстахъ Оно называется предвѣчною Мудростію, происшедшею изъ сущности Бога Отца по природѣ, причемъ все тварное мыслится происшедшимъ отъ Бога при активномъ участіи Слова, какъ даръ свободной благодати¹⁾. Потому ни твореніе, по возрѣнію Гуго, не должно мыслиться вѣчно-происходящимъ, ни Творецъ не долженъ признаваться измѣняемымъ. Если Богъ въ твореніи благоволитъ излить изъ Себя силу творческую, то Онъ остается Самъ по Себѣ вѣчно равнымъ, такъ что Его премірное бытіе не утратило абсолютно совершенныхъ свойствъ и по созданіи міра. „Вѣчная сущность Божественная не окончилась и не раздѣлилась, опредѣливъ время, но осталась тѣмъ, чѣмъ была и создавъ то, чѣмъ не была, удержала въ Себѣ творческую силу. Она не измѣнилась субстанціонально; создавъ низшее, такъ чтобы по Своему существу въ него низшла. Въ существѣ всемогущаго Бога заклю-

¹⁾ Annot. elucid. L. IX. cap. 13, C. V, 4. De sacramentis l. c. 31.

чалась творческая способность создать природу безъ природы. Творецъ и твореніе не могли быть тождественны по своей сущности. Если вслѣдствіе творенія міра Вѣчное не уменьшилось, то, вслѣдствіе появленія новыхъ существъ, оно не расширилось. И какъ до творенія въ немъ не было какого-нибудь недостатка, такъ послѣ творенія Оно остается безъ перемѣны. Оно не получило ничего и ничего не утратило“ ¹⁾. Богъ, какъ Творецъ міра, является, по воззрѣнію Гуго, не только устройтелемъ его, или Образователемъ изъ готовой матеріи, что допускалось нѣкоторыми языческими философами, но и Виновникомъ самой матеріи ²⁾.

А. Вертедьскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ De sacramentis I c. 3.

²⁾ Liebner s. 355.

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

III.

Гимнъ предъ вкушеніемъ пищи.

1. О Всеблагій Распятый, Создатель свѣта, Творецъ всего, Любвеобильный, Рожденный Словомъ, ¹⁾ Явившійся отъ Дѣвы, но Обладавшій властію въ Родителѣ прежде, чѣмъ получили бытіе звѣзды, земля и море!

6. Молю (Тебя): приклони сюда благосклонно спасительное Лице (Твое) и осіяй (Твоею) ясностію, дабы, при прославленіи Имени Твоего, могли быть приняты сіи снѣди.

11. Безъ Тебя, Господи, нѣтъ ни въ чемъ сладости и не приносятъ подкрѣпленія желаемое устами, если Твоя, Христе, Благодать не наполнитъ прежде чаши и яства; ибо вѣра (каковы бы ни были сіи чаши и яства) всему даетъ освященіе ²⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 8.

¹⁾ Въ подлинникѣ: Verbigena. По объясненію толкователей, какъ это выраженіе, такъ и выраженіе „Verbo editus“ (Cath. XI, 18), примѣнены повтомъ къ Іисусу Христу въ томъ смыслѣ, что Онъ есть проявитель божественнаго Разума въ твореніи міра.

²⁾ Поэтъ имѣетъ въ виду Дѣян. X, 11—16, а также, можетъ быть, наставленіе Апостола Павла въ Римл. XIV, 20—23.

16. Пусть наши яства будутъ исполнены Бога; пусть Христосъ приникаетъ и въ чаши; пусть важнымъ и забавнымъ, словами и шутками, наконецъ, всѣмъ существомъ нашимъ и всѣми дѣянiями нашими управляетъ свыше. Троичная Любовь!

21. Здѣсь у меня (на вечери), нѣтъ розъ, не разносится благоуханiе ароматовъ; но есть духовная амвросiя ³⁾ и распространяетъ благоуханiе вѣры, прiятной, какъ нектаръ, Исшедшiй изъ самого лона Отца ⁴⁾.

26. Отвергни, камена ⁵⁾, пустой плющъ, которымъ ты привыкла обвивать виски, и, украсивъ волосы прославленiемъ Бога ⁶⁾, слагай, какъ ты научена, таинственныя ткани дактилическою пѣснiю ⁷⁾.

31. Какимъ образомъ душа, родина, которой, свѣтъ и эфиръ, можетъ болѣе достойно выразить свое послушанiе, если не такъ, что будетъ прославлять своего Создателя, воспѣвая въ пѣсни данные дары?

36. Давъ человѣку все то, что мы беремъ властною рукою, все, что небо, земля и море производятъ въ воздухѣ, въ морской пучинѣ и на землѣ, Онъ подчинилъ это мнѣ, а меня Себѣ.

41. (Вотъ) искусный обманъ: уловляетъ тенетами или петлею птицъ; (точно также) вѣтви, обмазанныя древеснымъ клеемъ, удерживаютъ и не допускаютъ уйти пернатыхъ.

46. Вотъ раскинутыя сѣти влекутъ изъ морской пучины обитающiя въ волнахъ стада; точно также рыба слѣдуетъ за удою, пойманная язвющимъ остриемъ; ранена у ней глотка, польстившаяся на пищу.

³⁾ Амвросiя (*ἀμβροσία*), по греко-римской мифологiи, пища боговъ.

⁴⁾ Торжественнымъ вечерамъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, при которыхъ пирующiе украшались цвѣтами и умащались благовонiями, противопоставляются вечера христіанъ, сопровождаемая славословіемъ Бога.

⁵⁾ Камена есть то же, что муза, богиня поэзiи.

⁶⁾ И здѣсь сопоставленiе языческаго и христіанскаго. Объ обычаяхъ греко-римскихъ поэтовъ обвивать голову плющемъ, нерѣдко говорятъ древнiе. Сж. *Quidii: Trist* 1, 7, 2; *Horatii: Od.* 1, 1, 29—30.

⁷⁾ Т. е. славословъ Бога пѣснiю, составленною въ дактилическомъ стихотворномъ размѣрѣ; таковымъ размѣромъ составленъ третiй повседневный гимнь.

51. Благородные предметы для употребленія въ снѣдь доставляютъ во множествѣ поля, колосающіяся обильною жатвою, равно тѣ, гдѣ виноградныя лозы полны роскошныхъ гроздьевъ, и тѣ, гдѣ зеленѣетъ олива—пятомица мира ⁸⁾.

56. Вотъ какое обиліе (снѣдей) служитъ читателямъ Христа, все (нужное) доставляя (имъ въ достаточной мѣрѣ)! Пусть же будетъ далеко (отъ нихъ) желаніе вкушать мясныя снѣди и убивать животныхъ! ⁹⁾

61. Пусть не просвѣщенные (ученіемъ Христа) народы употребляютъ, по своему жестокосердію, (мясныя) снѣди, убивая четвероногихъ: насъ же пусть на невинныхъ вечерахъ ¹⁰⁾ питаютъ овощныя стебли и разнообразныя плоды шелушистыхъ растеній.

66. Въ сосудахъ заключается бѣлоснѣжное молоко; ¹¹⁾ створоживаясь, оно твердѣетъ и его сдавливаютъ хрупкій калаеъ. ¹²⁾

71. Изъ свѣжаго сота источается мнѣ Кекропсовъ медъ, благоухающій, подобно нектару ¹³⁾: приготовляетъ оный (медъ) изъ воздушной росы и нѣжнаго тимьяна ¹⁴⁾ зиждительница—пчела, не вѣдающая связей супружества.

⁸⁾ Въ подлинникѣ: *racis alumpna...basa*. Вѣтви оливковаго дерева служили символомъ мира; ихъ держали въ рукахъ молящіе о защитѣ. *Virgilio: Georg. II, 425: placitam Ras...olivam*; ср. *Aen. VIII, 116*.

⁹⁾ „Пруденцій не говорить, что христіанамъ воспрещено употреблять въ пищу животныхъ, но только утверждаетъ, что лучше ихъ не употреблять, потому что мясныя снѣди развиваютъ страсти и склонность ко грѣху. Что христіанамъ, по его мнѣнію, можно вкушать все, открывается изъ стих. II и слѣдующихъ“ (Дрессель).

¹⁰⁾ Т. е. такихъ вечерахъ, которыя, какъ безкровныя, не сопряжены съ вредомъ для животныхъ, равно не возбуждаютъ и не поддерживаютъ страстей въ самихъ вечерлющихъ.

¹¹⁾ Въ подлинникѣ:

*Spumea mulctra gerunt niveos
ubere de gemino latices.*

¹²⁾ Калаеъ (*κάλαθος*)—форма для сыра.

¹³⁾ Поэтъ имѣетъ въ виду медъ съ горы Гиметта въ Атикѣ, славившейся въ древности пріятнымъ вкусомъ; выраженіе „Кекропсовъ“ употреблено въ „Аттичскій“ *Sr. Cath. V. 94: mel Atticum*.

¹⁴⁾ Тимьянъ (*thymum* и *thymus*)—низкій кустарникъ съ пріятнымъ запахомъ, любимый пчелами.

76. Потомъ появляются сладкіе дары плодовыхъ деревьевъ; сотрясенное дерево сбрасываетъ въ видѣ дождя свое бремя и составляетъ кучки румяныхъ плодовъ.

81. Какая труба древнихъ или знаменитая (своими) струнами лира могутъ достойно прославить все то, что Всемогущимъ Владыкою предоставлено для пользованія человѣку?

86. Тебя, Всеблагій Отче, при наступленіи утра и въ полдень, Тебя же и при закатѣ солнца, когда наступаетъ время вкушенія пищи, будетъ, о Боже, прославлять наша согласная пѣснь ¹⁵⁾.

91. Я буду восхвалять Небеснаго Отца, и за то, что (мнѣ) дано горячее дыханіе, и за то, что въ моемъ сердцѣ незримо бьется кровь, и за то, что ударяется о небо языкъ (мой), производя слова.

96. Ибо Твоя, Святыи, десница создала насъ изъ влажной персти по образу Своему, и дуновеніемъ вложила (въ сію персть) душу, дабы (она) матерія была разумна ¹⁶⁾.

101. Затѣмъ Онъ (Святыи) повелѣваетъ (созданному человѣку) жить среди пріятной зелени, на мѣстахъ, покрытыхъ листовою (деревьевъ), гдѣ благоухаетъ вѣчная весна и быстротекущая влага изъ четырехъ рѣкъ орошаетъ разноцвѣтные луга ¹⁷⁾.

106. „Пусть это теперь служить тебѣ“—говорить,—„все это отдаю для твоего употребленія; но воспрещаю пользоваться гибельными плодами съ смертоноснаго дерева, растущаго среди рая“ ¹⁸⁾.

111. Здѣсь (въ раю) коварный змій прельщаетъ неопытный умъ дѣвы ¹⁹⁾, и она, сама уже вкусивъ на свою гибель, даетъ

¹⁵⁾ Псал. LIV, 18: *вечеръ, и заутра, и полудне поемъ и возопиу и услышитъ гласъ мой.*

¹⁶⁾ Быт. II, 7: *и созда Богъ человека, персть (вземъ) отъ земли и вдуны въ лице его дыханіе жизни: и бысть человекъ въ душу живу.* Ср. Быт. I, 27.

¹⁷⁾ Быт. II, 8, и слѣд.

¹⁸⁾ Быт. II, 16—17; ср. ст. 9.

¹⁹⁾ Въ подлинникѣ: *virginis illicit ingenium.* Подобнымъ образомъ въ стих. 123 Ева названа „безмужною“ (*innuba femina*), а въ Dittoch. 1 ст. „чистою голубкою“ (*columba candida*).

(своему) сотоварищу—мужу гибельный совѣтъ вкусить отъ задрещеннаго дерева.

116. По вкушеніи они (дѣва и мужъ); видятъ неприкрытыми тѣла другъ друга,—что не согласно съ закономъ;—и стыдѣ объять согрѣшившихъ; и готовятъ себѣ они покровы, сшитые изъ листьевъ; такимъ образомъ, стыдливость прикрываетъ срамоту²⁰⁾.

121. Въ сознаніи (своей) виновности предъ Богомъ они страшатся Его, и изгоняются далеко отъ блаженнаго жилища; та, которая была безмужною, подчинена власти мужа и осуждена сносить скорбный союзъ съ нимъ²¹⁾.

126. Накаивается и самъ обольститель—коварный змій, и жена попираетъ уже пятою его трехъязычную главу²²⁾; такимъ образомъ змій подчиняется пятѣ жены, а жена мужу²³⁾.

131. Съ тѣхъ поръ зараженное потомство, имѣя таковыхъ вождей, устремляется къ злодѣяніямъ, и, не различая добра отъ зла, подобно предкамъ своимъ, платитъ смертью своей за нечестивыя дѣянія.

136. Но вотъ является новый Потомокъ, второй Человѣкъ; сошедшій съ неба²⁴⁾, но изъ персти созданный, какъ тотъ первый, но Самъ Богъ; принявшій человѣчество, чуждый (однако) слабостей плоти²⁵⁾.

141. Слово Отца становится живою плотію и рождается не обыкновеннымъ образомъ, но отъ непорочной Дѣвы, зачавшей по наитію Свѣтоноснаго Божества²⁶⁾.

²⁰⁾ Быт. III, 1 и слѣд.

²¹⁾ Быт. III, 16.

²²⁾ Три языка перѣдко усвоятся зміямъ древними писателями.

²³⁾ Быт. III, 15—16.

²⁴⁾ Въ подлинникѣ: aethere proditus.

²⁵⁾ 1 Кор. XV, 47: *первый человекъ, отъ земли перстенъ; второй человекъ, Господь съ небесе.*

²⁶⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

Fit caro vivida sermo Patris
numine quam rutilante gravis
non thalamo, neque jure tori,
nec genialibus illecebris
intemerata puella parit.

146. Ногами жены попирается теперь пресмыкающаяся эхидна, что и означаетъ та древняя вражда; то непримиримое раздѣленіе между зміемъ и человекомъ ²⁷⁾).

151. Ибо Дѣва, удостоившаяся родить Бога, отнимаетъ силу у всякой отравы; безсиленный (уже), одноцвѣтний (съ зеленой травой; змій ²⁸⁾), бесконечно изгибаясь, извергаетъ (теперь) безвредный ядъ.

156. Какая злобность не трепещетъ теперь бѣлаго стада? ²⁹⁾ Волкъ угрюмо ходитъ среди безстрашныхъ овецъ и, забывъ о крови, не разверзаетъ (уже) яростную пасть ³⁰⁾.

161. Ибо — удивительный переворотъ! — Агнецъ повелѣваетъ теперь львами и Голубь, слетѣвшій съ неба, гонитъ по воздуху и облакамъ тревожимыхъ (имъ) свирѣпыхъ орловъ.

166. Христе! Ты — мой могущественный Голубь, отъ Котораго бѣжитъ хищная птица! ³¹⁾ Ты мой бѣлый Агнецъ, не допускающій волка неистовствовать въ Твоей овчарнѣ; и смиряющій пасть тигра ³²⁾.

171. Даруй, Боже Вседержителю, рабамъ (Твоимъ), право молящимся, дабы они подкрѣпили (свои) члены скудною пищею; (но) пусть слабый желудокъ не обременяетъ тѣла (ихъ), преступивъ мѣру въ снѣдахъ.

176. Да (удалится отъ насъ вредоносная пища); пусть не будетъ у насъ желанія — коснуться рукою чего либо вреднаго или запрещеннаго; (равно) пусть въ самомъ внутреннѣи будетъ мѣра; дабы сохранилась невредимою печень! ³³⁾.

²⁷⁾ Быт. III, 15.

²⁸⁾ Ср. Horatii: Od. 1, 17, 8, гдѣ, также, змѣи называются зелеными.

²⁹⁾ Выраженіемъ „бѣлое стадо“ (grex candidulus) поэтъ обозначаетъ здѣсь христіанъ, омытыхъ водою крещенія и, послѣ сего, въ теченіи нѣсколькихъ дней, носившихъ бѣлыя одежды.

³⁰⁾ Волкъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ 169 ст., есть дѣволъ.

³¹⁾ Въ образѣ голубя собственно былъ представляемъ уже съ древнихъ поръ Духъ Святой. Сближеніе Иисуса Христа съ голубемъ, сдѣланное поэтомъ здѣсь, почти безпримѣрно.

³²⁾ Агнцемъ называется въ Св. Писаніи Иисусъ Христосъ неоднократно. Ср. Иоан. 1, 29: *се Агнецъ Божій, возмэй грѣхи міра*; 1 Петр. 1, 19.

³³⁾ Въ древности печень признавалась исходнымъ пунктомъ кровеносныхъ

181. Пусть довольно будетъ ужаснымъ змѣямъ, что запрещенныя снѣди принесли тѣламъ несчастную смерть; пусть достаточно будетъ, что однажды могло, по причинѣ грѣха (прародителей), умереть созданіе Божіе (смертью тѣлесною);

186. (Ибо) твореніе усть (Божіихъ),—огненная сущность не умираетъ ³⁴), поелику созданная дѣновеніемъ Божіимъ и происшедшая отъ горняго престола Зиждителя Отца, обладаетъ духовностію

191. Есть (теперь) возможность воспріять снова послѣ смерти даже и умершія тѣла; (теперь) снова соединяются частицы персти и возрождается изъ гробницъ первоначальный образъ.

196. Я вѣрую—и не напрасна моя вѣра—что тѣла! будутъ жить, подобно душамъ, ибо я знаю, что Воплотившійся Богъ отъ Флегетона ³⁵) снова возшелъ на небо.

201. То-же самое—надѣюсь я—ожидаетъ и мои члены; издавая зловоніе, они успокоиваются въ погребальномъ саркофагѣ; но Вождь (нашъ) Христосъ, въ подобной плоти; Возставшій, воззоветъ ихъ на небо ³⁶).

ГЛАВА IV. О ВОСКРЕСЕНІИ И ВОЗВѢЩЕНІИ.

Гимнъ по вкушеніи пищи.

1. Насытилась утроба; принята пища, которой требуетъ слабая тѣлесная природа; пусть языкъ воздастъ: (теперь) хвалу Богу Отцу;

4. Который, возсѣдая на горнемъ престолѣ, владѣетъ и управляетъ херувимами и серафимами—Своимъ священнымъ подножіемъ ¹).

жилъ и средоточіемъ страстей, а Цицеронъ прямо считаетъ печень одною изъ обителей жизни (de nat. deor: 1, 35, § 99: cerebrum, cor, pulmones, jecur: haec enim sunt domicilia vitae).

³¹) Ср. Cath. X, 1, гдѣ Пруденцій называетъ Бога „огненнымъ источникомъ душъ“.

³⁵) Флегетонъ—рѣка въ подземномъ царствѣ по греко-римской мифологіи.

³⁶) Подобнымъ образомъ Пруденцій на воскресеніи Иисуса Христа основываетъ вѣру въ воскресеніе мертвыхъ въ Apoth. 1062 и слѣд.

¹) Псал. LXXIX, 2: *спдѣй на херувимьхъ, явися*; слич. Псал. XCVIII, 1; Исаян: VI, 1—6; *видѣхъ Господа спдѣща на престолѣмъ высоцѣ и превознесен-*

7. Онъ есть Тотъ, Кого мы называемъ Богомъ Саваоомъ; не причастный начала и не имѣющій конца; Создатель міра и Творецъ всего,

10. Источникъ жизни; текущій свыше²⁾; Насадитель вѣры, Святель стыдливости, Побѣдитель смерти, Седѣтель спасенія.

13. Онъ есть Причина бытія нашего и жизни нашей³⁾; Вѣчный Онъ Духъ, ниспосланный отъ Христа и Отца (Христова) дарствуетъ (въ насъ)⁴⁾.

16. Онъ—Святый—входитъ въ стыдливыя сердца, и тѣ, освященные вмѣсто храма (рукотворнаго), исполняются радостію, воспріявъ внутрь себя Бога⁵⁾.

19. Но, если Онъ замѣтилъ, что въ существѣ, уже посвященномъ Ему, зарождается нѣчто порочное или нѣчто коварное, то немедленно оставляетъ оное, какъ оскверненный храмъ.

22. Ибо совѣсть сжигается преступленіемъ, при чемъ издаетъ густой дымъ и смрадъ, и чернота ея отгоняетъ оскорбленную Благость.

25. Не одна, впрочемъ, стыдливость или невидность, создаетъ вѣчный храмъ Христу во внутреннихъ глубинахъ; и тайникахъ нашего сердца:

28. Должно заботиться, что томъ, дабы не буйствовалъ хмѣль, который жилище вѣры, переполненное язвами, угнетаетъ и сдвливаетъ.

31. Сердца, воспріявшія снѣди умѣренно и не страдающія отъ обремененія, удобнѣе пріемлютъ вопедшаго въ нихъ Бога; это есть Истинная Пища и Снѣдь души.

и... и серафими стояху окрестъ Его... и взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваооъ.

²⁾ Въ подлинникѣ: fons vitae liquida fluens ab arce.

³⁾ Дѣян. XVII, 28: о Немъ бо живемъ и движемся и есмь.

⁴⁾ Иоан. XIV, 26: Утѣшитель-же Духъ Святый, Его-же пошлетъ Отець во имя Мое; XV, 26: егда-же приидеть Утѣшитель, его-же Азъ пошлю вамъ отъ Отца.

⁵⁾ I Кор. VI, 19: или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть. Слѣч. Дѣян. XVII, 24—25.

34. Но Ты, (Небесный) Отче, заботишься о томъ и о другомъ питаніи (нужномъ для насъ), укрѣпляя и оживляя имъ и (тѣлесные) члены и души (наши).

37. Такъ иногда Твоя Преславная Сила напичкала непосланными яствами мужа, брошеннаго къ свирѣпымъ лвамъ⁶⁾.

40. Онъ не почтилъ слитое (изъ металла) божество и счелъ нечестивымъ воздавать поклоненіе мѣдному изваянію.

43. За это чернь и тиранъ жестокосердаго Вавилона обрекли его на смѣрть, бросили дикимъ звѣрямъ, которые могли-бы тотчасъ его пожрать.

46. Но всегда безопасны вѣра и благочестіе! Свирѣпые лвы лижутъ (сего) мужа, и не только не какаются (пастями) питомца Божія, но сами трепещутъ (его).

49. Стоять вблизи и склоняютъ гривы, стихаетъ ярость (ихъ); не смотря на голодъ, они кротко, не обрызгавъ себя кровію, ходятъ вокругъ (своей) добычи.

52. Когда-же оный мужъ, пребывавшій въ непрестанномъ заключеніи и лишенный пищи возвелъ руки горь и обратился съ мольбою къ Богу, котораго вѣдалъ,

55. Повелѣно было ангелу летѣть на землю, дабы доставить пищу испытанному рабу, и сей (ангелъ) поспѣшно оставляетъ мѣстопробываніе (безпрекословно) повинующихся (Господу).

58. Вотъ онъ видитъ вдали простыя снѣди, которыя благодарный пророкъ Аввакумъ несъ жнецамъ по обычаю поселян⁷⁾.

61. Онъ восхищаетъ сего (пророка) за волосы такъ какъ онъ былъ, (именно) обремененнаго корзинами, и несетъ по воздуху:

64. Затѣмъ восхищенный вмѣстѣ со снѣдями незамѣтно опускается въ ровъ львиный и предлагаетъ (мужу, находившемуся во рвѣ) яства, которыя онъ тогда несъ.

67. „Радостно прими“ — говоритъ — „и охотно вкуси снѣди, которыя Небесный Отецъ и ангелъ Христа посылаютъ тебѣ въ сей „опасности“.

⁶⁾ Дан. XIV.

⁷⁾ Именно несъ въ корзинахъ, ст. 62. Ср. Дан. XIV, 33.

70. Принявъ сіи снѣди, Даніилъ возвелъ къ небу лице и, подкрѣпившись пищею, воскликнулъ: „аминь“ и произнесъ: „аллилуіа“.

73. Такъ и мы, подкрѣпившись дарами Твоими, Боже-Подателю всѣхъ благъ, благодаримъ (Тебя) и поемъ (Тебѣ) гимны.

76. Ты руководишь насъ, заключенныхъ движеніемъ сего, конечно, немощнаго міра, какъ-бы свирѣпымъ тиранномъ, и отгоняешь (отъ насъ) звѣря,

79. Который, изощря въ ярости неистовые зубы (свои), вокругъ насъ, рыкая, ходитъ и старается пожрать ⁸⁾, почему мы молимся Тебѣ Единому, Небесный Отче!

82. Мы притѣсняемся, терпимъ бѣды, удручаемся зломъ; насъ ненавидятъ, мучать, терзаютъ, обольщаютъ; вѣра соединена съ неправедными мученіями.

85. Однако не отсутствуетъ и врачеваніе для тревожимыхъ; ибо обуздывается гнѣвъ свирѣпаго льва ⁹⁾ и ниспосылаются снѣди свыше.

88. Если кто, пріемля ихъ съ жадностію и не скудно, захочетъ напитать ими внутренній составъ (свой),

91. Тотъ чрезъ святаго пророка воспріиметъ пищу тѣхъ праведныхъ мужей, которые жнутъ плодъ для Вѣчнаго Господа ¹⁰⁾.

94. Нѣтъ ничего болѣе сладкаго и болѣе пріятнаго, нѣтъ ничего, что могло-бы доставить большее подкрѣпленіе человѣку, чѣмъ благочестивыя изреченія пророческія.

97. Когда они воспріяты, пусть надмѣнная власть несправедливо осуждаетъ и обрекаетъ на смерть, пусть устремляются алчные львы.

100. Да будемъ мы всегда исповѣдывать Единого Господа Отца въ Тебѣ, Христе Боже, и непрестанно носить Твой крестъ!

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

⁸⁾ 1 Петр. V, 8: *трезвитесь, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити.*

⁹⁾ Т.-е. діавола.

¹⁰⁾ Разумѣются апостолы и другіе мужи, которыхъ посылаетъ Господь на жатву свою.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXX.

Существенное единство неорганической и органической природы.—Различныя степени и виды дифференціаціи въ органической природѣ.—Отличительный характеръ психическихъ явленій.—Постепенное выдѣленіе отношеній послѣдовательности отъ пространственныхъ отношеній, или что то же, дифференціація психической жизни отъ перемежь чисто физическихъ.—Зависимость внутреннихъ отношеній, составляющихъ психическую жизнь, отъ вѣшнихъ.—Виды и степени внутреннихъ отношеній.—Рефлексъ, инстинктъ, память, разумъ.—Недостаточность теоріи Спенсера для вывода сознательныхъ отношеній психической жизни.

Изъ предыдущаго видно, какія основанія установлены Спенсеромъ для изъясненія жизненныхъ явленій: Основанія эти въ сущности тѣ же, которымъ онъ слѣдуетъ въ изъясненіи явленій природы неорганической. И въ явленіяхъ жизненныхъ, и въ явленіяхъ природы неорганической Спенсеръ видитъ лишь рядъ послѣдовательныхъ и одновременныхъ измѣненій. Чтобы вывести общее понятіе о жизни, Спенсеръ беретъ во вниманіе наиболѣе отдаленныя другъ отъ друга жизненныя явленія, каковы: уподобленіе, какъ процессъ жизни физической, и умозаключеніе, какъ обнаруженіе жизни умственной, и находитъ въ нихъ прежде всего то общее, что оба они—процессы измѣненія. Явленія жизненныя суть по преимуществу внутреннія, а потому имъ свойственно стремленіе къ приспособленію или

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 9.

уравновѣшенію съ внѣшними условіями. Поэтому кромѣ того опредѣленія, что жизнь есть процессъ измѣненія, другимъ основаніемъ для изъясненія жизненныхъ явленій служитъ свойственное имъ побужденіе приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ; но и эта особенность жизненныхъ явленій, какъ сказано было выше, сравнительно съ явленіями природы неорганической, отличается лишь большею опредѣленностію. И это понятно: съ точки зрѣнія внѣшняго наблюденія не существуетъ никакихъ иныхъ всеобщихъ условій существованія кромѣ пространства и времени. Посему во-всемъ наблюдаемомъ, если не восполнять наблюденіе данными изъ области самосознанія въ высшемъ значеніи этого слова, ничего иного не представляется кромѣ послѣдовательныхъ и одновременныхъ перемѣнъ, а съ другой стороны—агрегатовъ большаго или меньшаго объема. Отсюда и прогрессивное развитіе жизненныхъ явленій, при такомъ взглядѣ на дѣйствительность, можетъ состоять лишь въ постепенно усовершенствующемся приспособленіи къ пространственнымъ и временнымъ отношеніямъ.

Итакъ, два начала имѣются у Спенсера для изъясненія явленій органической жизни: а) измѣненія и б) приспособленіе къ внѣшнимъ отношеніямъ пространственнымъ и временнымъ. Очевидно одно съ другимъ связано: измѣненія порождаются постепеннымъ приспособленіемъ къ внѣшнимъ условіямъ. Но нужно знать въ чемъ состоятъ измѣненія производимыя приспособленіемъ. Измѣненія жизненныя вообще состоятъ въ постепенномъ усложненіи организмовъ, именно въ постепенномъ образованіи изъ однороднаго неоднородныхъ частей, при чемъ происходитъ также раздробленіе силы дѣйствующей на эти части, и затѣмъ—въ координаціи этихъ частей въ одно цѣлое, слѣдовательно, измѣненія въ организмѣ изъясняются изъ общихъ началъ (дифференціація и интеграція), а потому одно изъ двухъ: или приспособленіе, если оно производитъ всѣ измѣненія въ организмѣ, не есть отличительная особенность органической жизни, ибо перемѣны, производимыя приспособленіемъ, не представляютъ чего-либо особеннаго, такъ какъ изъясняются изъ общихъ началъ, или-же приспособленіе ни какого отношенія не имѣетъ къ перемѣнамъ происходящимъ въ при-

родѣ органической, но тогда непонятно было бы каково-же его значеніе для жизни органической. Очевидно такимъ образомъ, что приспособленіе не есть что-либо особенное, а просто лишь особая формула общаго закона, дѣйствующаго повсюду и состоящаго въ томъ, что дифференціація и интеграція, постоянно чередуясь, представляютъ собою процессы попеременнаго нарушенія установившагося равновѣсія (послѣ выдѣленія новыхъ частей) и восстановленія его. Убѣдиться въ этомъ нетрудно. Когда живое существо постоянно окружено необходимымъ для него матеріаломъ, который оно уподобляетъ, то организмъ не нуждается въ перемѣщеніи, и соотвѣтствіе организма со средою въ этомъ случаѣ есть прямое и однородное; при однообразіи и несложности обитаемой среды и самая жизнь является столь-же простою и однообразною; отсюда очевидно, что въ органической жизни, такъ-же какъ и въ природѣ неорганической, развитіе начинается съ однороднаго. Большую сложность представляетъ жизнь тѣхъ организмовъ, которые для добыванія необходимаго имъ матеріала, или сами совершаютъ перемѣщенія, или-же приводятъ въ правильное и равномерное движеніе среду, которая имъ доставляетъ пищу (губки втягиваютъ въ себя воду и снова ее выбрасываютъ). Жизнь на этой степени характеризуется очевидно тѣмъ, что, кромѣ простаго существованія, представляемаго жизнью организма остающагося постоянно въ томъ-же мѣстѣ, мы видимъ еще и послѣдовательность измѣненій внутри и внѣ. Есть, впрочемъ, степени и въ организмахъ приврѣпленныхъ къ одному мѣсту, а именно: жизнь самаго низшаго порядка продолжается долготѣ, пока среда остается практически однородною какъ въ пространствѣ, такъ и во времени; но выше степеню стоитъ жизнь растительная, которая не прекращается вмѣстѣ съ измѣненіемъ среды, напротивъ, сама проявляетъ измѣненія соотвѣтствующія наиболѣе общимъ измѣненіямъ среды, — каковы перемѣны свѣта и тепла. Но причинѣ лучшаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, жизнь на этой степени становится продолжительнѣе, а болѣе продолжительный ростъ дѣлаетъ части организма болѣе отдаленными одну отъ другой, и оттого необходима связующая ихъ система органовъ,

причемъ и самая среда является раздѣленною на части (почва и воздухъ), слѣдовательно, уже не есть столь однородна, здѣсь какова среда организмовъ низшаго порядка. У животнорастеній (зоофиты), сверхъ общихъ послѣдовательныхъ перемѣнъ, соответствующихъ такимъ-же перемѣнамъ среды, происходятъ еще перемѣны спеціальныя въ зависимости отъ таковыхъ-же перемѣнъ среды; къ этого рода перемѣнамъ относятся: вѣшнія впечатлѣнія, соотвѣтственныя осязательнымъ и инымъ свойствамъ среды, соприкасающейся съ животнымъ, а также движенія вызываемыя впечатлѣніями; такія спеціальныя перемѣны обнаруживаются въ томъ, что зоофитъ задерживаетъ не всякія, а только необходимыя для него части, которыя мимо него движутся въ окружающей его средѣ. Такимъ образомъ жизнь, начавшись съ однороднаго, все болѣе дифференцируется.

Во всѣхъ означенныхъ формахъ жизни приспособленіе къ средѣ ограничивается лишь тѣми отношеніями, которыя соприкасаются съ организмомъ (постоянно или не постоянно), но не простирается на отдаленныя вѣшнія отношенія. Напротивъ высшія животныя, при посредствѣ вѣшнихъ чувствъ, достигаютъ соотвѣтствія съ отдаленными отъ нихъ сосуществованіями и послѣдовательностями среды. При этомъ и самая дифференціация чувствъ вѣшнихъ представляетъ собою цѣлый рядъ дальнѣйшихъ ступеней въ развитіи органической жизни. „У самыхъ низшихъ животныхъ всѣ жизненныя отправленія составляютъ принадлежность всего тѣла. Каждая часть его проявляетъ извѣстную степень сократимости, которая у высшихъ животныхъ принадлежитъ мускуламъ и той чувствительности, которая у послѣднихъ проявляется только въ нервной системѣ; равнымъ образомъ способность къ поглощенію питательныхъ веществъ у высшихъ животныхъ ограниченная только пищеварительнымъ каналомъ, а также выдѣленіе, воспроизведеніе являются принадлежащими всему тѣлу“ ¹⁾. Только по мѣрѣ того какъ первоначально однообразная ткань становится дифференцированной, и самыя отправленія спеціализируются, причемъ однако ихъ первоначальная общность не изглаживается

¹⁾ The principles of Psychology, vol. 1, § 140.

совершенно. Поэтому должно полагать тоже и относительно высшихъ отправленій, — на примѣръ относительно чувствительности; что вначалѣ весь организмъ обладаетъ тѣми видами чувствительности, которые затѣмъ специализируются во внѣшнихъ органахъ чувствъ. Посредствомъ одного и того же процесса дифференціаціи и интеграціи протоплазма, снабженная ядрами, даетъ начала и внутреннимъ и внѣшнимъ системамъ органовъ; а потому она уже первоначально должна обладать въ нѣкоторой мѣрѣ способностями, принадлежащими этимъ органамъ. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ происхожденіе разнороднаго изъ однороднаго и объединеніе разнороднаго въ правильно расчлененномъ цѣломъ, причѣмъ на ряду съ этимъ процессомъ сложенія и объединенія отдѣльныхъ частей (интегрированія) происходитъ постоянно и всюду обратный процессъ разожженія соединеннаго.

Дифференціація чувствъ не ограничивается образованіемъ различныхъ органовъ воспріятія, между которыми распредѣляется общая чувствительность организма, но продолжается далѣе въ той же сферѣ чувствительности, — и состоитъ въ постепенномъ усовершеніи чувствъ, въ расширеніи сферы воспріятія каждымъ чувствомъ отношеній пространственныхъ и временныхъ. Обоняніе есть первый изъ тѣхъ органовъ, который, специализируясь, дѣлаетъ животное способнымъ устанавливать соотвѣтствіе съ отдаленными внѣшними отношеніями; чувство обонянія рождаетъ готовность заблаговременно схватить добычу или избѣжать врага; такъ что вслѣдствіе обонянія расширяется пространство, въ предѣлахъ котораго сосуществованія и послѣдовательности среды способны вызывать соотвѣтственныя имъ сосуществованія и послѣдовательности въ организмѣ. Но мѣрѣ усовершенія зрительной способности расширяется область пространства, въ предѣлахъ котораго внѣшнія отношенія могутъ вызывать соотвѣтственныя имъ внутреннія перемѣны. Другой видъ дифференціаціи органической жизни состоитъ въ томъ, что одни изъ организмовъ приспособляются только къ пространственнымъ отношеніямъ (сосуществованіямъ) среды, тогда какъ другіе сверхъ того еще приспособляются и къ послѣдовательностямъ. Такъ въ растеніяхъ очевидно господствуетъ

приспособленіе къ сосуществованіямъ (температура, свѣтъ, влажность), а не къ послѣдовательности, какъ это видно изъ того, что дерево зацвѣтеть и осенью, если теплота достаточна, и къ послѣдующимъ перемѣнамъ, слѣдовательно, это не имѣетъ отношенія. У животныхъ является соотвѣтствіе съ послѣдовательностями среды лишь когда они обладаютъ не однимъ осязаніемъ, но и другими чувствами, хотя-бы въ слабой степени. Такъ какъ только у животныхъ мы видимъ приспособленіе къ послѣдовательностямъ, то въ этомъ собственно и заключается отличительная черта животной жизни, обозначаемая обыкновенно названіемъ души; въ самомъ дѣлѣ, душевная жизнь состоитъ именно въ послѣдовательности внутреннихъ отношеній, отображающей въ себѣ таковую-же послѣдовательность отношеній внѣшнихъ. Психическія явленія отличаются тѣмъ, что они послѣдовательны, между тѣмъ какъ явленія физическія столько-же послѣдовательны сколько и одновременны; будучи совмѣстными. Поэтому вопросъ о томъ, какъ образуется различіе между тѣломъ и душою въ сущности сводится къ тому, какимъ образомъ послѣдовательно происходящія перемѣны отрѣшаются отъ своей связи съ отношеніями совмѣстно и одновременно существующими и чрезъ то получаютъ самостоятельность. Выдѣленіе и разграниченіе явленій, составляющихъ психическую область, отъ явленій физическихъ совершается постепенно, такъ что въ началѣ тѣже самыя явленія, которыя потомъ образуютъ одинъ связный рядъ, совершающійся въ порядкѣ послѣдовательности, происходятъ совмѣстно и одновременно въ различныхъ частяхъ тѣла. Однако и послѣ разграниченія психическихъ явленій отъ тѣлесныхъ никогда не бываетъ полнымъ и совершеннымъ. Что психическія явленія составляютъ непрерывно продолжающійся рядъ,—это изъясняется тѣмъ, что для распознаванія внѣшнихъ предметовъ и приспособленія къ нимъ необходимо комбинированіе воспринимаемыхъ впечатлѣній, а для сего необходимъ общій всѣмъ имъ центръ, чрезъ который они не могутъ конечно проходить одновременно и потому проходятъ послѣдовательно. При сложности внѣшнихъ явленій, вызывающихъ отвѣтъ организма, долженъ произойти непрерывный рядъ нервныхъ перемѣнъ,

субъективная сторона, котораго явится для насъ какъ связанное сознание ¹⁾). Однакожь, такъ какъ одновременно получается много впечатлѣній, то лишь не въ строгомъ смыслѣ можно сказать, что психическія перемѣны образуютъ послѣдовательный рядъ; на дѣлѣ у насъ всегда находится множество заражающихся сознаний, одновременно существующихъ. При томъ же съ каждымъ воспріятіемъ соединяется много воспроизведенныхъ чувствъ и отношеній. Тѣмъ не менѣе среди множества другихъ сознание наше всегда бываетъ занято преимущественно лишь однимъ воспріятіемъ.

Но хотя душевныя явленія постепенно все болѣе выдѣляются изъ всей совокупности физическихъ перемѣнъ, причѣмъ послѣдвія различаются отъ первыхъ, какъ внѣшнія отъ внутреннихъ, тѣмъ не менѣе постоянно удерживается связь однихъ съ другими и не только связь, но и зависимость однихъ отъ другихъ, — психическихъ состояній отъ перемѣнъ физическихъ, или иначе внутреннихъ отношеній отъ внѣшнихъ. Герб. Спенсеръ отвергаетъ гипотезу о предуглавленной гармоніи между субъективными, или иначе, внутренними и объективными, иначе, внѣшними отношеніями, — гипотезу, которая взаимную связь тѣхъ и другихъ возводитъ къ третьему стоящимъ надъ ними

¹⁾ Постепенное происхожденіе, или иначе, дифференцированіе психической жизни отъ перемѣнъ чисто тѣлесныхъ состоитъ просто лишь въ концентраціи внутреннихъ перемѣнъ. У низшихъ животныхъ для такихъ перемѣнъ не существуетъ одного центра, а потому, происходя одновременно въ различныхъ частяхъ тѣла, перемѣны эти остаются безсвязными, необъединяются единствомъ сознанія. Началомъ же концентраціи внутреннихъ перемѣнъ служитъ дифференціация между внутренней и внѣшней тканями, т. е. между веществомъ тѣла и ограничивающей его оболочкою. Для частей однородной протоплазмы не существуетъ иного различія, кромѣ того, что однѣ части соприкасаются только между собою, между тѣмъ какъ другія соприкасаются съ внѣшнею средою. Наружныя части омываются окружающею средою, внутреннія же части не омываются. И вотъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ первичнымъ различіемъ въ условіяхъ постепенно возникаетъ разность въ строеніи и направленіи. Часть, постоянно остающаяся наружною, принимаетъ измѣненную форму жизненнаго дѣйствія, какая требуется обстоятельствами. Подобнымъ же образомъ часть, остающаяся внутри, также пріобрѣтаетъ особый порядокъ дѣятельности. Основ. Психол. § 178. Здѣсь мы видимъ повтореніе того же усложненія дѣйствій, вслѣдствіе различнаго положенія однородныхъ частей вещества, на которое было указано при обзорѣ общихъ началъ.

высшему началу. Приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, по мнѣнію Спенсера, изъясняется единственно тѣмъ, что *внѣшнія отношенія производятъ внутреннія*.¹⁾

Для того, чтобы видѣть теперь точно-ли внутреннія отношенія производятся внѣшними, и если производятся, то какимъ образомъ, — надлежитъ сдѣлать обзоръ внутреннихъ отношеній. Спрашивается: какіе именно виды и степени внутреннихъ отношеній существуютъ въ дѣйствительности? Такъ какъ всѣ душевныя явленія не иначе происходятъ, какъ въ порядкѣ послѣдовательности, т. е. образуютъ одну непрерывно продолжающуюся цѣпь, то ясно, что различныя формы душевныя состоянія сами собою опредѣляются тѣмъ, съ чего и какъ начинается, какъ продолжается и чѣмъ оканчивается процессъ душевной жизни. Какъ всякое развитіе, такъ и развитіе душевной жизни представляетъ постепенную дифференціацію и ин-

¹⁾ Ibid. § 189. Многочисленные факты, говоритъ Спенсеръ, приводимые для поясненія доктрины объ ассоціаціи идей, подтверждаютъ гипотезу, которая гармонію между внутренними и внѣшними отношеніями изъясняетъ тѣмъ, что первыя производятся послѣдними. Гипотеза эта согласуется съ общею истиною, что переходъ отъ невѣжества въ дѣтскомъ возрастѣ къ знанію, какъ бываетъ у взрослого, совершается медленно и постепенно. Всѣ теоріи и методы воспитанія принимаютъ ее за несомнѣнную, ибо основываются на убѣжденіи, что чѣмъ наще будемъ вынуждать состоянія сознанія слѣдовать въ извѣстномъ порядкѣ одно за другимъ, тѣмъ сильнѣе будетъ склонность этихъ состояній слѣдовать другъ за другомъ въ этомъ именно порядкѣ. А такія изреченія, какъ: *опытъ научаетъ, привычка — вторая натура* показываютъ, какъ прочно установилось и сколь общимъ сдѣлалось то убѣжденіе, что существуетъ такой законъ. Подтверждается этотъ законъ и тѣмъ фактомъ, что люди, находясь въ раздвѣнной обстановкѣ и если переживали неодинаковыя опыты, приходятъ къ разнымъ обобщеніямъ, а также и тѣмъ фактомъ, что ложное представленіе дѣлается столь-же прочнымъ какъ и истинное, если внѣшнее отношеніе, которому оно соответствуетъ, часто повторялось. — Происхожденіе заблужденія здѣсь изъясняется многократнымъ повтореніемъ соотвѣтственнаго внѣшняго отношенія, но съ этимъ несогласно другое объясненіе Спенсера того-же предмета, состоящее въ томъ, что не установившаяся приспособленность внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ есть причина заблужденій. При томъ-же Спенсеръ не дѣлаетъ различія между внѣшними отношеніями, которыя создаетъ самъ-же человѣкъ, источникъ которыхъ поэтому заключается въ отношеніяхъ внутреннихъ, и отношеніями создаваемыми внѣшнею природою. Поэтому какъ самый тезисъ о зависимости внутреннихъ отношеній отъ внѣшнихъ, такъ и аргументація этого тезиса не представляютъ точнаго и яснаго смысла.

теграцію, т. е. постепенное усложненіе разностей объединяемыхъ единствомъ цѣлаго, каковымъ цѣлымъ является въ настоящемъ случаѣ не пространственная величина, а временная продолжительность. Съ другой стороны какъ во всякомъ развитіи, такъ и въ развитіи душевной жизни, постепенное усложненіе достигается чрезъ постоянное повтореніе одного и того-же процесса, состоящаго изъ двухъ актовъ, каковы нарушение равновѣсія, слѣдствіемъ чего является дифференціація, — и восстановление нарушеннаго равновѣсія, причемъ происходитъ интеграція. Поэтому душевная жизнь въ ея цѣломъ должна представлять собою непрерывное воспроизведеніе въ различной формѣ одного и того-же процесса. Процессъ этотъ состоитъ въ томъ, что вышнее впечатлѣніе, какъ скоро воспринято, производитъ раздраженіе (вервовъ), за раздраженіемъ слѣдуетъ сокращеніе (мускуловъ), а сокращеніе проявляется въ движеніи; такимъ образомъ конечными пунктами психическаго процесса, представляющаго основной типъ всѣхъ, достигшихъ полного своего завершевія психическихъ процессовъ, являются раздраженіе и сокращеніе. Первоначально конечно безсознательно совершается послѣдовательность раздраженій и сокращеній, и эта-то именно безсознательность составляетъ отличительную черту такъ называемаго *рефлекса*. У самыхъ низшихъ животныхъ ткань, составляющая тѣло, вмѣстѣ и раздражима и сократима, такъ что раздражимость и сократимость являются у нихъ общими свойствами всего тѣла; у тѣхъ-же, которые обладаютъ нервами и мускулами, раздражимость ограничена спеціализованнымъ для этой цѣли аппаратомъ, а сократимость ограничена другимъ. Въ рефлексивныхъ дѣйствіяхъ только еще начинается дифференціація психической и физической жизни, что показываетъ, кромѣ безсознательности таковыхъ дѣйствій, еще одновременность ихъ совершенія.

Вслѣдствіе многократнаго повторенія рефлексивное дѣйствіе становится *инстинктомъ*. Инстинктъ это сложный рефлексъ. Инстинктъ состоитъ въ томъ, что за комбинаціей впечатлѣвій слѣдуетъ комбинація сокращеній, и чѣмъ выше инстинктъ, тѣмъ сложнѣе направительная и исполнительная координація. Въ отличіе отъ простыхъ рефлексовъ, свойственныхъ и внут-

реннимъ и внѣшнимъ органамъ (отсюда одновременность многихъ рефлексовъ), инстинкты обнаруживаются лишь въ дѣйствіяхъ того нервно-мускульнаго аппарата, который представляетъ дѣятеля психической жизни. Посему въ инстинктахъ должно быть зачаточное сознаніе, ибо они представляютъ координацію многихъ стимуловъ, что предполагаетъ прохожденіе этихъ стимуловъ чрезъ одинъ центръ, въ которомъ чрезъ сопоставленіе ихъ должно испытываться сходство и различіе между ними, а въ этомъ и состоитъ сознаніе. Рефлексъ не могъ бы сдѣлаться инстинктивнымъ, если-бы каждое въ отдѣльности рефлексивное движеніе исчезало безслѣдно, если-бы т. е. не оставляло послѣ себя въ организмѣ нѣкотораго расположенія къ совершенію подобнаго-же дѣйствія; такое расположеніе называется *памятью*. Память—зачаточный инстинктъ; инстинктъ—организованная память. Само по себѣ усложненіе въ рядахъ впечатлѣній, служащихъ стимулами къ спеціальнымъ дѣйствіямъ, предполагаетъ какъ-бы зараждающуюся память, ибо нервный центръ не можетъ получать впечатлѣнія въ тотъ же моментъ; посему каждое изъ впечатлѣній должно представлять нѣкоторую длительность.

Состоянія рѣже повторяющіяся чередуются съ меньшею скоростью и потому совершаются не автоматически, а при посредствѣ памяти (воспоминаніе). Равно, при столкновеніи различныхъ побужденій, когда является необходимость какъ-бы выбора, также необходимо участіе памяти. Такъ, напримѣръ, животное при видѣ врага испытываетъ состоянія, побуждающія къ противоположнымъ дѣйствіямъ (убѣгать и нападать). Пока эти состоянія только чередуются одно за другимъ и одно еще не одержало верхъ надъ другимъ, дотолѣ каждое изъ таковыхъ состояній представляетъ собою зараждающуюся или слабую форму того нервнаго состоянія, которое сопровождало-бы дѣйствительную двигательную переменную, если-бы она произошла на самомъ дѣлѣ (иначе сказать—расположеніе къ этой переменной). Такая послѣдовательность нервныхъ состояній составляетъ *воспоминаніе* о двигательныхъ переменныхъ, находящихся здѣсь въ состояніи зарожденія (т. е. въ видѣ расположеній или побужденій), а самыя состоянія, борющіяся между собою въ

нервномъ центрѣ, не что иное какъ *идеи* о двигательныхъ перемѣнахъ, которыя они произвели-бы, если-бы были сильнѣе ¹⁾. Итакъ, какъ психическій процессъ состоитъ изъ *раздраженій*, производимыхъ *впечатлѣніями* и сокращеній, послѣдствіемъ которыхъ являются *движенія*, то отсюда и память относится къ впечатлѣніямъ и движеніямъ. Не только предметы, имѣющіе прямое отношеніе къ потребностямъ организма, производятъ на него впечатлѣнія и возбуждаютъ соотвѣтственныя движенія, причемъ связь такого рода впечатлѣній и движеній есть болѣе или менѣе автоматическая, но и множество другихъ побочныхъ обстоятельствъ и явленій при этомъ также производятъ впечатлѣнія; только такого рода впечатлѣнія, будучи второстепенными по значенію, не могутъ быть столь-же устойчивыми и повторяться съ тою-же неизмѣнною правильностію, а потому усвоеніе и воспоминаніе ихъ есть дѣло памяти, причемъ такого рода впечатлѣнія не сопровождаются никакими соотвѣтственными имъ дѣйствіями и, слѣдовательно, остаются въ сознаніи лишь въ видѣ идей, или представленій. Равно и движенія чѣмъ болѣе усложняются, тѣмъ болѣе получаютъ характеръ произвольности, преднамѣренности и удаляются отъ первобытнаго ихъ характера—автоматичности, слѣдовательно также совершаются при посредствѣ памяти.

Изъ этихъ объясненій видно, что память (по Спенсеру она то-же что воспоминаніе) есть принадлежность тѣхъ психическихъ актовъ, которые составляютъ область произвольнаго выбора и сознанія, и потому противоположны дѣйствіямъ автоматическимъ, собственно рефлексивнымъ. А какъ всякое развитіе возникаетъ изъ безразличнаго и потомъ снова изглаживается, входя въ тѣсную связь съ тѣмъ, отъ чего стало различнымъ, то и тѣ подвижныя болѣе или менѣе неустойчивыя психическіе акты, которые составляютъ память, перестаютъ составлять часть памяти, коль скоро становятся автоматическими, т. е. когда, вслѣдствіе многократнаго повторенія въ

¹⁾ Что мы называемъ идеями, говоритъ Спенсеръ, это не что иное какъ слабая повторенія психическихъ состояній, произведенныхъ подлинными (actual) впечатлѣніями и движеніями. Основ. Псих. § 204.

томъ-же видѣ или порядкѣ, получаютъ характеръ рефлексивныхъ дѣйствій.

Такъ какъ Спенсеръ относитъ къ памяти лишь сознательные и произвольные психическіе акты, то отсюда понятно почему объясненіе происхожденія *разума* въ сущности есть повтореніе того, что сказано о происхожденіи памяти. Когда, вслѣдствіе сложности и малой повторяемости, автоматическое приспособленіе дѣлается неустойчивымъ, то инстинктивныя дѣйствія становятся произвольными и потому разумными и наоборотъ: дѣйствія разумныя, вслѣдствіе повторенія, становятся инстинктивными.

Какимъ-же образомъ всѣ указанные различія возрастающей сложности психическихъ актовъ, обозначаемыя наименованіями: *рефлексъ*, *инстинктъ*, *память*, *разумъ*, — какъ всѣ эти разности производятся объективными отношеніями вещей?

Законъ психической дѣятельности по Спенсеру можетъ быть такъ выраженъ: между внутренними отношеніями и внѣшними должно быть соотвѣтствіе. Отсюда, такъ какъ отношенія между внѣшними предметами, атрибутами, дѣйствіями бываютъ всѣхъ степеней отъ необходимыхъ до случайныхъ, то подобнымъ-же образомъ должны быть отношенія между отвѣчающими имъ состояніями сознанія всѣхъ степеней отъ необходимыхъ до случайныхъ ¹⁾. Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что указанные выше восходящія различія въ области внутреннихъ отношеній Спенсеръ относитъ къ числу необходимыхъ, а не случайныхъ? Рефлексъ, инстинктъ, память, разумъ—всѣ эти разности, представляемыя послѣдовательностями психическихъ явленій, не составляютъ-ли общей принадлежности различныхъ видовъ живыхъ существъ? И однако важнѣйшія изъ названныхъ разностей, именно память и разумъ, происходятъ тогда, когда связи психическихъ состояній, по причинѣ крайней своей сложности, становятся наименѣе устойчивыми, когда т. е. перестаютъ быть необходимыми, напротивъ открываютъ въ себѣ

¹⁾ The relations between external objects, attributes, acts, are of all grades, from the necessary to the fortuitous. The relations between the answering states of consciousness must similiary be of all grades, from the necessary to the fortuitous: Psych. § 183.

мѣсто случайности. Тогда какъ рефлексивныя дѣйствія, будучи автоматическими, совершаются съ безошибочною правильно-стію, память и разумъ, напротивъ, никогда не бываютъ свободны отъ ошибокъ; чѣмъ это объяснить? Дѣйствія животныхъ, говоритъ Спенсеръ, обнаруживаютъ многочисленныя неудачи въ попыткахъ привести свой внутренній порядокъ въ параллель съ внѣшнимъ порядкомъ. Но отсюда слѣдуетъ лишь то заключеніе, замѣчаетъ Спенсеръ, что какъ несообразованіе внутренняго порядка съ внѣшнимъ есть недостатокъ ума, такъ сообразованіе одного съ другимъ есть то, въ чемъ состоитъ умъ; т. е. ошибки означаютъ неполноту приспособленія. Это конечно вѣрно, но только мало согласуется съ собственною теоріею Спенсера о происхожденіи различныхъ видовъ внутрен-нихъ отношеній, т. е. психическихъ актовъ. Если, какъ это утверждаетъ столь рѣшительно Спенсеръ, внутреннія отноше-нія производятся внѣшними, то какой смыслъ имѣетъ послѣ этого рѣчь о попыткахъ, дѣлаемыхъ животными привести свой внутренній порядокъ въ параллель съ внѣшнимъ? Если по-добныя попытки возможны, то внутреннія отношенія существу-ютъ, слѣдовательно, независимо и прежде отношеній внѣшнихъ. Можно впрочемъ предположить, что лишь въ началѣ внутрен-нія отношенія образуются въ зависимости отъ внѣшнихъ и по-жалуй даже создаются ими, а затѣмъ въ свою очередь оказы-ваютъ воздѣйствіе на внѣшнія отношенія. Но тогда слѣдуетъ признать, что и внѣшнія отношенія столько-же производятся внутренними, сколько и наоборотъ—внутреннія—внѣшними, т. е. между ними должна быть признана не односторонняя, а двусторонняя взаимная зависимость, что въ сущности и утверж-даетъ такъ рѣшительно отвергаемая Спенсеромъ гипотеза пре-дуставленной гармоніи. Правда, преимущество первенства оста-ется на сторонѣ внѣшнихъ отношеній, такъ какъ сначала внѣшнія отношенія являются причиною производящею отноше-нія внутреннія. Но слѣдовало тогда объяснить: какъ-же имен-но внѣшними отношеніями создаются внутреннія, а такого объясненія у Спенсера мы не находимъ. Да оно и невозмож-но, ибо гипотезу, требующую такого объясненія, Спенсеръ самъ, на основаніи собственной-же философіи, долженъ признать не-

мыслимою. Различіе или противоположность внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній по Спенсеру не существуетъ первоначально, а происходитъ вслѣдствіе нѣкотораго процесса дифференціаціи. Въ чемъ-бы ни состоялъ этотъ процессъ, и какъ-бы онъ ни происходилъ, но совершенно ясно, что внѣшнія отношенія должны сначала сдѣлаться таковыми, т. е. отдѣлиться отъ внутреннихъ, ибо только чрезъ это они и могутъ стать внѣшними, и тогда уже возможно произведеніе ими отношеній внутреннихъ. Но само по себѣ отдѣленіе внѣшнихъ отношеній есть уже происхожденіе внутреннихъ отношеній, такъ что для происхожденія внѣшнихъ отношеній бытіе отношеній внутреннихъ есть столько-же необходимое условіе, сколько и наоборотъ бытіе внѣшнихъ отношеній мыслится какъ условіе существованія отношеній внутреннихъ, иначе говоря, тѣ и другія отношенія или всегда существовали или могли произойти только отъ третьяго, стоящаго надъ ними начала. Производить-же отношенія внутреннія отъ внѣшнихъ столь-же невозможно, сколько отношенія внѣшнія отъ внутреннихъ; послѣднее предположеніе имѣетъ даже болѣе смысла, чѣмъ первое.

П. Личицкій.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ФИЛОСОФА ЛЕЙБНИЦА

ВЪ

СВЯЗИ СЪ ЕГО БОГОСЛОВСКОЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЮ.

(Окончаніе *).

III.

Намъ слѣдуетъ теперь перейти къ изложенію богословскихъ воззрѣній Лейбница, находившихся въ связи съ его философіею; переходя къ этому, мы касаемся той сферы философскаго вліянія Лейбница, которая оказалась наиболѣе сильною, живучею и продолжительною среди западныхъ богослововъ. Веберъ говоритъ, что *господство* богословско-философскихъ убѣжденій Лейбница среди этихъ богослововъ продолжалось лишь до временъ Канта; но кажется, мы не впадемъ въ большое преувеличеніе сказавши, что если не господство, то вліяніе этихъ убѣжденій, чрезъ посредство Лейбнице-Вольфіанской школы богослововъ, продолжается въ извѣстной степени, по крайней мѣрѣ среди ортодоксальныхъ богослововъ, до нашихъ дней. Справедливо то, какъ это замѣчаетъ профессоръ Кирхманъ ¹⁾, что самый вѣрный и самый преданный ученикъ Лейбница, Христіанъ Вольфъ, нашелся вынужденнымъ смягчить ученіе своего учителя о монадахъ и допустить ихъ нѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 9.

¹⁾ „Die Theodicee von G. W. Leibniz“. Von J. H. Kirchman. Leipzig. 1879. Vorwort, s. XIII.

которую проникаемость, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое объединеніе ихъ при посредствѣ взаимнаго вліянія, и этимъ смягченіемъ или допущеніемъ до такой степени видоизмѣнили ученіе своего учителя, что построение Лейбницевоу философско-богословской системы приняло у него совершенно иной видъ; справедливо также и то, что Кантъ, бывшій по началу тоже ученикомъ Лейбница, кончилъ наконецъ тѣмъ, что совершенно разошелся съ своимъ учителемъ и даже въ 1790 году обнаружилъ сочиненіе: „О безуспѣшности всѣхъ философскихъ изслѣдованій въ „Теодицеѣ“ (Ueber das Misslingen aller philosophischen Versuche in den Theodicee): тѣмъ не менѣе вліяніе Лейбница оказывается сильнымъ до нашихъ дней не только въ средѣ тѣхъ западныхъ богослововъ, которые, увлекшись первоначальною новоизобрѣтенною спекуляціею Лейбница, послѣдовательно затѣмъ усвоили себѣ спекулятивныя воззрѣнія Фихте, Шеллинга и Гегеля, но и тѣхъ, которые остались вѣрны традиціонному церковному ученію, и въ духѣ ученія Каята относятся съ недоувѣріемъ ко всякой спекуляціи какъ философской, такъ и богословской. Въ чемъ-же сказалось это вліяніе? Что собственно сдѣлалъ Лейбницъ для богословскихъ наукъ? Прежде всего то, что онъ вполне примѣнилъ и даже развилъ картезіанскій критерій истинности въ приложеніи къ христіанскому вѣроученію. Извѣстно, что новое движеніе богословскихъ наукъ на западѣ находится въ связи съ философіею Декарта. Декартъ, выступивши изъ безусловнаго сомнѣнія во всемъ, нашелъ первую несомнѣнную истину въ своемъ извѣстномъ положеніи: *cogito ergo sum* (я мыслю, слѣдовательно, существую). Эта истина была для него ясна, отсюда онъ заключилъ, что *ясность* есть первый и даже единственный критерій истины; слѣдовательно то, что ясно для ума, то дѣйствительно и истинно. Онъ думалъ также, что ясность этого положенія основывается не на непосредственномъ свидѣтельствѣ нашего самосознанія, а на логическомъ выводѣ, на математическомъ методѣ доказательства. Руководясь своимъ критеріемъ и своимъ методомъ, онъ могъ уже однѣ истины признать ясными и достовѣрными, напротивъ того, другія неясными и слѣдовательно сомнительными. Само собою понятно, какъ этотъ

логическій или математическій методъ долженъ быть опасенъ въ отношеніи къ тѣмъ христіанскимъ истинамъ, которыя не укладывались въ логическія или математическія формулы, а потому могли представляться научному сознанію неясными. Но несмотря на то, что философія Декарта съ ея критеріемъ ясности подпала Index-у въ римской церкви (*Hock, Cortesius und seine Gegner, 1835*) и была встрѣчена протестомъ даже со стороны ортодоксальныхъ протестантскихъ богослововъ (*Gass, Theologie 11, S. 216 ff*), она мало по-малу нашла себѣ доступъ во многіе богословскіе факультеты западно-европейскихъ университетовъ. Но собственно Лейбницъ положилъ прочное начало на западѣ распространенію картезіанскаго метода изслѣдованія всѣхъ истинъ, а ученикъ его Вольфъ всецѣло примѣнилъ этотъ методъ и къ богословскимъ наукамъ. Правда Лейбницъ отвергъ тройственную субстанцію Декарта (мышленіе, протяженіе и Богъ) и единую субстанцію Спинозы (съ ея двумя модусами—протяженіемъ и мышленіемъ) и своимъ ученіемъ о монадахъ сблизился съ положеніемъ Аристотеля о метафизическихъ формахъ съ ихъ энергіею и энтеллехіею: тѣмъ не менѣе и онъ долженъ быть причисленъ къ картезіанцамъ по своему основному критерію истинъ, состоявшему въ логической или математической ясности ихъ. Именно эта ясность давала ему право признавать философію наукою наукъ и одушевляла его надеждою открыть безусловную или, по крайней мѣрѣ, объективную истину для человѣческаго сознанія въ своей собственной душѣ. Она вручала ему верховный критерій всѣхъ доступныхъ человѣческому сознанію истинъ.

Но этого мало. Лейбницъ даже развилъ картезіанское ученіе о ясности истинъ. Лейбницъ думалъ, что все въ нашемъ духѣ, и впечатлѣнія, и мысли, и спекуляція, есть плодъ самодѣятельности нашего духа; потому что „у монады нѣтъ оконъ“, чрезъ которыя она могла-бы узнавать вѣшній міръ. Но эта самодѣятельность не автономна, не становится еще произвольною, не подлежащею никакимъ законамъ. Высшіе законы, которыми она управляется въ своей дѣятельности,—это начало противорѣчія и достаточнаго основанія. Всѣ наши познанія развиваются подъ вліяніемъ этихъ двухъ началъ. Слѣдователь-

но, истинно все то, что не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія (*principium contradictionis*) и въ пользу чего можно представить достаточное основаніе (*principium rationis sufficientis*). Очевидно его математическая формула доказательства какъ всѣхъ, такъ и христіанскихъ истинъ расширяетъ далѣе методъ Картезія и Спинозы и вноситъ въ матеріальный составъ истины (въ ея содержаніе) механическую форму, и если-бы была проведена со всею строгостію, могла-бы оказаться для многихъ и дорогихъ для духа человѣческаго истинъ болѣе опасною, чѣмъ даже картезіанская. По крайней мѣрѣ, она отдаетъ христіанскую истину въ полную власть логическихъ операцій разума на основаніи двухъ указанныхъ началъ. Впрочемъ самъ Лейбницъ не доводилъ своего метода доказательствъ христіанскихъ истинъ до конца. Кирхманъ замѣчаетъ, что Лейбницъ признаетъ каждый христіанскій догматъ истиннымъ и достойнымъ пріятія, если только разумъ не можетъ представить противъ него никакихъ неопровержимыхъ возраженій и если эти возраженія оказываются *несостоятельными и ложными*. Къ христіанскимъ догматамъ онъ преимущественно примѣняетъ начало логическаго противорѣчія, а не философское начало достаточнаго основанія. Именно съ такимъ характеромъ появились въ 1671 году, въ томъ-же самомъ году, когда Лейбницъ обнародовалъ свою теорію абстрактнаго и конкретнаго движенія, богословское его сочиненіе подъ названіемъ „Святѣйшая Троица, защищенная новоизобрѣтенною логикою“ (*Sacrosancta Trinitas per nova inventa logica defensa*). Сочиненіе это написано противъ внука Социна, Виссоватія, который возражалъ противъ Троичности съ самою утонченною логичностію, усвоенную имъ себѣ въ средѣ своей секты съ молокомъ своей матери. Лейбницъ доказываетъ въ этомъ сочиненіи, что обыкновенная логика страдаетъ большими погрѣшностями; что слѣдую ей, его противникъ можетъ пріобрѣтать нѣкоторыя преимущества лишь до тѣхъ поръ, пока его логика остается преобразованною у него; и что слѣдовательно, преобразованная или истинная логика благопріятна христіанскому ученію. Вообще объ этомъ сочиненіи надобно сказать тоже, что говоритъ Кирхманъ о всѣхъ вообще сочиненіяхъ Лейбница и въ част-

ности о его „Теодицеѣ“. Задача Лейбница, говоритъ онъ, состоитъ не въ томъ, чтобы утвердить истинность догматовъ разумными доводами; напротивъ, Лейбницъ признаетъ, что истинность большей части изъ нихъ основывается лишь на откровеніи и на вѣрѣ. Онъ хочетъ только ниспровергнуть возраженія противниковъ, заимствуемая изъ разума, противопоставленіемъ этимъ возраженіямъ другихъ основаній, заимствованныхъ равнымъ образомъ изъ разума. Для Лейбница вѣтъ противорѣчія между разумомъ и вѣрою; онъ признаетъ также, что содержаніе христіанской религіи по большей части можетъ основываться только на вѣрѣ. Вѣра остается для него истинною и единственною основою религіознаго ученія; разумъ-же, не имѣя возможности прямо изъ себя самого вывести многіе догматы, можетъ только, на основаніи собственныхъ началъ, ниспровергнуть всѣ возраженія противъ этихъ догматовъ тоже заимствованныя изъ разума. Таково положеніе, въ силу котораго Лейбницъ освобождаетъ себя отъ прямого обоснованія догматовъ на началахъ разума и довольствуется лишь опроверженіемъ возраженій противъ догматовъ, поражая враговъ ихъ-же собственнымъ оружіемъ; положеніе это было очень безопасно для Лейбница; и кромѣ того, совершенно естественно у него, потому что онъ до извѣстной степени былъ преданъ ортодоксальному церковному ученію своего времени ¹⁾. Но положеніе это, судя по основнымъ началамъ философіи Лейбница, страдаетъ и односторонностію и непослѣдовательностію съ философскою точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, когда Лейбницъ возмущается противъ тѣхъ, которые устанавливають различіе между истинною религіозною и философскою и этимъ различіемъ, сохраняя за собою свободу изслѣдованія, укрываются отъ церковной анаѣмы; когда онъ упрекаетъ Декарта за то, что тотъ обходитъ вопросы о тайнахъ религіи, какъ-бы въ предположеніи, что возможно допустить философію несогласную съ религіею или истинную религію не нуждающуюся въ философіи ²⁾: тогда, очевидно, онъ

¹⁾ Kirchman, *ibid.* S. XI.

²⁾ См. „Исторія Европейской Философіи“ А. Вебера. Кіевъ. 1882 стр. 258.

тайно отождествляетъ истину религіозную съ истинною философскою, усвояетъ имъ обѣимъ одинаковое достоинство и если не выводитъ догматовъ изъ началъ разума, то или потому, что не можетъ этого сдѣлать, или потому, что останавливается на половинѣ пути. Но этого мало.

Ошибочно было-бы думать, будто Лейбницъ въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ пользовался только началомъ противорѣчія (*principium contradictionis*) при обоснованіи догматовъ. Онъ часто пользовался также и началомъ достаточнаго основанія (*principium rationis sufficientis*) съ своей философской точки зрѣнія. Множество высшихъ философскихъ основоположеній его, которыми онъ руководился при своихъ изысканіяхъ истины вообще, по его мнѣнію, были врождены, имѣли своимъ источникомъ человѣческій разумъ, а потому были несомнѣнно истинными. Ими-же онъ пользовался и при обоснованіи откровенныхъ истинъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ думалъ также, что посредствомъ силлогизмовъ можно расширять объемъ нашихъ познаній, и будто умозаключеніе а priori можетъ замѣнять для философа до извѣстной степени задачу прямаго наблюденія опытныхъ фактовъ. Все это согласно съ духомъ платоновскаго ученія; но это-же, какъ замѣчаетъ Кирхманъ, согласно и съ ученіемъ Аристотеля, изложенномъ во второй его аналитикѣ. Между тѣмъ—подобныя философскія положенія, очень естественныя у языческихъ философовъ, нуждаются въ сильномъ ограниченіи у христіанскихъ. Иначе можно совершенно разойтись съ божественнымъ Откровеніемъ. Конечно и христіанскій богословъ говоритъ о ясности религіозныхъ или откровенныхъ истинъ; во эта ясность отнюдь не должна быть смѣшиваема съ ясностію философскою. Она всецѣло основывается на полномъ и всестороннемъ удовлетвореніи глубочайшимъ потребностямъ человѣческаго духа, а потому несравненно глубже и жизненнѣе ясности математической или логической. Конечно, далѣе, и христіанскій апологетъ говоритъ о научномъ оправданіи религіозныхъ истинъ; но это оправданіе тоже не должно быть смѣшиваемо съ математическими или логическими приѣмами мысли въ дѣлѣ философскаго обоснованія истинъ при посредствѣ начала достаточнаго основанія.

Научное оправданіе христіанскихъ истинъ есть только возвышеніе человѣческаго ума къ принятію этихъ истинъ; есть возможно ясное указаніе ему этихъ истинъ и склоненіе его къ нимъ, но отнюдь не есть доказательство въ смыслѣ математическомъ, не есть строго логическая дедукція ихъ изъ какаго либо философскаго начала. Нельзя философскими началами, всегда спорными и потому неясными, выяснять и доказывать свѣтоносныя христіанскія истины. Не говорить-ли и самъ Лейбницъ, что подобно тому какъ растеніе имѣетъ смутную перцепцію животнаго (по его теоріи всѣ монады — живыя силы, и отражаютъ въ себѣ внѣшній міръ въ различныхъ степеняхъ перцепціи), а животное — смутную перцепцію челонѣва, такъ и челонѣкъ обладаетъ лишь неяснымъ представленіемъ и неопредѣленнымъ гаданіемъ о существахъ высшихъ, чѣмъ онъ, а тѣмъ болѣе о Существовѣ высочайшемъ? Чтобы имѣть о безконечномъ Существовѣ адекватную перцепцію, вужно самому быть этимъ Существомъ ¹⁾. И несмотря однакоже на это, Лейбницъ предполагалъ возможнымъ своими ограниченными, спорными и, слѣдовательно, неясными философскими положеніями выяснять и доказывать свѣтоносныя христіанскія истины. Если-же Лейбницъ не примѣнялъ своихъ философскихъ началъ и основаній къ христіанскимъ истинамъ съ безпощадною строгостію и послѣдовательностію; если даже не сознавалъ опасности отъ полнаго примѣненія ихъ къ этимъ истинамъ; если допускалъ при этомъ разнаго рода логическіе недосмотры и промахи: то это, какъ замѣчаетъ Кирхманъ, благодаря лишь своему религіозному чувству, которое у него было очень сильно и которое скрывало отъ него всѣ логическіе просмотры и ошибки. Но что и Лейбницъ способенъ былъ пожертвовать вѣроисповѣдною истиною въ пользу своихъ философскихъ началъ, это яснѣе всего можно видѣть изъ его сочиненія, посвященнаго королевѣ прусской въ 1704 году, подъ названіемъ: „Начала природы и благодати, заложенныя въ разумъ“ (Principes de la nature et de la grace, fondés en raison). Самое заглавіе сочиненія показываетъ, что Лейбницева благодать есть

¹⁾ См. „Исторія Европейской Философіи“ А. Вебера. Кіевъ. 1882. стр. 258.

только высшая степень совершенства, доступная человѣческому разуму; потому что наша душа, и одна только душа, является и *субъектомъ* и *объектомъ* всякихъ воспріятій. Мы всегда и перценируемъ, и испытываемъ только самихъ себя; а потому благодатное состояніе есть только высшая степень развитія естественныхъ силъ человѣческаго духа. Отсюда-же происходило и то, что Лейбницъ былъ убѣжденъ въ возможности имѣть исправленную христіанскую религію (*gerurgée*), вполне оправдываемую философскими началами, свѣточъ которой долженъ былъ распространиться не только среди идолопоклонниковъ, но и среди народовъ, уже владѣвшихъ христіанствомъ. Поэтому справедливо замѣчаетъ г. Герье, что Лейбницъ не былъ слишкомъ горячимъ приверженцемъ протестантизма, какъ особеннаго вѣроисповѣданія. Онъ былъ готовъ допустить различныя измѣненія въ его догматахъ ради соединенія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ одну Церковь и ради вѣрности своимъ философскимъ началамъ. И только въ виду фанатическаго деспотизма Людовика XIV и узкой ограниченности Римской курии Лейбницъ цѣнилъ протестантизмъ, какъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій прогресса, и во всякомъ ущербѣ, нанесенномъ протестантизму, видѣлъ ущербъ цивилизаціи ¹⁾. Такимъ образомъ для Лейбница на первомъ планѣ всегда стояла не вѣроисповѣдная религія, а христіанская цивилизація, которую онъ отождествлялъ съ своею исправленною религіею; все должно было служить ей; сама политика должна была подчиняться этой воображаемой имъ цивилизаціи. Поэтому Лейбницъ былъ не столько религіознымъ человѣкомъ въ нашемъ православномъ смыслѣ, сколько теософомъ, который болѣе всего цѣнитъ христіанскую цивилизацію, это высшее благо на землѣ, и изъ за противорѣчивыхъ страстей и столкновеній ни на минуту не теряетъ изъ виду лишь обще-религіозныхъ интересовъ человѣчества. Именно эта христіанская цивилизація предносилась предъ его духомъ какъ идеаль, который долженъ воплотиться въ будущемъ времени и которымъ человѣчество не владѣетъ въ настоящемъ. Можно

¹⁾ Герье, тамъ-же, Т. II стр. 39.

спросить еще, въ чемъ-же именно должна была состоять эта христіанская цивилизація? Какой именно культурный идеаль предносился предъ духомъ Лейбница? Лейбницъ не оставилъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ, а его ученикъ Христіанъ Вольфъ, примѣнившій его философскія начала къ христіанству, нашелся вынужденнымъ измѣнить эти начала до неузнаваемости, согласно съ принимаемымъ имъ вѣроисповѣданіемъ. Отвѣтъ поэтому остался темнымъ, и можно-ли указать его? Охотно допускаемъ, что Лейбницъ самъ ясно сознавалъ свой культурный идеаль, что его христіанская цивилизація была освѣщена для его сознанія достаточно яснымъ свѣтомъ; но во всякомъ случаѣ этотъ идеаль могъ быть у него лишь общимъ экстрактомъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, говорилъ прежде всего уму, а не сердцу, а потому свѣтъ этого идеала походилъ на свѣтъ зимняго солнца, которое свѣтитъ, но не грѣетъ; освѣщаетъ предметы, но не оживотворяетъ природу. Именно здѣсь надобно искать причинъ того, что Лейбницъ съ недоверіемъ относился къ западно-европейскимъ народамъ и думалъ, что его собственная цивилизація легче можетъ привиться къ народамъ новымъ, свободнымъ отъ недостатковъ западно-европейской цивилизаціи. Г. Герье говоритъ, что Лейбницъ, „на одну минуту увлекся было рыцарскимъ образомъ молодого шведскаго короля, казавшагося ему вторымъ Александромъ, который своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ откроетъ европейской цивилизаціи доступъ къ отдаленному востоку. Личность Карла XII должна была казаться ему тѣмъ болѣе симпатичною, что шведскіе короли издавна слыли защитниками протестантизма и религіозной свободы, и побѣды Карла XII навсегда упрочили-бы положеніе протестантизма въ Европѣ. Но Лейбницъ скоро разочаровался въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ торжества шведскаго короля. Когда онъ стоялъ въ Альтранштадтѣ предъ Карломъ XII и „не зналъ, что ему сказать“, онъ убѣдился, что шведскія побѣды не послужатъ дѣлу цивилизаціи“ ¹⁾. Онъ убѣдился также, что истинная цивилизація должна перейти къ новымъ народамъ, на востокъ,

¹⁾ Герье, тамъ-же, Т. II, стр. 66.

что она разовьется и проникнетъ на востокъ только тогда, когда ея разсадникомъ сдѣлается Россія, и съ этихъ поръ возложилъ всѣ свои надежды на Петра В. Все это совершенно вѣрно. Но мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ біографомъ Лейбница, когда онъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи Лейбницъ можетъ послужить примѣромъ для западныхъ людей; потому что со времени Лейбница и по настоящіе дни на западѣ больше занимаютъ опасеніями на счетъ возрастающаго могущества Россіи, чѣмъ интересуются ея успѣхами въ образованіи и цивилизаціи, хотя съ этими успѣхами такъ тѣсно связаны и общечеловѣческіе интересы. Дѣло въ томъ, что та цивилизація, о которой хлопочетъ Лейбницъ, столько-же похожа на современную ему западно-европейскую, какъ и на восточно-православную. Это цивилизація философская, или лучше сказать, теософическая. Она много говоритъ уму, но забываетъ потребности сердца.

Лейбницъ принялъ на себя задачу найти средство между наукою и христіанствомъ, старается примирить и объединить ихъ. Расходясь съ своими современниками, англійскими философами, стремившимися къ возможному разграниченію философіи и религіи, онъ въ духѣ картезіанцевъ задается цѣлю полного единенія философіи и вѣры и въ сущности продолжаетъ дѣло Ансельма и Томы Аквината. Отсюда проистекаютъ всѣ его уніонистическія стремленія; отсюда-же возникаетъ и особенный характеръ этихъ стремленій. Лейбницъ былъ убѣжденъ, что его философскія начала и основанія, которымъ онъ усвоилъ характеръ всеобщности и необходимости, не только сами въ себѣ истинны, но и освѣщаютъ христіанскія истины и уясняютъ ихъ подлинный смыслъ. По его мнѣнію, несомнѣнный критерій къ пониманію этихъ истинъ скрывается въ 'человѣческомъ разумѣ, правильно развитомъ или развивающемся. Таковъ новый путь ко всеобщей уніи.

Что-же надобно сказать объ этомъ пути церковнаго примиренія, намѣченномъ Лейбницемъ? Какъ надобно смотрѣть на уніонистическія стремленія его съ богословской точки зрѣнія? Безъ сомнѣнія, стремленія Лейбница были благородны, его убѣжденія были искренны и честны; онъ имѣетъ въ виду раз-

визіе культуры и общечеловѣческаго блага; это несомнѣнно. Но думъ, которымъ Лейбницъ шелъ къ примиренію церквей, былъ неправильный, невѣрный, а потому и безуспѣшный. Въ дѣлѣ первоначальнаго примиренія на первомъ планѣ должно стоять не то или другое философское пониманіе христіанства, но возстановленіе, подлиннаго ученія его; невременное, хотя бы то и програссирующее разумѣніе его, а разумѣніе единое, неизмѣнное, адекватное и вѣчное; словомъ, на первомъ планѣ должны стоять въ этомъ отношеніи не теорія или философія, но исторія и истинное преданіе. Съ этимъ въ концѣ концовъ долженъ согласиться всякій, безпристрастный богословъ. И вотъ причина, почему Лейбницъ при всѣхъ своихъ юніонистическихъ усиліяхъ долженъ былъ испытать цѣлый рядъ неудачъ и разочарованій. Первоначально онъ стремился примирить католицизмъ съ лютеранами, разумѣется, на основахъ своихъ философскихъ началъ. Съ этою цѣлю онъ велъ обширную богословскую и еретику съ знаменитыми католическими богословами; напр., Боссюэтомъ, Арнольдомъ и проч.; находясь въ отношеніяхъ съ иезуитами, которымъ хвалилъ за ихъ миссіонерскую предпримчивость, несмотря на то, что они не стѣснялись смѣшивать христіанство съ буддизмомъ для большаго успѣховъ своей пропаганды; ии даже первоначально, какъ мы видѣли, серьезно былъ убѣжденъ, что папа долженъ быть признавъ на западѣ духовною главою; какъ германскій императоръ — свѣтскою. Но скоро Лейбницъ разочаровался въ своемъ проеѣтѣ примиренія, и въ особенности разочаровался въ иезуитахъ. Мало-по-малу онъ убѣдился, что для отцовъ иезуитовъ на первомъ планѣ стояло не распространеніе *истиннаго* христіанства, и даже не распространеніе христіанства вообще, а распространеніе католицизма, могущество ордена и всемірное владычество папы. Онъ убѣдился, что какъ не различаются между собою разные католическіе партіи, но для поддержанія католическихъ идей всѣ ихъ партіи готовы помириться; иезуиты способны дѣйствовать заодно съ янсенистами, ясенисты съ галликанами, Габсбурги съ Бурбонами и пр. Съ этихъ поръ Лейбницъ сталъ дѣятельно хлопотать лишь о сліяніи протестантскихъ исповѣданій, и въ особенности о сліяніи лютеран-

ства съ реформатствомъ. Но и эти усилія его оказались безуспѣшными; несмотря на то, что его примирительныя идеи съчувствовали некоторымъ западно-европейскимъ вѣщеводцамъ, и въ философски развитыхъ супружьи; лютеранскіе университеты и многія высокопоставленныя свѣтскія и духовныя лица. Только столѣтіемъ позже одному изъ потомковъ Фридриха Бранденбургскаго удалось, и то частью, осуществить идеи Лейбница введеніемъ такъ называемой протестантской унии. Но и въ нынѣшнемъ столѣтіи достигли этого не действительнымъ приглашеніемъ протестантскихъ конфессій, а исключеніемъ въ исповѣдныя отличія. Что же касается союза лютеранъ съ англиканскою церковію, котораго тоже домогался Лейбницъ и котораго надѣялся достигнуть при помощи, напр., ученаго Сальсбурійскаго епископа, Бурнета, то Лейбницъ скоро убѣдился, что попятный епископъ, при всей своей учености, не понималъ даже сущности предлагаемаго Лейбницемъ примиренія, а потому вскорѣ отказался отъ своего проекта. Но вотъ величественный образъ Петра В. плѣняетъ воображеніе Лейбница, и его надежды на достиженіе всеобщаго церковнаго примиренія окрыляются. Умудренный опытомъ и прежними неудачами, онъ уже видоизмѣнилъ первоначальный планъ примиренія церквей; хотя въ сущности остается вѣренъ себѣ. Въ сущности и теперь онъ хлопочетъ не столько о церковномъ примиреніи, сколько о философскомъ. Преобразовательная дѣятельность Петра напомнила западному философу о существованіи Восточной Церкви, и онъ подъ конецъ своей жизни начинаетъ хлопотать о соединеніи этой Церкви съ западными. Онъ надѣялся достигнуть этого уже при посредствѣ вселенскаго собора и при могущественномъ вліяніи геніальнаго царя. Онъ очень хорошо сознавалъ всѣ трудности созванія вселенскаго собора; но онъ надѣялся на геній Петра В. Вопросъ о вселенскомъ соборѣ, пишетъ онъ Урбиху, русскому посланнику въ Вѣнѣ, чрезвычайно важенъ и можетъ имѣть громадныя послѣдствія. Но онъ не можетъ быть осуществленъ безъ разрѣшенія восточнымъ патріархамъ участвовать въ немъ, безъ чего онъ не будетъ считаться вселенскимъ, а я не знаю; можно ли будетъ выхлопотать у турокъ такое разрѣшеніе. Въ послѣднемъ отношеніи

Лейбницъ возлагаетъ всю свою надежду или на русскую дипломатію, или на русское оружіе. Что же касается латинянъ, то Лейбницъ пишетъ: „необходимо оказывать вниманіе; Риму и дѣйствовать тамъ съ чрезвычайною осмотрительностію и осторожностію, чтобы привести дѣло къ какому-нибудь результату“. Лейбницъ даже говоритъ, что у него есть „одно средство, чтобы принудить папу къ благоразумію; по крайней мѣрѣ, настолько, насколько это необходимо для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ“. Но въ чемъ именно состоитъ это средство, онъ не объясняетъ, такъ какъ объясненіе потребовало бы пространнаго изложенія и оно можетъ бытъ сдѣлано въ нѣсколькихъ словахъ. Въ отношеніи же къ остальнымъ церквамъ Лейбницъ говоритъ, что у того мнѣнія, что иудеи имѣли въ виду Англію не менѣе, чѣмъ католики въ соборѣ, представляющемъ планъ нѣкоторымъ изъ умныхъ и вліятельныхъ людей, чтобы узнать ихъ мнѣніе; впрочемъ слова сему нужно поверить и въ то вселенскомъ соборѣ. „Нужно было бы также послать для этого къ королю Аннѣ-человѣва, который же принадлежалъ бы къ греческой Церкви и потому не смѣдуетъ послать русскаго. Однимъ словомъ, я не думаю, чтобы кто-нибудь былъ болѣе полезенъ для этого, чѣмъ Лейбницъ“. Какимъ же путемъ Лейбницъ надѣялся достигнуть всеобщаго церковнаго примиренія? Какія начала должны бытъ положены въ основу этого примиренія? За образцы (примиренія) говоритъ онъ, можно было бы взять древнее состояніе христіанскаго общества. Но это было бы только началомъ; потомъ следовало бы идти постепенно впередъ, соблюдая чрезвычайную осторожности въ практическихъ вопросахъ. Итакъ, постепенное шествіе впередъ, культурный прогрессъ и величайшая осторожность въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ — вотъ на чемъ долженъ утверждаться всеобщій церковный миръ. Очевидно проектируемый Лейбницемъ „вселенскій соборъ“ есть примирительный церковный конгрессъ, а не соборъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Очевидно во всемъ этомъ сказались столько же протестантскія убѣжденія, сколько и философскія ил-

1) Герье „Жизнь Лейбница“ т. II, стр. 107—109.

люзіи, хотя иллюзіи искреннія и благодородныя. Разумѣтсѣи иллюзіи эти должны были разсѣяться; но самъ Лейбницъ остался вѣренъ имъ до конца своей жизни. Когда онъ убѣдился въ безполезности и безцѣльности своихъ уніонистическихъ устремленій, онъ не переставалъ стремиться къ достиженію тѣхъ же цѣлей, но крайней мѣрѣ въ Россіи, путемъ просвѣщенія, которое тогда могучею рукою Петра было насаждаемо на сѣверѣ. Девять хлопотъ Лейбница въ этомъ отношеніи. Онъ то заботится объ основаніи петербургской академіи наукъ съ миссію перской школы; при ней, то совѣтуетъ открыть нѣсколько университетовъ съ богословскими факультетами, на которыхъ преподавалось бы богословіе, „заключающееся не въ бесполезныхъ спорахъ и преніяхъ о внѣшнихъ обрядахъ, но въ искренней любви къ Богу и ближнему“, то разсказываетъ въ Россіи древнія, святоотеческія произведенія, то хлопочетъ о приобрѣтеніи подлиннаго изложенія русской вѣры, то заводитъ переписку съ мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола, Стефаномъ Яворскимъ и пр. Отъзвѣстывая просвѣщеніе съ истиннымъ христіанствомъ, предвидя высокую культурную миссію Россіи, смотря на Петра В., какъ на орудіе Провидѣнія въ этомъ отношеніи; онъ, между прочимъ, пишетъ геніальному царю: „Провидѣніе, повидимому, хочетъ, чтобы наука обошла кругомъ весь земной шаръ и теперь перешла въ Скію, и потому избрало ваше величество орудіемъ, такъ какъ вы можете, съ одной стороны, изъ Европы, и съ другой—изъ Азіи взять лучшее и усовершенствовать надлежащими мѣрами то, что сдѣлано въ обѣихъ частяхъ свѣта; ибо въ вашемъ государствѣ все, что касается до науки, еще ново и подобно листу бѣлой бумаги, а потому можно избѣгнуть многихъ ошибокъ, которыя вкрались въ Европѣ постепенно и незамѣтно. Известно, что дворецъ, строящійся вновь, выходитъ лучше, чѣмъ тотъ, который строился вѣками и часто подвергался исправленіямъ и измѣненіямъ“¹⁾. Такъ въ концѣ-концовъ сходятся идеи славянофильскія съ западными. Это во всякомъ случаѣ довазываетъ, что славянофильство не можетъ быть обя-

¹⁾ Герье „Жизнь Лейбница“ т. II, стр. 134.

свѣно, исключительно, однимъ только національнымъ или расовымъ пристрастіемъ и нововъ въ философіи и въ исторіи философіи. Безуспѣшность уніонистическихъ стремленій Лейбница объясняется также и свойствомъ тѣхъ философскихъ началъ и основаній, которымъ онъ усвоилъ характеръ всеобщности и необходимости. Христіанство есть историческій фактъ, ли какъ историческій фактъ; оно обязательно для богослова въ традиціонномъ смыслѣ, а не философомъ. Богословъ, конечно, можетъ примѣнять къ нему тѣ или другія философскія воззрѣнія, но только въ той мѣрѣ, въ которой они не противорѣчатъ традиціонному смыслу. И вотъ причина, почему даже Вольфъ, самый вѣрный и послѣдователь философій Лейбница, какъ мы замѣтили уже, при своемъ примѣненіи къ христіанскимъ истинамъ философскихъ началъ своего учителя, нашелся вынужденнымъ смягчить эти начала до неузнаваемости. Съ другой стороны, христіанскія истины или догматы, отличающіяся идеальнымъ или лучше божественнымъ характеромъ, всегда остаются идеальными или божественными идеями, возвышающимися надъ нашими понятіями, надъ нашимъ временнымъ, хотя бы то и прогрессивнымъ, выраженіемъ ихъ въ понятіяхъ. Они такъ точно относятся къ нашимъ понятіямъ, какъ идеальное и послѣдовательно выраженіе его въ конкретныя формы. Поэтому приравнять божественныя идеи къ нашимъ человѣческимъ идеямъ, хотя-бы то и врожденнымъ, хотя-бы то даже и дѣйствительно всеобщимъ и необходимымъ, а тѣмъ болѣе оправдывать ихъ исключительно этими послѣдними, не утверждаясь на вѣрѣ, на божественномъ авторитетѣ, — это значитъ приравнять несравнимое, это значить отождествлять и даже нивелировать то, что навсегда должно оставаться различнымъ и несвязнымъ. Въ этомъ упрекаютъ Лейбница не только католическіе богословы, но и протестантскіе. Люгеранскій, напримеръ, богословъ Канисъ говоритъ: „какъ ни высоко надобно поставлять стремленіе Лейбница найти средство между Откровеніемъ и разумомъ, между богословіемъ и философіею, между католицизмомъ и протестантизмомъ: тѣмъ не менѣе нельзя отвергать того, что его уніонистскія стремленія носятъ на себѣ характеръ нейтрализаціи, нивелированія, а не дѣй-

ствительнаго указанія этого посредства“¹⁾). Но этого мало: Достаточно посмотреть въ частности на основныя философскія положенія Лейбница, чтобы видѣть ихъ неудовлетворительность: примѣнительно къ христіанскимъ истинамъ. Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами. Безъ сомнѣнія, Лейбницево воззрѣніе на Бога, какъ на абсолютную монаду, приводящую всѣ конечныя монады въ гармоническій порядокъ (*harmonia praestabilita*), строить ближе къ христіанскому ученію о Богѣ, чѣмъ ученіе картезианцевъ о сущностяхъ, или ученіе о томъ-же предметѣ англьскихъ и французскихъ деистовъ XVIII вѣка; но и Лейбницево понятіе о Богѣ не вполне удовлетворительно съ христіанской точки зрѣнія. Если Декартъ вынужденъ былъ признать, что слово субстанція въ примѣненіи къ Богу имѣетъ иное значеніе, чѣмъ въ примѣненіи къ тварямъ, и что послѣднія могутъ быть названы носителями субстанцій не въ точномъ смыслѣ, и тогда и подало поводъ Спинозѣ развить свое ученіе о единой субстанціи; то и Лейбницева монадологія не вполне удовлетворительна съ христіанской точки зрѣнія: или Богъ есть монада, и тогда каждая другая монада подобна *маленькому* божеству въ своей области; или Богъ не есть монада, и тогда рушится вся монадологія. Въѣтъ съ этимъ Лейбницева абсолютная монада, связанная съ конечными монадами не живымъ и свободнымъ союзомъ, а лишь силою отъ вѣчности, предустановленнаго закона. Поэтому скажемъ словами Вебера: „Лейбницевъ Богъ скорѣе походить на Бога Монтеस्कье, „подчиненнаго своимъ законамъ“, и чѣмъ на Бога богослововъ-индетерменистовъ“. Далѣе, если всѣ монады непроницаемы, замкнуты, и дѣйствуютъ лишь по предустановленной гармоніи: то между ними нѣтъ живаго взаимнообщенія, нѣтъ свободнаго развитія, исторической жизни, нѣтъ даже Божественнаго промысла. Лейбницъ самъ говоритъ: „Ньютонъ и его послѣдователи имѣютъ странное понятіе о Богѣ и Его твореніи. По ихъ мнѣнію, Богу нужно время отъ времени заводить свои часы, чтобы они не остановились. Онъ какъ-бы не имѣлъ достаточно соображенія, чтобы устроить вѣчное дви-

¹⁾ „Die Luterische Dogmatik historisch-genetisch dargestellt“. Von Dr. K. F. A. Kahnis. Leipzig, 1861. s. 56.

кровеніемъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ дифференціальное исчисленіе Лейбница было откровеніемъ для него современниковъ. Его сверхъестественный характеръ исчезаетъ совершенно и христианство заключается въ тѣхъ же предѣлахъ деизма, а откровеніе сводится къ простой санкціи началъ естественной религіи. Именно въ этомъ смыслѣ возражалъ Лейбницу Кларкъ въ своемъ спорѣ съ нимъ о естественномъ и сверхъестественномъ. Споръ остался неоконченнымъ. Но то, что не было вполне высказано и послѣдовательно проведено Лейбницемъ, иди, быть можетъ, что не было ясно для него самого, то потомъ было ясно сознано и развито его учениками и дальнѣйшими послѣдователями. Лессингъ усвоилъ уже Откровенію одно лишь временное, воспитательное значеніе въ родѣ челоѳеческаго, а спекулятивные философы позднѣйшіе призвали его даже въ высшую форму познанія, т. е. представленіемъ, сравнительно съ высшею, т. е. понятіемъ. Полагаемъ, что приведенныхъ нами примѣровъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, почему собственно уніонистическія стремленія Лейбница всегда оказывались безуспѣшными. Повторяемъ, они были искренны, честны, благородны, но они въ самой сущности своей были несостоятельными и ошибочными. Они похожи были на растеніе, которое развивается въ мелкослойной и каменистой почвѣ, быстро, но столь же быстро и засыхаетъ, не давая подъ собою плодотворной земли. Не въ философіи, а въ несомнѣнномъ преданіи скрывается ключъ въ примиреніи церквей. Съ уніонистическими стремленіями Лейбница находится въ связи иро идея въротерпимости. Въ 1692 году въ Англіи появилось сочиненіе (подъ названіемъ: „О религіозной въротерпимости“ (De la tolérance des religions). Лейбницъ доказываетъ необходимость въротерпимости Пелиссону, извѣстному въ тѣ времена англійскому богослову и критику, державшемуся противоположныхъ убѣжденій. Споръ веденъ былъ письменно и съ образцовою вѣжливостію. Впрочемъ, идеи, развиваемыя Лейбницемъ въ этомъ сочиненіи, были плодомъ не столько его философскихъ убѣжденій, сколько естественной доброты, гуманности и благородства чувствованій. Споръ касался границъ въротерпимости и предупрежденія опасныхъ случайностей, возможныхъ при ней.

„Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Лейбницевой „Теодицѣ“, которую мы хотимъ предложить читателямъ въ русскомъ переводѣ. Въ западно-европейской литературѣ трудно указать другое „богословско-философское“ сочиненіе, которое могло бы равняться съ этимъ: по широтѣ взгляда, глубинѣ мыслей, богатству и разнообразію свѣдѣній, направленныхъ въ рѣшенію извѣстныхъ богословскихъ вопросовъ. Мы не владемъ въ преувеличенію, если скажемъ, что вся гениальность Лейбница блистательно сказалась въ одномъ этомъ сочиненіи. Безъ сомнѣнія, она тояже носитъ на себѣ отпечатокъ общаго характера философскихъ убѣжденій Лейбница, и оно отражаетъ на себѣ всѣ совершенства, и всѣ недостатки его философіи. Но по тому самому, что оно нѣкогда не столько специально богословскихъ или вѣроисповѣдныхъ истинъ, сколько общехристіанскихъ и вообще общерелигіозныхъ, потому, самому, что нимѣцкія дѣла преимущественно съ общерелигіозными вопросами, а не съ вѣроисповѣдными разногласіями и совершенствъ этого сочиненія выкупаютъ въ полномъ свѣтѣ, между тѣмъ, какъ недостатки едва уловимы и касаются болѣе философской, чѣмъ богословской стороны предмета. Лейбница публично это сочиненіе въ то время, когда среди народовъ германскаго времени еще продолжалось (по религіозное возбужденію, которому начало положено было Лютеромъ) когда духъ религіозности, свѣдѣно свободной и столько же искренней, еще присягалъ германскою землѣю, обогрѣнною вровію протестантскихъ пророковъ и непонятною славою побѣдъ Прусава, Адольфа, Киркманя объясняя живой интересъ (großes Aufsehen) и быстрое и широкое распространеніе „Теодицѣ“ среди ея современниковъ говорить, что она появилась въ свѣтъ въ то время, когда религіозные вопросы и споры занимали европейское общество столько, сколько современную нашу публику занимаютъ политическіе и экономическіе. Религіозные вопросы были тогда не только главными общественными вопросами, но какъ показываетъ исторія, виввали глубокія политическія раздѣленія и перевороты. Быть можетъ, появленіе подобнаго сочиненія на западѣ въ

наше время уже невозможно; теперь намъ вѣтъ новый духъ. Когда-же Лейбницъ писалъ свое сочиненіе, вѣра въ церковное ученіе еще одушевляла всѣ общественныя сословія и была очень жива и сильна. Возраженія, противъ христіанскихъ истинъ, англійскихъ и французскихъ философовъ, начатыхъ Гоббсомъ, Кийтомъ, Гессенди, Социанами, Арминіанами и другими, возбуждали лишь легкое колебаніе или сомнѣніе на поверхности общественнаго сознанія. Эти возраженія ускорѣли возмущенія, общественную борьбу, и въ концѣ концовъ ревностныя вѣра заставляли искать таковыхъ книгъ, которыя отражали бы нападки враговъ христіанскаго ученія и къ-желъ собственнымъ оружіемъ. А эту задачу „Теодицея“ Лейбница выполняетъ превосходно; она принадлежитъ перу философа и несомнѣнно гениальнаго. Кирхманъ замѣчаетъ еще, что „Теодицея“ Лейбница не потеряла своего значенія (seinen Werth) и по въ наше время; и потому, что въ ней рѣшаются вопросы, имѣющіе значеніе во все времена, и оутраиваются сомнѣнія, всегда волнующія человеческій умъ, хотя и не всегда въ одинаковой степени. Святая истина нашей вѣры всегда была и всегда будетъ тѣмъ божественнымъ глаголомъ, которымъ живетъ человеческій духъ. Глаголъ этотъ равно необходимъ для жизни истинно вѣрующихъ и жизни людей свободномыслящихъ. Этотъ же глаголъ Лейбницъ старается изъяснить яснымъ, понятнымъ и вразумительнымъ для человеческого ума, старается оправдать и защитить его философскими ображеніями. Конечно Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель и пр., жившіе послѣ Лейбница, расширили философскую точку зрѣнія, углубили человеческій умъ въ изслѣдованіе философскихъ вопросовъ; но они не сдѣлали болѣе Лейбница въ дѣлѣ разумаго охраненія и защищенія религіозныхъ истинъ. Они даже напрасно старались поощрять доступныя человеческому уму основы этихъ истинъ; да и самыя философскія воззрѣнія ихъ въ наше время уже устарѣлы.

Главный вопросъ „Теодицеи“ слѣдующій: „какъ примирить существованіе нравственнаго и физическаго зла въ мірѣ при увѣренности, что этотъ міръ управляется Всесовершеннымъ Существомъ?“ Лейбницъ самъ рассказываетъ, что онъ очень

рано задумавъ написать такое сочиненіе, въ которомъ могъ бы доказать божественную, благость, премудрость и правосудіе въ управленіи міромъ. Его уніонистскія стремленія поддерживали это намѣреніе, хотя очень долго и очень часто отвлекали его отъ исполненія. „Теодицея“ могла появиться только въ 1710 году, была принята съ большимъ уваженіемъ католиками и протестантами, и до самаго Кавча пользовалась въ Германіи; преимущественнымъ и даже господствующимъ вліяніемъ на религиозную философію. Общій отвѣтъ Лейбница на предложенный себѣ вопросъ, можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ не многихъ словахъ: Богъ видитъ безконечное число возможныхъ міровъ, которые одинаково могли быть призваны въ бытію. Но изъ безчисленнаго числа возможныхъ міровъ Богъ избираетъ такой, въ которомъ мѣра метафизическаго, физическаго и нравственнаго добра находится въ *наименьшей* соразмѣрности съ противоположнымъ ему зломъ; отсюда слѣдуетъ, что Богъ допускаетъ зло, но не желаетъ его. Богъ предвидитъ проявленіе въ этомъ мірѣ страданій и пороковъ, но предвидитъ также, что мѣра этихъ страданій и пороковъ будетъ наименьшая; да и послѣдствія ихъ тоже будутъ самыя меньшія; при существованіи этого міра. Прекрасно иллюстрируетъ Фонтенель этотъ отвлеченный отвѣтъ слѣдующимъ поэтическимъ разсказомъ; заимствованнымъ изъ діалоговъ Лаврентія Валла. Въ этомъ разсказѣ Секстъ, сынъ Тарквинія Гордаго, отправляется въ Дельфы узнать свою судьбу у Аполлона. Аполлонъ ему предсказываетъ, что онъ обезчеститъ Лукрецію. Секстъ жалуется на это предсказаніе и Аполлонъ вынуждается ему сказать, что его жалобы напрасны, что онъ только открываетъ ему будущее, что Юпитеръ все опредѣляетъ въ человѣческой жизни и слѣдовательно, на Юпитера надобно и жаловаться. На этомъ оканчивается діалогъ. Изъ разсказа открывается, что Валла признаетъ предвѣдѣніе Божіе, но съ ущербомъ божественной благости. Лейбницъ затѣмъ продолжаетъ этотъ поэтическій діалогъ. Въ духѣ своихъ философскихъ убѣжденій, онъ заставляетъ Секста отправиться еще въ Додонское капище съ жалобой на самого Юпитера, который опредѣлилъ ему такую позорную участь. Юпитеръ, оправдываясь, говоритъ, что для избѣжанія

этой участи. Сексту надобно только никогда не возвращаться въ Римъ; на что Сексць съ живостію возражаетъ, что въ такомъ случаѣ ему надобно отказаться отъ всякой надежды быть когда-либо царемъ и, не согласившись съ Юпитеромъ, отправляется въ мѣсто своего поворнато поступка. По его удаленіи, верховный жрецъ Теодоръ снова спрашиваетъ Юпитера! почему онъ не пережвнилъ своего предопредѣленія судьбы Секста. Юпитеръ посылаетъ Теодора въ Аѳины спросить объ этомъ Минерву! Эта богиня мудрости вводитъ жреца въ палаты судебъ, гдѣ хранятся картины всѣхъ возможныхъ міровъ, начиная отъ самаго худшаго и до самаго лучшаго. Жрецъ видитъ на картинѣ самое лучшее міра изображеніе преступленія Секста, но видитъ также и слѣдствія этого преступленія: свободу Рима, установленіе болѣе честнаго правительства, благотворное вліяніе этого правительства на людей и пр. Теодоръ успокаивается.

Таковъ въ сущности отвѣтъ и Лейбница на предложенный себѣ вопросъ; но его отвѣтъ, разумѣется, обоснованъ на твердыхъ разумныхъ началахъ, вполне развитъ и философски доказанъ. Пусть вѣрно то, что въ этомъ отвѣтѣ слышится значительная доля оптимизма; но этотъ оптимизмъ, столь несогласный съ пессимистическимъ настроеніемъ нашего времени, не нарушаетъ цѣльности міросозерцанія и висколько не оскорбителенъ для религіознаго чувства. Лейбницъ былъ искренній христіанинъ; и его лучший міръ обнималъ собою не только этотъ видимый міръ, но и міръ высшій, горній или невидимый. А объ этомъ послѣднемъ мірѣ можетъ ли христіанинъ сказать, что онъ не есть наилучшій? Такимъ образомъ Лейбницевъ оптимизмъ оправдывался частію и христіанскимъ міросозерцаніемъ. Отсюда и произошло то, что отвѣчая на свой вопросъ, Лейбницъ по необходимости долженъ былъ встрѣтиться со многими христіанскими истинами или догматами, и долженъ былъ, насколько это возможно для человѣческаго разума, обосновать ихъ, утвердить и защитить. Это Лейбницъ и дѣлаетъ въ своей „Теодицѣ“ и дѣлаетъ, какъ мы замѣчали уже, не какимъ-либо раціоналистическимъ или философскимъ выводеніемъ догматовъ изъ началъ разума, а опроверженіемъ мнимо разумныхъ возраженій и указаніемъ полного согласія

загропываемыхъ догматовъ съ разумомъ. Возражая! Велю, известному современному ему скептику, противъ котораго главнымъ образомъ пишетъ свое сочиненіе; онъ ясно доказываетъ ему, что разумъ не можетъ представить никакихъ истинныхъ или основательныхъ возраженій противъ христіанскихъ догматовъ и что всѣ попытки скептиковъ въ подобномъ родѣ самымъ разумомъ должны быть признаны ошибочными и ложными. Такова задача Лейбницева „Теодицея“, и онъ выполняетъ свою задачу съ такимъ совершенствомъ, съ какимъ до него никто не выполнялъ ее. Фонтенель замѣчаетъ, что одной „Теодицей“ достаточно, чтобы представить намъ Лейбница въ полномъ свѣтѣ. Она одна показываетъ намъ его необыкновенную начитанность, его знакомство съ любознательными подробностями о книгахъ и людяхъ, его полную справедливость и безпристрастіе въ цитируемыхъ авторахъ, даже когда онъ опровергаетъ ихъ, его возвышенный и свѣтлый взглядъ, его строгость логическаго вывода, и основаніе котораго всегда виденъ математическій умъ, его языкъ точный и сильный, (и однако же допускающій украшенія естественнаго воображенія).

Долго думали, что „Теодицея“ Лейбница была написана для королевы прусской Софіи Шарлотты, принцессы Ганноверской, съ которою Лейбницъ состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Но это не вѣрно; „Теодицея“ появилась въ свѣтъ спустя пять мѣсяцевъ послѣ смерти королевы. Вѣрно только то, что королева побуждала Лейбница обнародовать свое произведеніе и была въ некоторомъ смысле виновницею изданія его въ свѣтъ. Во время частаго своего пребыванія въ Берлинѣ, Лейбницъ неоднократно велъ бесѣды съ образованною королевою о богословскихъ и нравственныхъ предметахъ. Королева любила разсуждать съ философомъ о величайшихъ проблемахъ челоѳческаго духа, объ отношеніи Бога къ міру, о челоѳческой свободѣ, о началѣ зла, о примиреніи зла съ благостію Божіею и пр. Разсужденія эти особенно оживились, когда Бель обнародовалъ свои сочиненія и когда послѣдователь англійскихъ действий, свободный мыслитель Толандъ, сталъ принимать личное участіе въ бесѣдахъ съ Лейбницемъ и его вѣчносынымъ другомъ, Софіею Шарлоттою. Лейбницъ

всегда опровергалъ возраженія и разсѣвалъ сомнѣнїя, направленные не только противъ христіанской, но и всякой религіи вообще. По желанію королевы, онъ издалъ затѣмъ свои опроверженія для ней въ письмахъ на французскомъ языкѣ и такимъ образомъ мало-по-малу образовался матеріалъ для „Теодицеи“. После смерти королевы, онъ пересмотрѣлъ эти письма и привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ, развидѣлъ и распространилъ, и обобщилъ имъ характеръ цѣльнаго сочиненія. Профессоръ Шааршмитъ предполагаетъ даже, что первая мысль о подобномъ сочиненіи могла быть заимствована Лейбницемъ у Блеза Паскаля, знаменитаго французскаго богослова и математика, который тоже старался защищать христіанство отъ разнаго рода нападокъ, и который велъ свою защиту не съ какой-либо вѣроисповѣдной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія общехристіанской и, такъ сказать, съ точки зрѣнія всѣхъ образованныхъ христіанъ, въ какому-бы вѣроисповѣданію они не принадлежали. Поэтому ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что „Теодицея“ Лейбница популярнаго характера и была предназначена для общенароднаго чтенія. Напротивъ, какъ справедливо замѣчаетъ Вирхманъ, во многихъ мѣстахъ „Теодицеи“ излагаются самыя отвлеченныя понятія схоластической и слѣдовавшей за ней философіи съ такою строгостію и основательностію, которыя предполагаютъ въ читателѣ достаточное знакомство съ философіею вообще. Если-же, вѣсмотря на это, сочиненіе это представляется необыкновенно (ausserordentlich) яснымъ и понятнымъ, судя по предмету изложенія, то это такое преимущество, которое свойственно всѣмъ произведеніямъ Лейбница, вообще.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о нашемъ предполагаемомъ переводѣ. Извѣстно, что Лейбницева „Теодицея“ появилась первоначально на французскомъ языкѣ и затѣмъ скоро была переведена на многіе европейскіе языки. Въ настоящее время лучшее французское изданіе ея принадлежитъ профессору Амедееу Жаку (Jacques), напечатано въ Парижѣ, въ 1842 году. Это изданіе будетъ лежать въ основѣ нами предполагаемаго перевода; тѣмъ не менѣе мы будемъ свѣрять его

съ превосходнымъ нѣмецкимъ переводомъ Кирхмана, переводъ котораго сдѣланъ по изданію Эрдмана, „Leibnicii opera philosophica“, Берлинъ 1840 г. Кирхмана переводъ принадлежитъ къ самымъ новѣйшимъ и появился лишь въ 1879 г. Мы замѣтили уже, что „Теодицея“ Лейбница отличается яснымъ изложеніемъ, судя по отвлеченности вопросовъ, затрогиваемыхъ ею. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она нуждается въ разъясненіяхъ не только потому, что часто ссылается на историческіе и литературные факты, которые не всѣмъ могутъ быть извѣстны въ наше время; но и потому, что нѣкоторыя мѣста ея, представляющіяся особенно важными и открывающія подлинный смыслъ излагаемаго предмета, легко могутъ остаться незамѣченными читателемъ, подкупленнымъ ясностію и удобопонятностію Лейбницева изложенія. Именно поэтому Кирхманъ призналъ необходимымъ снабдить свой превосходный переводъ „Теодицеи“ нѣкоторыми примѣчаніями, которыми и мы воспользуемся при нашемъ трудѣ. Наконецъ мы должны оговорить примѣчаніями тѣ мѣста „Теодицеи“, съ которыми не можемъ согласиться съ нашей православной точки зрѣнія и которыя все же не лишаютъ ихъ значенія гениальной попытки примиренія разума съ откровенными истинами.

Н. И. Истоминъ

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *)

42. Віонъ. Борисѣенитъ.

Віонъ былъ сынъ раба, отпущеннаго на свободу, и въ ранней юности своей былъ проданъ одному ритору. Такое обстоятельство дало ему возможность побывать въ Афинахъ (около 250 г. до Р. Хр.), гдѣ онъ по-началу слушалъ Кратиса, затѣмъ по внѣшнимъ пріемамъ началъ подражать циникамъ, а въ основоположеніяхъ своего ученія примкнулъ къ Киринейской школѣ и именно къ Θεодору безбожнику. Слушалъ онъ также и Теофраста. Въ немъ принималъ живое участіе Антигонъ (Гонатъ); онъ заботился объ излѣченіи его отъ тяжелой болѣзни, которой онъ подвергнулся и отъ которой, несмотря на всѣ старанія Антигона, умеръ.—Подобно Діогену Синопскому, Віонъ извѣстенъ не столько сочиненіями или какою либо строго выработанною системою философіи, сколько изреченіями, которыя приводятся многими древними писателями не только греческими, но и римскими, и изъ которыхъ болѣе извѣстныя мы приводимъ здѣсь.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 9.

Спрошенный разъ о томъ, кто болѣе всего терпитъ безпокойствъ, Віонъ отвѣтилъ: тотъ, кто болѣе всего желаетъ благоденствовать.

Ему-же приписывается изреченіе, которое приписывается и другимъ мыслителямъ греческой древности, именно будто-бы на вопросъ одного человѣка, жениться-ли ему, Віонъ отвѣтилъ: если ты женишься на безобразной, то она будетъ для тебя наказаніемъ, а если на красивой, то она будетъ общею.

Старость, говорилъ Віонъ, есть пристань золь; ибо въ ней всѣ бѣдствія находятъ для себя убѣжище.

Слава, говорилъ онъ, есть мать лѣтъ.

Красота—чужое добро.

Богатство—жилы всѣхъ вещей.

Одному человѣку, который проѣлъ и пропилъ всю землю, ему принадлежавшую, Віонъ сказалъ: Амфіарая ¹⁾ поглотила земля, а ты—землю.

Великое несчастіе, говорилъ онъ,—не быть въ состояніи переносить несчастія.

Осуждалъ онъ также и тѣхъ людей, которые сожигали людей, какъ-бы безчувственныхъ, а увѣщавали ихъ къ тому, какъ обладающихъ чувствами.

На островѣ Родосѣ, когда тамъ нѣкоторые изъ Аѳинянъ упражнялись въ ораторскомъ краснорѣчїи, Віонъ началъ учить ихъ философіи. Когда-же кто-то сталъ обвинять его за это, Віонъ сказалъ: зачѣмъ-же я буду продавать ячмень, когда принесъ сюда пшеницу?

Въ аду, говорилъ онъ, болѣе терпятъ наказаніе тѣ, которые носятъ воду въ цѣльныхъ сосудахъ, нежели тѣ, которые въ разбитыхъ.

Одному болтуну, просившему Віона содѣйствовать ему въ судебномъ процессѣ, Віонъ сказалъ: сдѣлаю согласно твоему желанію, если только ты пришлешь на судъ защитниковъ, а не самъ придешь.

Плывя на кораблѣ вмѣстѣ съ дурными людьми, Віонъ попался въ руки разбойникамъ. И когда тѣ замѣтили: погибли

¹⁾ Объясненіе см. выше.

мы, если насъ узнаютъ, Віонъ сказалъ: а я погибну, если меня не узнаютъ.

Самоувереніе, говорилъ Віонъ, есть препятствіе къ успѣху.

Объ одномъ скупомъ богачѣ Віонъ сказалъ: не онъ владѣетъ имуществомъ, а имущество имъ.

Онъ-же говорилъ, что скупые заботятся объ имуществѣ, какъ о своемъ собственномъ, но не пользуются отъ него ничѣмъ, какъ будто отъ чужаго.

Мужествомъ, говорилъ онъ, пользуются юноши, а благоразуміемъ сильны старцы.

Благоразуміе настолько-же отличается отъ другихъ добродѣтелей, насколько зрѣніе—отъ другихъ чувствъ.

Не должно, говорилъ онъ, порицать старость, такъ какъ мы всѣ желаемъ достигнуть ея.

Одному завистнику, чѣмъ-то опечаленному, Віонъ сказалъ: не знаю, тебѣ-ли прилучилось зло, или другому—добро.

Неблагородство по происхожденію Віонъ считалъ наихудшимъ товарищемъ свободѣ слова; ибо

„Смирять оно человека, хотя-бъ онъ и очень былъ смѣль“ ¹⁾.

Друзей, каковы-бы они ни были, нужно соблюдать, чтобы иначе не показалось, что мы пользуемся дурными или отвергаемъ хорошихъ.

Віонъ говорилъ, что грамматикъ, изслѣдуя блужданія Одиссея, не обращаютъ вниманія на свое блужданіе и не видятъ, что также блуждаютъ какъ онъ, теряя трудъ на то, что нисколько не полезно.

Спрошенный о томъ, что такое безуміе, Віонъ отвѣтилъ: препятствіе къ успѣху.

Онъ-же называлъ сребролюбіе столицею всякаго зла.

Царь Антигонъ спрашивалъ Віона, обвиненнаго въ неблагородствѣ происхожденія: кто ты такой? какого происхожденія? Изъ какого города? Гдѣ твои родители? Віонъ на это отвѣтилъ: ты, царь, правильно поступаешь, когда, имѣя нужду въ стрѣлкахъ, не спрашиваешь, какого они рода, а

¹⁾ Еврипида Увѣнч. Иппол. ст. 424.

только на то обращаешь вниманіе, хорошо-ли они попадаютъ въ цѣль, и тѣхъ, которые лучше другихъ попадаютъ въ цѣль, ты принимаешь въ число лучшихъ стрѣлковъ. Такъ точно и въ отношеніи къ друзьямъ изслѣдуй не то, какого они рода, а то, каковы они.

Віонъ говорилъ, что судьба богатымъ деньги не дарить, а даетъ взаймы.

Онъ-же говорилъ, что хорошему начальнику, по оставленіи власти, слѣдуетъ быть не богаче, а славнѣе.

Смѣшны, говорилъ онъ, люди, старающіеся о приобрѣтеніи богатства, которое судьбою дается, неволею сохраняется и добродушіемъ расточается.

Какъ худые кошельки, хотя-бы они ничего не стоили, однако-же настолько цѣнятся, насколько много содержатъ въ себѣ денегъ; такъ и богачи, хотя-бы они были пустые люди, однако пользуются почетомъ по мѣрѣ своего богатства.

Весьма смѣшны, говорилъ Віонъ, астрономы, которые не видятъ рыбъ, у ногъ ихъ плавающихъ около морскаго берега, а между тѣмъ говорятъ, что видятъ рыбъ (созвѣздіе) на небѣ.

Хорошіе слуги, говорилъ онъ, суть люди свободные, а дурные свободные люди суть рабы многихъ похотей ¹⁾.

43. ЗЕНОНЪ КИТІЕЙСКІЙ.

Зенонъ, прозванный Китіейскимъ, по рожденію своему въ Китіѣ на островѣ Кипрѣ, процвѣталъ около 300 года до Р. Хр. Онъ былъ основателемъ стоической философской школы, примыкавшей въ основныхъ пунктахъ своихъ къ школѣ цинической. Путешествія отца Зенона съ торговыми дѣлами много способствовали ознакомленію послѣдняго съ философіею различныхъ странъ и городовъ греческаго міра; а кораблекрушеніе, которое онъ потерпѣлъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ близъ береговъ Аттики, и прямо привело его въ Аѣины—центръ греческаго просвѣщенія того времени. Здѣсь онъ сначала слу-

¹⁾ Diog. L. IV, 7, 3; Stobei, Flori legium, pagg. 55, 57, 130, 493, 563, 308, 511, 504, 465, 225, 32.

шалъ циника Кратиса, затѣмъ представителей мегарской философской школы Стильпона и Діодора и наконецъ академиковъ Полемона и Ксенократа. Двадцать лѣтъ спустя Зенонъ основалъ собственную вышеназванную философскую школу, принятую обществомъ съ большимъ сочувствіемъ. Самъ основатель школы, по своей нравственной высотѣ, пользовался глубокимъ уваженіемъ со стороны Аѳинянъ и гордившихся имъ, какъ роднымъ своимъ, Кипрянъ. Аѳиняне увѣнчали его рѣдкою наградою—золотымъ вѣнкомъ. Кромѣ того и Аѳиняне и Кипряне поставили въ честь его статую; а послѣ смерти его, послѣдовавшей въ глубокой старости, торжественно похоронили его въ Керамикѣ ¹⁾. Древнимъ извѣстны были многія сочиненія Зенона; но для насъ они всѣ потеряны, и мы владѣемъ лишь позднѣйшими изложеніями его философскаго ученія и записями изреченій его, которыя и приводимъ здѣсь.

Зенонъ, всегда мрачный на видъ, мало разговорчивый, одѣтый въ дешевую одежду, когда осмѣивалъ кого или бранилъ, то говорилъ кратко и неохотно, какъ-бы издали. Такъ напри- мѣръ, когда одинъ человекъ, очень заботившійся о своей наружности, осторожно переходилъ чрезъ канаву и постоянно смотрѣлъ внизъ, какъ-бы не запачкать себя въ грязи, Зенонъ сказалъ о немъ: не даромъ онъ смотритъ на грязь, въ нее онъ по крайней мѣрѣ не можетъ смотрѣться, какъ въ зеркало.

Когда какой-то циникъ, сказавъ, что не имѣетъ масла въ пузырькѣ, просилъ масла у Зенона, то Зенонъ отказался дать ему; но едва только тотъ отошелъ отъ него, какъ Зенонъ обратился къ окружающимъ его съ словами: смотрите, кто изъ двухъ безстыднѣе.

Зенонъ съ любовію относился къ Хремониду, и когда этотъ послѣдній и Клеанъ сидѣли рядомъ съ нимъ, онъ вдругъ всталъ; а когда Клеанъ сталъ высказывать удивленіе такому его поступку, то Зенонъ сказалъ: я слышалъ отъ хорошихъ врачей, что самое лучшее лѣкарство отъ воспаленій,—покой.

¹⁾ Керамикъ—площадь въ Аѳинахъ, усѣянная храмами, портками и статуями. Съ 491 г., въ видѣ особаго почета, на ней стали погребать павшихъ въ бою за отечество воиновъ и другихъ славныхъ мужей.

На одной пирушкѣ двое возлежали рядомъ и одинъ нарочито толкнулъ сосѣда ногою. Тогда Зенонъ толкнулъ перваго колѣнкой; а когда тотъ обернулся въ нему съ негодованіемъ, то Зенонъ сказалъ: что? развѣ ты думаешь, что сосѣдъ твой что-либо потерпѣлъ отъ тебя?

Одному человѣку, любившему мальчиковъ, Зенонъ сказалъ: ни учителя, постоянно обращающіеся среди мальчишекъ, ни эти послѣдніе не имѣютъ благоразумія.

Хорошо обработанныя рѣчи грамматиковъ и риторовъ Зенонъ уподоблялъ Александрійской монетѣ; ибо онѣ красивы на видъ и округлены, какъ эта послѣдняя; но отъ этого отнюдь не становятся лучше. Необработанныя-же рѣчи онъ уподоблялъ аттическимъ тетра-драхмамъ ¹⁾, которыя хотя небрежно и грубо отчеканены, однако влекутъ за собою часто разукрашенныя рѣчи.

Когда однажды ученикъ Зенона Аристонъ долго и не особенно умно разсуждалъ, нѣкоторыя-же мысли высказывалъ необдуманно и смѣло, Зенонъ сказалъ ему: нельзя не предположить, что отецъ твой родилъ тебя, будучи въ ньяномъ видѣ. Поэтому-же онъ называлъ его болтуномъ, будучи самъ краткорѣчивъ.

Одному обжорѣ, который на пирушкахъ ничего не оставлялъ сосѣдамъ своимъ изъ кушанья, ему подаваемого, предложена была разъ цѣлая большая рыба. Зенонъ, взявъ ее отъ него, показывалъ видъ, что хочетъ съѣсть ее. Тотъ гнѣвно взглянулъ на него. Тогда Зенонъ сказалъ: ты не можешь выносить моего обжорства, обнаружившагося только въ одинъ день. Какъ-же, полагаешь ты, должны переносить наши сотоварищи по пирушкамъ твое обжорство, обнаруживающееся ежедневно?

Одинъ мальчикъ не по дѣтамъ усердно занимался какими-то учеными изысканіями. Зенонъ подвелъ его къ зеркалу и велѣлъ посмотрѣться въ него; а потомъ спросилъ: какъ ты думаешь, идетъ къ твоему лицу дѣлать такія изысканія?

Кто-то разъ сказалъ, что Антисѣенъ ему во многомъ не пра-

¹⁾ Монета въ 4 драхмы, т. е. около нашего рубля.

вися; Зенонъ, приведши сочиненіе о Софоклѣ, спросилъ его, думаетъ-ли онъ, что въ немъ есть нѣчто и прекрасное; когда же тотъ отозвался незнаніемъ, Зенонъ замѣтилъ: такъ не стыдно-ли тебѣ сказанное Антисееномъ дурно выбирать и запоминать, а сказанное хорошо не стараться удерживать въ памяти?

Когда кто-то замѣтилъ, что, по его мнѣнію, слова философовъ очень кратки, Зенонъ сказалъ: ты правду говоришь; нужно было-бы, чтобъ и слоги въ ихъ словахъ были сколько возможно болѣе кратки.

Когда кто-то сталъ говорить Зенону о Полемонѣ, что онъ, предполагая говорить одно, говоритъ совсѣмъ другое, Зенонъ съ гнѣвомъ сказалъ: во сколько ты цѣнишь то, что тебѣ дается? Разсуждающему, добавилъ онъ, должно, какъ актерамъ, голосъ и силу имѣть большія, а рта не раскрывать съ неумѣренностію, что дѣлаютъ говорящіе многое, но невозможное.

При хорошей, говорилъ Зенонъ, умной рѣчи не должно оставаться мѣста для разсматриванія кого-либо или чего-либо, какъ при произведеніяхъ хорошихъ художниковъ; въ противномъ случаѣ слушателю придется такъ относиться къ содержанію рѣчи, что не будетъ времени и для замѣчанія.

Одному юношѣ, очень болтливому, Зенонъ сказалъ: уши твои сошли въ языкъ.

Когда одинъ красавецъ признался, что ему не хочется питать любовь къ мудрецамъ, то Зенонъ сказалъ ему на это: для васъ-же красавцевъ ничего не можетъ быть хуже этого.

Зенонъ-же говорилъ, что и весьма многіе изъ философовъ во многомъ бываютъ не мудры, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ случайныхъ обстоятельствахъ даже невѣжды.

Повторялъ Зенонъ нерѣдко также изреченіе флейтиста Кафисія, который, когда одинъ изъ учениковъ его сильно надувалъ щеки при игрѣ на флейтѣ, ударяя его приговаривалъ: не въ великомъ хорошее, а въ хорошемъ великое.

Когда одинъ юноша очень смѣло началъ разсуждать, Зенонъ сказалъ ему: юноша, я не сталъ-бы говорить то, что придетъ мнѣ на умъ.

Когда нѣкоторый красивый и богатый, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничтожный Родосецъ докучалъ Зенону своими

искавіями его расположенія, то Зенонъ, чтобы отвязаться отъ него, сначала посадилъ его на запыленные ступеньки, чтобы онъ запачкалъ свою верхнюю роскошную одежду, затѣмъ помѣстилъ его между нищими, чтобы онъ потерся о лохмотья ихъ. Наконецъ юноша отсталъ отъ него.

Всего нелѣпѣе, говорилъ Зенонъ, — гордость, а особенно въ юношахъ.

Онъ убѣждалъ не слова и реченія запоминать, а упражнять умъ въ усмотрѣніи основаній полезности разсужденія, такъ чтобы воспринимать послѣднее не какъ какое-либо кушанье, роскошно приготовленное.

Онъ-же говорилъ, что юноши должны отличаться скромностію въ походкѣ, наружности и одеждѣ.

Зенонъ часто повторялъ слѣдующіе стихи Еврипида о Капанеѣ, что у него

„Хотя богатство и было большое,
„Однако не надмевался онъ счастьемъ
„И мнилъ о себѣ не больше чѣмъ бѣдный“.

Онъ-же говорилъ, что ничего нѣтъ болѣе удаляющаго отъ усвоенія наукъ, какъ самомнѣніе, и ничто такъ не нужно намъ какъ время.

Спрошенный о томъ, что такое другъ, Зенонъ отвѣтилъ: другой я.

Разъ Зенонъ сталъ бить своего раба за воровство; когда-же послѣдній сказалъ: мнѣ суждено было украсть, Зенонъ добавилъ: и быть битымъ.

Красота, говорилъ Зенонъ, есть цвѣтъ цѣломудрія; другіе-же утверждаютъ, что онъ говорилъ такъ: цѣломудріе есть цвѣтъ красоты.

Увидѣвъ мальчика, — слугу одного изъ своихъ знакомыхъ, покрытаго ранами, Зенонъ сказалъ знакомому: вижу слѣды твоей ярости.

Одному мужчине, намащенному муромъ, Зенонъ сказалъ: кто это здѣсь имѣетъ запахъ женщины?

Когда Діонисій Метаеменъ спросилъ Зенона, почему онъ его только одного не исправляетъ, Зенонъ отвѣтилъ: потому что я не вѣрю въ возможность твоего исправленія.

Одному очень болтливому юношѣ Зенонъ сказалъ: для того мы и имѣемъ два уха, а одинъ ротъ, чтобы больше слушать и меньше говорить.

На одномъ пиру Зенонъ возлежалъ молча. Спрошенный о причинѣ молчанія, онъ сказалъ обвинявшему его за это: объяви царю, что здѣсь былъ нѣкто, который умѣетъ молчать. Спросившіе же были пріѣхавшіе отъ Птолемея послы, желавшіе отъ Зенона узнать, что могутъ они сказать отъ него царю.

Спрошенный о томъ, какъ онъ относится къ злословіямъ о себѣ, Зенонъ отвѣтилъ: какъ посоль, возвратившійся безъ отвѣта.

Когда Кратись, ухватившись за одежду Зенона, оттащивалъ его отъ Стыльпона, Зенонъ сказалъ: Кратись! самая удобная для философовъ рукоятка—уши, а не одежда; убѣди и тащи меня за уши; если-же ты употребляешь насиліе, то помни, что тѣло мое будетъ у тебя, а душа у Стыльпона.

Спрошенный о томъ, почему онъ, будучи вообще суровымъ, на пиру становится ласковѣе, Зенонъ отвѣчалъ: и волчьи бобы, будучи вообще горькими, когда погружены бывають въ воду, становятся слаще.

Онъ-же говорилъ, что лучше паденіе ногами, нежели языкомъ, и что хорошо быть при малозначительномъ, но не быть малозначительнымъ.

Потерпѣвъ кораблекрушеніе и поэтому поселившись въ Аѣинахъ и примкнувъ къ числу слушателей философіи, Зенонъ сказалъ: теперь я плаваю благополучно, послѣ того какъ потерпѣлъ кораблекрушеніе.

Въ другой разъ, уже пребывая въ Аѣинахъ и услышавъ о кораблекрушеніи, Зенонъ сказалъ: хорошо поступаешь ты, судьба, что пригоняешь насъ иногда неволею къ философіи.

Однажды около портика одного храма Зенона окружило множество народа. Зенонъ, взявъ деревянную окружность мѣднаго жертвенника, показалъ ее народу и сказалъ: вотъ эта окружность была нѣкогда рядомъ съ мѣдью, но такъ какъ мѣшала послѣдней, то свята и положена особо. И вы, если повытащите изъ среды себя нѣкоторыхъ, то будете менѣе тяготить насъ.

Зенонъ весьма многихъ обвинялъ, говоря: между тѣмъ какъ

нужно было-бы отъ трудовъ получать удовольствіе, они получаютъ его отъ поваровъ.

Обличай самого себя, внушалъ Зенонъ; не слушай того, что говорится только для удовольствія; отнимай у льстецовъ свободу слова.

Ради того должно стричь волосы, говорилъ Зенонъ, ради чего ихъ должно и носить.

Онъ-же говорилъ, что города должны украшаться не наружными украшеніями, а добродѣтелями.

Искусство діалектиковъ уподоблялъ онъ правильной мѣрѣ, которою не пшеница или что нибудь другое подобное измѣряется, а мякина и навозъ.

Зенонъ сказалъ, что однажды Кратись, сидя въ мастерской сапожника, читалъ сочиненіе Аристотеля: „Увѣщаніе“, писанное имъ къ Темисону, царю Кипрскому, говоря, что никому не представляется столько удобствъ къ философствованію, какъ этому царю; потому что богатство онъ имѣетъ весьма большое, чтобы тратить его на поощреніе талантовъ, на приобрѣтеніе книгъ и пр., а также славу имѣетъ. Между тѣмъ какъ Кратись читалъ сочиненіе Аристотеля, сапожникъ слушалъ, а самъ шилъ сапоги. Кратись-же сказалъ ему: Филиксъ, мнѣ кажется, это „Увѣщаніе“ написано къ тебѣ; потому что, какъ я вижу, у тебя много есть условій, благопріятствующихъ къ философствованію, о которыхъ писалъ Аристотель.

Видя одного изъ своихъ знакомыхъ очень увлеченнымъ заботами о поляхъ, Зенонъ сказалъ ему: если ты не погубишь поля, то они погубятъ тебя.

Онъ-же говорилъ: смѣшно, что никто не обращаетъ вниманія на то, какъ должно жить, какъ будто и не зная объ этомъ; а удивленіе свое чужой славѣ основываетъ каждый на сужденіи другихъ.

Зенонъ даже и во время болѣзни не считалъ нужнымъ принимать пищу болѣе нѣжную и сладкую, чѣмъ какую онъ принималъ обыкновенно; и когда лѣчившій его врачъ приказалъ ему ѣсть голубятъ, онъ не вытерпѣлъ, чтобы не сказать слѣдующее: лѣчи меня, какъ невольника ¹⁾, когда онъ заболѣетъ.

¹⁾ Соль остроумнаго изреченія заключается въ томъ, что греч. μάνης зна-

На оправданіе людей расточительныхъ, что они дѣлаютъ издержки большія по причинѣ избытка доходовъ, Зенонъ говорилъ: въ такомъ случаѣ вы будете оправдывать и поваровъ, если они скажутъ, что кушанье вышло у нихъ очень солоно отъ того, что у нихъ слишкомъ много соли.

Одинъ изъ юношей въ академіи разсуждалъ о неразумныхъ занятіяхъ. Зенонъ замѣтилъ ему: если-бы ты разсуждалъ, погрузивъ языкъ свой въ умъ, то гораздо меньше дѣлалъ-бы ошибокъ въ своихъ словахъ.

Онъ-же называлъ однихъ изъ учениковъ своихъ филологами ¹⁾, а другихъ логофилами ²⁾.

Онъ предсказывалъ, что тѣ изъ его послѣдователей, которые не послушаются словъ его и не поймутъ его ученія, будутъ скрягами и невольниками, какъ и перетолковавшіе ученіе Аристиппа стали расточительными и дерзкими ³⁾.

Ц. К.

(Продолженіе будетъ).

читъ и имя *невольника* въ комедіяхъ, и имя мивическаго царя лидійскаго и наконецъ—души умершихъ людей, людей загробнаго царства, полубоговъ подземныхъ.

¹⁾ Любителями наукъ, преимущественно словесныхъ.

²⁾ Любителями словъ, т. е. любителями поспорить, покраснобайничать.

³⁾ Diog. L. VII, 1, 15—19; Stobei, Floril. pagg. 80. 148. 83. 248. 472. 516. 534. 374. 58. 217. 161. 152. 214. 218. Athenaci, Deipnosoph. XIII, 565.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Мая № 10. 1887 года.

Содержаніе: Опреѣленія Святѣйшаго Синода.—Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, Архіепяскопу Харьковскому и Ахтырскому.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго комитета, завѣдующаго продажей духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школь.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опреѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 15 апрѣля—1 мая 1887 года, за № 665, о воспрещеніи създамъ духовенства слагать начеты по растратѣ или недоимкѣ училищныхъ суммъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 20 марта сего года, за № 4421, въ коемъ изложено, что, при повѣркѣ экономическаго отчета по одному изъ духовныхъ училищъ за 1885 г., на смотрителя того училища сдѣланъ мѣстнымъ ревизіоннымъ комитетомъ начетъ въ 1,567 р., но създъ духовенства училищнаго округа, по постановленію своему, сложилъ съ смотрителя изъ насчитанной на него суммы тысячу рублей. Приказали: Принимая во вниманіе, что поступающія на содержаніе духовныхъ училищъ деньги, за исключеніемъ содержанія личнаго состава, имѣютъ своимъ, почти исключительнымъ, источникомъ доходы отъ церквей, а не собственные только средства духовенства; между тѣмъ създъ духовенства одного училищнаго округа постановленіемъ своимъ сложилъ съ смотрителя училища недоимку въ 1,000 р., Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ сообщить циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, епархіальнымъ преосвященнымъ, для объявленія подвѣдомымъ имъ причтамъ, что създы духовенства не имѣютъ права, по своему

лишь усмотрѣнію, слагать начеты по растратѣ или недоимкѣ училищныхъ суммъ, составляющихъ достояніе *собственно церковей*, которыя и безъ того обременены различными налогами.

II. Отъ 26 марта—27 апрѣля 1887 года, за № 630, о составленной священникомъ А. Ильяшевымъ „Таблицѣ“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный предсѣдателемъ Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта, отъ 3 декабря 1886 года, за № 463, журналъ Совѣта, № 104, о составленной священникомъ харьковской епархіи А. Ильяшевымъ „Таблицѣ, опредѣляющей порядокъ недѣль, седмичный гласъ и утреннія воскресныя Евангелія“, изданной въ Харьковѣ. Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ полагаетъ: допустить означенную „Таблицу“ къ пріобрѣтенію въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, о чемъ, къ свѣдѣнію епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и завѣдующихъ церковными школами священниковъ, напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“. Приказали: Заключение Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта о вышеозначенной „Таблицѣ“ священника А. Ильяшева утвердить.

III. Отъ 15—25 апрѣля 1887 года, за № 676, о допущеніи нъ испытаніямъ на полученіе льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ всѣхъ воспитанниковъ церк.-прих. школъ, безъ различія исповѣданій.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали и имѣли сужденіе по возбужденному нѣкоторыми епархіальными преосвященными вопросу о допущеніи къ испытаніямъ на полученіе льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ воспитанниковъ церковно-приходскихъ школъ неправославнаго исповѣданія. Приказали: Обсудивъ возбужденный преосвященными нѣкоторыхъ епархій вопросъ о допущеніи воспитанниковъ церковно-приходскихъ школъ католическаго исповѣданія и раскольниковъ къ испытаніямъ на право полученія льготныхъ свидѣтельствъ IV разряда по отбыванію воинской повинности и признавая сей вопросъ имѣющимъ общее значеніе для всѣхъ епархій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ печатными циркулярными указами, что къ испытаніямъ на полученіе льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, образуемыхъ по духовному вѣдомству, могутъ быть допускаемы всѣ вос-

питанники церковно-приходскихъ школъ, безъ различія исповѣданій, но съ тѣмъ, чтобы испытанія воспитанниковъ неправославнаго исповѣданія и раскольниковъ производились во всемъ согласно требованіямъ, изъясненнымъ въ изданныхъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 8—15 октября 1886 года, правилахъ для производства сихъ испытаній.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода

Преосвященному Америкосію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Вашего Преосвященства отъ 26 марта сего года за № 54, коимъ испрашиваете разрѣшеніе на ежегодное перенесеніе съ крестнымъ ходомъ хранящейся въ Высочиновскомъ мужскомъ монастырѣ иконы Казанской Божіей Матери въ Троицкую Соборную церковь города Зміева. Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, разрѣшить переносить ежегодно, съ крестнымъ ходомъ, находящуюся въ Высочиновскомъ мужскомъ монастырѣ икону Казанской Божіей Матери въ Троицкую Соборную города Зміева церковь, на время съ 27 іюня по 7 іюля, съ тѣмъ, чтобы въ 7 день іюля названная икона обратно была переносима въ монастырь ко дню чествованія Казанской иконы Божіей Матери; о чемъ для должныхъ распоряженій къ исполненію послать Вашему Преосвященству указъ. Мая 4 дня 1887 года. Подписали: Оберъ-Секретарь Т. Барсовъ и Секретарь Левъ Руцинскій.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета завѣдующаго продажей духовно-нравственныхъ книгъ и учебниковъ для церковно-приходскихъ школъ:

Комитетъ покорнѣйше проситъ всѣхъ завѣдующихъ церковно-приходскими школами къ 15 іюля и не позже 1 августа представить списки потребныхъ на будущій годъ учебниковъ и тѣмъ дать Комитету возможность заготовить потребное ихъ число и своевременно выслать къ началу учебнаго года.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Василіевской церкви села Сергѣевки, Изюмскаго уѣзда, *Оома Измайловъ* утвержденъ духовникомъ по 4-му округу благочинія церковей Изюмскаго уѣзда.

— Діаконъ *Василій Жуковскій* рукоположенъ во священника къ Алексавдро-Невской церкви сл. Бѣлоцерковки, Купянскаго уѣзда.

— Священникъ сл. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, *Александръ Бородаевъ*, по прошенію, переведенъ къ Архангело-Михайловской церкви с. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда.

— Штатный діаконъ Успенской церкви слоб. Коробочки, Зміевскаго уѣзда, *Николай Трояновъ*, перемѣщенъ діакonomъ къ Константино-Еленовской церкви Харьковскаго дѣтскаго пріюта.

— Псаломщикъ Покровской церкви с. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, *Михаилъ Артюховскій*, опредѣленный 28 марта сего 1887 г. штатнымъ діакonomъ къ Рождество-Богородичной церкви с. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, Его Высокопреосвященствомъ рукоположенъ въ санъ діакона.

— Псаломщикъ Изюмской Кладбищенской Покровской церкви *Федоръ Ветуховъ* 12 числа опредѣленъ, а 15 мая посвященъ во діаконы къ Крестовоздвиженской церкви г. Изюма.

— Сынъ священника *Николай Ветуховъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Троицкой церкви села Чернокамянки, Зміевскаго уѣзда.

— Штатный псаломщикъ Успенской церкви с. Верхвей-Сыроватки, Сумскаго уѣзда, *Митрофанъ Подольскій*, согласно прошенію, уволенъ по болѣзни, отъ занимаемаго имъ мѣста, а на его мѣсто штатнымъ псаломщикомъ опредѣленъ сверхштатный псаломщикъ *Прокопій Васильковскій*.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Автоію-Ѳеодосіевской—села Купьевахи, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Маркъ Емельяненко*; Успенской—слободы Рублевки, того-же уѣзда, крестьянинъ *Василій Мало*; Рождество-Богородичной—слоб. Щуровой, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Андрей Губаръ* на 1-е трехлѣтіе; Троицкой—города Славянска купецъ *Поликарпъ Михайловскій* на третье трехлѣтіе; Воскресенской—гор. Славянска потомственный почетный гражданинъ *Авксентій Шнурковъ* на второе трехлѣтіе; Всесвятской—гор. Славянска купецъ *Дукьянъ Зубашовъ* на девятое трехлѣтіе; Георгіевской—слоб. Голой-Долины крестьянинъ *Платонъ Привалихинъ* на второе трехлѣтіе; Рождество-Богородичной—с. Алексѣевки, Сумскаго уѣзда, землевладѣлецъ *Андрей Савичъ*; Іоанно-Богословской—с. Большой Чернетчины, того-же уѣзда, крестьянинъ *Симеонъ Колбаса*; Вознесенской—с. Стецковки, того-же у.

крестьянинъ *Михаилъ Левченко*; Дмитріевской—с. Стецковки, того-же уѣзда, крестьянинъ *Іоаннъ Чурай*; Сумско-Николаевской—г. Сумъ купецъ *Митрофанъ Петровъ Варошилинъ*; Христорождественской—слоб. Тимофѣвки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Гавриловъ Чупруновъ*; Благовѣщенской—слоб. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Григоріевъ Головченко*; Архангело-Михайловской—села Радоми, того-же уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Ивановъ Кириченко*; Лебединской Вознесенской церкви мѣщанинъ *Василій Назаріевъ Воскобойниковъ*; Вознесенской церкви, слоб. Стецковки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Михаилъ Наумовъ Левченко* и Дмитріевской—той-же слободы крестьянинъ *Иванъ Николаевъ Чурай*.

Указомъ Правительствующаго Сената, отъ 17 апрѣля 1887 г. за № 55, произведенъ въ первый классный чинъ за выслугу лѣтъ, и. д. столоначальника Харьковской духовной консисторіи, *Иванъ Любинскій*, съ 23 января 1881 года.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія: 1) Въ селѣ Малыхъ Проходахъ, Харьковскаго уѣзда, при Вознесенской церкви. 2) Въ селѣ Ольховаткѣ, Волчанскаго уѣзда, при Георгіевской церкви. 3) Въ г. Зміевѣ при Троицкой церкви.

— *Діаконскія*: 1) Въ слоб. Коломакѣ, Валковскаго уѣзда, при Воскресенской церкви. 2) Въ сл. Климовкѣ, Сумскаго уѣзда, при Успенской церкви. 3) Въ сл. Бакировкѣ, Ахтырскаго уѣзда. 4) Въ сл. Котельвѣ, того-же уѣзда, при Преображенской церкви. 5) Въ сл. Новой-Водолагѣ, Валковскаго уѣзда, при Воскресенской церкви. 6) Въ сл. Шаровкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, при Петро-Павловской церкви. 7) Трехизбянскѣ, того-же уѣзда, при Покровской церкви. 8) Въ сл. Коробочкѣ, Зміевскаго уѣзда, при Успенской церкви, 9) Въ г. Изюмѣ при Крестовоздвиженской церкви. 10) Въ сл. Алексѣевкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, при Николаевской церкви.

— *Псаломщицкія*: 1) Въ слоб. Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, при Николаевской церкви. 2) Въ г. Изюмѣ при Кладбищенской церкви. 3) Въ сл. Рѣчкахъ, Сумскаго уѣзда, при Покровской церкви.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Свѣдѣнія о торжественномъ отправленіи въ приходскихъ церквахъ г. Харькова и подгороднихъ сель вечерень, чтеній акаѳистовъ и поученій въ теченіе великаго поста.—Преслѣдованіе „Анти-Энциклики“ въ Болгаріи католиками (корреспонд. „Листка“.—Значеніе для западныхъ славянъ дозволенія папы Льва XIII совершать черногорскимъ католикамъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ.—Воззваніе Михаило-Архангельскаго Оренбургскаго Братства.—Открытіе новыхъ викариатствъ въ Петербургѣ и Москвѣ.—Къ вопросу объ изысканіи постоянныхъ средствъ матеріальнаго обезпеченія церковно-приходскихъ школъ.—Коварство сектоучителей.—Постройка новыхъ православныхъ церквей въ Остзейскомъ краѣ.—Новый журналъ „Церковно-приходская школа“.—Архіерейскіе юбилеи.—Открытіе въ Саратовѣ противораскольнической школы.—Пріобрѣтеніе воска для свѣчнаго епархіальнаго завода отъ мѣстныхъ пчеловодовъ.—Памятникъ 500 лѣтія явленія иконы Тихвинской Божіей Матери.—Помощь Антиохійскому патриархату.—Дѣтскіе пріюты.—По поводу организаціи и размѣра требованій государственнаго экзамена въ Россіи.—Одно изъ народныхъ суевѣрій.—Опытъ шлюсованія калусты.—Закладка часовни на могилахъ воиновъ, павшихъ въ Крымскую кампанію.—Новая секта въ Екатеринославской губерніи.—Нестроенія въ нашей церковной жизни.—Священникъ изъ мусульманъ.—Предстоящій девятисотлѣтній юбилей крещенія Руси.—Всероссійская сельско-хозяйственная выставка въ Харьковѣ.—Юбилей города Екатеринослава.—Измѣненіе правилъ о составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей.—Интересныя свѣдѣнія для пчеловодовъ.—Барышничество на скотопрігонныхъ ярмаркахъ.—Выставки разрѣшенныя министромъ государственныхъ имуществъ къ открытію въ теченіи лѣта и осени.—Новый способъ истребленія овражковъ.—Некрологъ.

Во второмъ февральскомъ выпускѣ нашего журнала мы сообщали уже, доставленные намъ благочиннымъ 1-го округа города Харькова, протоіереемъ І. Чижевскимъ, свѣдѣнія о совершеніи торжественныхъ вечерень, въ Харьковскихъ приходскихъ церквахъ и сельскихъ подгороднихъ, въ воскресные и праздничные дни, за время съ 1-го августа 1886 г. по 1-е января сего года *); нынѣ тотъ же благочинный сообщая, что совершеніе таковыхъ вечерень, чтеніе акаѳистовъ, поученій и житій святыхъ неопустительно продолжается до нынѣ, вмѣстѣ съ этимъ сообщилъ, что о.о. протоіереи и іереи подвѣдомыхъ ему церквей, имѣя въ виду великое нравственно-религіозное значеніе св. великаго поста и зная, что всѣ, удостоившіеся причастія Св. Тайнъ, долгомъ поставляютъ приходитъ въ церкви въ субботу къ вечернему богослуженію,—единодушно положили совершать такія-же торжественныя вечера и во всѣ субботы истекшаго поста и предлагать молящимся, кромѣ чтенія акаѳистовъ и каноновъ, поученія, съ преимущественною цѣлію выясненія сущности и значенія въ жизни христіанской таинствъ по-

*) См. № 4 Епарх. Лист. стр. 76.

каянiя и причащенiя. Такiя поученiя, а также чтенiе житiй святыхъ, кромѣ субботнихъ и воскресныхъ вечереи, въ нѣкоторыхъ церквахъ, предлагались и въ другiе дни св. четыредесятницы, особенно въ выдающiеся чѣмъ-либо. Разсматривая всѣ эти чтенiя и бесѣды, въ общей ихъ совокупности, нельзя не прiйти къ тому заключенiю, что набожные христіане могли находить, и многіе дѣйствительно находили въ нихъ богатую и разнообразную пищу для своего вѣрующаго ума и сердца. И въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ представленныхъ благочинному рапортовъ отъ причтовъ, эти собесѣдованiя обнимаютъ въ общей сложности весь кругъ воспоминанiй, соединяемыхъ нашею православною Церковію съ различными болѣе важными недѣлями и днями св. четыредесятницы.

Для ближайшаго ознакомленiя съ этими поученiями отмѣтимъ, по крайней мѣрѣ, болѣе общiя темы ихъ въ порядкѣ упомянутыхъ рапортовъ отъ каждой церкви.

Въ *Дмитріевской церкви* въ теченiе великаго поста предложено было молящимся прежде всего объясненiе цѣли и значенiя великаго поста; потомъ были объяснены таинства покаянiя и причащенiя, также молитвы Св. Ефрема Сирина, „Господи возвахъ къ Тебѣ...“, канонъ Андрея Критскаго; было прочтано житiе Св. Маріи Египетской; въ недѣлю Крестопоклонную, сообразно воспоминаемому событiю, было выяснено значенiе обряда выноса Св. Креста въ эту недѣлю; въ праздникъ Благовѣщенiя бесѣда состояла въ разсказѣ, съ нравственными выводами о празднуемомъ событiи въ жизни Пресвятой Дѣвы; въ недѣлю Байи объяснено значенiе употребленiя въ эту недѣлю вербы; въ недѣлю страстную въ подробности разсказана исторiя страданiй, смерти и погребенiя Господа нашего Иисуса Христа. А 2-го марта предложено поученiе о царской власти по ученiю православной Церкви.

Въ *Всѣхсвятской церкви* на вечернихъ служенiяхъ въ воскресные и субботніе дни великаго поста велись бесѣды: о необходимости особеннаго приготовленiя къ исповѣди и причащенiя Свят. Таинъ и о постѣ, какъ важномъ условiи для такого приготовленiя; о жизни Св. Θεодора Тирона и Св. Маріи Египетской, Св. Великомученицы Евдокии, преподобнаго Алексiя челоуѣка Божiя; о страданiяхъ Спасителя и о томъ, какъ мы можемъ идти за Господомъ Иисусомъ Христомъ.

Въ *Христорождественской церкви* былъ предложенъ рядъ собесѣдованiй объ условiяхъ истиннаго покаянiя христіанскаго, для чего было подробно разсмотрѣно и объяснено Евангельское сказа-

ніе о покаявшейся грѣшницѣ (у Евангелиста Луки 7, 36—50), какъ наглядномъ образцѣ истиннаго сокрушенія о грѣхахъ, непритворной любви къ Богу и всецѣлой надежды на Его милосердіе. Другой рядъ бесѣдъ касался времени установленія, существа, плодовъ для души христіанской Таинства Евхаристіи.

Въ Преображенской церкви послѣдовательно было сказано: о необходимости покаянія, объ установленіи, цѣли, важности, дѣйствительности и спасительныхъ плодахъ Святѣйшей Евхаристіи; было изложено Евангельское повѣствованіе о входѣ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, а также объяснено значеніе вербы, употребляемой Церковію въ заутрени Вербнаго воскресенія.

Въ Воскресенской церкви бесѣды начались съ выясненія необходимости для спасенія яснаго понятія о догматахъ православной Церкви и безусловнаго подчиненія руководству православной Церкви; затѣмъ бесѣды сосредоточивались на ясномъ обстоятельномъ выясненіи существа и важности для христіанской жизни Таинствъ покаянія, причащенія и поста, который необходимо долженъ соединяться съ дѣлами милосердія и любви къ ближнимъ. Было сказано также о необходимости для удостоившихся Св. Причащенія возблагодарить Господа, чрезъ ревностное выполненіе христіанскихъ обязанностей, а также объ опасности для нравственной жизни христіанина, заключающейся въ уклоненіи отъ ежегоднаго причащенія Св. Таинъ. Равнымъ образомъ были предлагаемы рассказы о житіи Препод. Маріи Египетской, о пребываніи Спасителя въ домѣ Симона—фарисея, о воскрешеніи Господомъ умершаго Лазаря. Въ великій пятокъ было предложено слово Св. Ефрема Сирина, а въ великую субботу слово о томъ, о чемъ мы должны плакать предъ гробомъ Господнемъ.

Въ Александро-Невской церкви кромѣ бесѣдъ о постѣ и таинствахъ покаянія и причащенія, былъ предложенъ цѣлый рядъ бесѣдъ, разъяснявшихъ обряды православнаго богослуженія, или излагавшихъ значеніе дневныхъ Евангелій, или, наконецъ, касавшихся нѣкоторыхъ событій ветхозавѣтной священной исторіи.

Въ Свято-Духовской церкви шли собесѣдованія двоякаго содержанія: одинъ рядъ бесѣдъ былъ посвященъ выясненію существа христіанскаго поста, покаянія и причащенія, причемъ были указываемы и правила достойнаго поведенія христіанина послѣ принятія Св. Таинъ, съ описаніемъ великой отвѣтственности предъ судомъ Божиимъ за недостойное принятіе Св. Таинъ; другой рядъ бесѣдъ содержаніемъ своимъ имѣлъ исторію пророковъ и проро-

чество касательно Мессіи-Христа, нравственно-религіозное состояніе „народа Божіи“ предъ пришествіемъ Христа, явленіе, проповѣдь и постническую жизнь Св. Іоанна Предтечи.

Въ *Петро-Павловской церкви* были сказаны поученія: о приготовленіи къ таинству покаянія, разъяснено его значеніе и значеніе Таинства Причащенія; о томъ, какъ нужно жить, чтобы причащеніе Св. Таинъ приносило пользу душѣ нашей. Также было сказано о сдѣлѣ Креста Господня, о жизни Св. Маріи Египетской и др.

Въ *Крестооздвиженской церкви*, кромѣ объясненій касательно постовъ вообще и таинствъ покаянія и Евхаристіи, были предложены бесѣды: о значеніи обряда Православія; о важности праздника Благовѣщенія; были объяснены притчи Спасителя: о мытарѣ и фарисеѣ и о блудномъ сынѣ, кромѣ того прочитано и объяснено нѣсколько назидательныхъ примѣровъ изъ жизни великихъ христіанскихъ подвижниковъ.

Въ *Пантелеймоновской церкви* для выясненія сущности и значенія для христіанской жизни поста и таинствъ вообще, а также, въ частности, таинствъ покаянія и причащенія, былъ предложенъ рядъ поученій Св. Іоанна Златоустаго; на воскресныхъ вечерахъ, по заведенному порядку, шли устные бесѣды о земной жизни Господа нашего Іисуса Христа и чтеніе житій святыхъ.

Въ *Николаевской церкви*, кромѣ ряда поученій о постахъ въ православной Церкви, о таинствахъ покаянія и причащенія, продолжаемы были бесѣды по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ христіанской жизни, напр. о внѣшней и внутренней молитвѣ, о заповѣдяхъ Божіихъ и др.

Подобныя вышеизложеннымъ поученія и чтенія, а также каноны и акафисты совершались и въ другихъ церквахъ г. Харькова и его окрестностей, а именно: въ Благовѣщенской, Архангело-Михайловской, Вознесенской, Рождество-Богородичной, Троицкой, Рождество-Богородичной села Алексѣевки и Предтечевской села Основы.

— Въ „Новомъ Времени“, отъ 10 мая этого года (стр. 2, столб. 7), помѣщено извлеченіе изъ одного частнаго письма, писаннаго въ Петербургъ изъ Болгаріи, которое по отношенію къ Харькову можетъ быть не безъинтересно для читателей нашего журнала. Дѣло идетъ о получившей начало свое въ нашемъ Харьковѣ, „Анти-Энцикликѣ“, и вотъ какія бѣдовыя послѣдствія имѣетъ она въ настоящее время въ Болгаріи:

„Около двухъ лѣтъ назадъ, въ Софію былъ доставленъ изъ Россіи большой транспортъ брошюръ профессора Харьковскаго уни-

верситета И. В. Платонова, подъ заглавіемъ „Анти-Энциклика, или братско слово отъ единъ православенъ славянинъ“. Брошюра эта была переведена на Болгарскій языкъ студентомъ Харьковскаго университета болгаринномъ П. Д. Драгоновымъ. Своевременно она продавалась во всѣхъ софійскихъ книжарницахъ, но затѣмъ, за прекращеніемъ требованій на нее, поступила въ складъ нѣкоего софійскаго гражданина Луканова, человека весьма состоятельнаго и уважаемаго въ городѣ. Недавно кто-то донесъ регентамъ, что Лукановъ распространяетъ въ народѣ русскія брошюры; послѣдовалъ внезапный обыскъ, затѣмъ арестъ, Луканова и двухъ его взрослыхъ сыновей, которые и были заключены въ Черную Джамію и подверглись жестокому внушенію палочной команды, старавшейся вынудить у арестованныхъ признаніе, какимъ путемъ они ведутъ сношенія съ Россією. Напрасно несчастные старались доказать, что брошюры получены ими изъ Харькова, черезъ посредство одного книгопродавца еще во времена княженія Александра Баттенберга; истязатели имъ не повѣрили, и продолжаютъ до сихъ поръ томить арестованныхъ въ заключеніи. Доносъ на Луканова былъ сдѣланъ однимъ изъ мѣстныхъ представителей католической пропаганды, которой теперь полное раздолье въ Болгаріи. Католики недавно открыли тамъ новую школу; кромѣ того, въ Софіи процвѣтаетъ превосходно устроенное женское католическое училище, имѣющее свыше 150 воспитанницъ болгарокъ“.

Обезумѣвшіе, подъ вліяніемъ вражды противъ Россіи правители Болгаріи не хотятъ видѣть и знать, что брошюра въ переводѣ на Болгарскій языкъ, хотя и сдѣланномъ студентомъ Харьковскаго Университета въ Россіи, но отпечатанная въ Софіи, „Книгопечатница на Янко С. Ковачевъ и Сіе“, никакъ не могла придти изъ Россіи, гдѣ она извѣстна только въ первоначальномъ ея видѣ на русскомъ языкѣ, а напротивъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ она получена была изъ Болгаріи въ Россію нѣкоторыми сочувствующими преуспѣянію этой страны лицами. Появившаяся на Болгарскомъ языкѣ брошюра въ 1884 году, когда отношенія между Болгарією и Россією были братолоубивы, по самому времени не могла имѣть неблагоприятнаго для Болгаріи значенія, отчего со всею благосклонностію принята была самимъ Александромъ Баттенбергомъ. Слѣдовательно, совершенно напрасно томятся теперь въ мрачныхъ Джаміяхъ и подвергаются истязаніямъ отъ заведенной дженправительствомъ Болгарскимъ палочной команды почтенный Лукановъ съ своими двумя сыновьями изъ за подозрѣнія въ сношеніи съ Россією. Послѣ этого безумствующіе

регенты, пожалуй, и сочинителя „Анти-Энциклики“ проф. Платонова, который, кромѣ непосредственнаго помянутаго своего труда, надѣлилъ Болгарію многими тысячами разнаго рода книгъ, какъ своей библіотеки, такъ и отъ постороннихъ доброжелательныхъ жертвователей, назовуть врагомъ Болгаріи, а тѣхъ министровъ и библіотекарей, которые принимали тяжеловѣсныя тюки съ книгами и чувствительнѣйше благодарили за ихъ присылку, признають предателями своей отчизны, позволившими себѣ входить въ сношеніе съ благотворительницею Россіей.

Но скорбя о неповинныхъ страданіяхъ бѣдныхъ Лукановыхъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ скорбимъ и объ опасномъ положеніи, въ какомъ находится православіе въ взбаламученной Болгаріи. Вѣдь гоненіе поднято на невинныхъ книгопродавцевъ собственно по подстрекательству и навѣту одного изъ мѣстныхъ представителей католической пропаганды, которому ненавистна была Анти-Энциклика какъ рожокъ папству, а сношеніе книгопродавцевъ съ Россією, которое, какъ мы видѣли, вовсе не имѣло и, по существу дѣла, не могло имѣть мѣста, употреблено только какъ предлогъ къ обвиненію въ измѣнѣ отчизнѣ. Изъ сего мы видимъ, что чуждые всякой вѣры регенты не прочь пожертвовать и родною вѣрою въ угоду западнымъ державамъ и преимущественно Австріи, чтобы пріобрѣсти и удержать ихъ благоволеніе для своихъ своекорыстныхъ цѣлей, что и подтверждается тою свободою, какою пользуется въ настоящее время, какъ видно изъ прописаннаго письма, въ Болгаріи католичество, заводя тамъ разныя школы, мужскія и женскія, по своему прозелитскому вкусу.

Но вслѣдъ за симъ, имѣя въ виду, какое враждебное значеніе для католичества имѣетъ „Анти-Энциклика“ по силѣ и убѣдительности сдѣланныхъ ему въ ней обличеній, мы охотно приходимъ къ мысли, что хорошо и полезно-бы было распространить ее еще болѣе въ нашемъ западномъ краѣ, гдѣ православное населеніе такъ перемѣшано съ населеніемъ католическимъ.

— Извѣстно, что папа Левъ XIII сдѣлалъ важную уступку (съ точки зрѣнія католицизма) для черногорскихъ католиковъ — онъ дозволилъ имъ, вмѣсто латинской мессы, отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Это папское распоряженіе, по мнѣнію „Церковнаго Вѣстника“, имѣетъ для западныхъ славянъ важное значеніе въ исторіи развитія внутренняго ихъ славянскаго самосознанія. Оно является во-первыхъ, какъ уступка римскаго престола развившемуся религіозно-національному самосознанію западныхъ

славянъ, доселѣ поработенныхъ Римомъ и угнетаемыхъ политикою западно-европейскихъ государствъ; а затѣмъ, во вторыхъ, важность его опредѣляется тѣми отношеніями, какія успѣли обнаружиться по поводу его въ западно-славянскомъ мірѣ и въ частности въ западно-славянской прессѣ, и тѣми послѣдствіями, какихъ отъ него можно ожидать и дѣйствительно ожидаютъ славяне для возстановленія у себя истинной кирилло-меѳодіевской Церкви.

— Оренбургскій край нашего отечества, окруженный различными иновѣрцами: то сектантами, то магометанами, то язычниками, чтобы сдѣлаться окончательно русскимъ и христіанскимъ, долженъ напрягать всѣ усилія русскихъ людей края на распространеніе и утвержденіе православной христіанской вѣры. Въ виду этого, въ г. Оренбургѣ русскіе люди края, разные по званію и состоянію, но православные христіане, повинувась заповѣди своего Божественнаго Учителя: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Мѳ. 28, 19), по ревности къ славіи Божіей и по любви къ русской народности, составили между собою Оренбургское Михаило-Архангельское Братство, которое, согласно своему уставу, постановило своею задачею распространять святую вѣру, устроить миссіонерскія церкви и школы, распространять въ народѣ спасительное ученіе, посредствомъ проповѣди и народныхъ книжекъ, устроить пріюты для новообращенныхъ въ христіанство, а для всего этого призывать истинно благочестивыхъ людей къ служенію святой вѣрѣ и русской народности, собирать денежные средства и всякаго рода вещи, могущія послужить во славу Божію.

Совѣтъ этого Братства, желая привлечь къ содѣйствію своимъ цѣлямъ всѣхъ ревнителей благочестія, разослалъ недавно воззваніе, которое мы считаемъ долгомъ помѣстить здѣсь.

Православные христіане всякаго званія, возраста и пола!

Голосомъ Божественнаго Основателя христіанской вѣры — *кто сотворитъ и научитъ, той велий въ царствіи Божіемъ наречется* (Матѳ. 5, 19) — призываемъ васъ откликнуться на дѣло во славу Божію и для торжества святой христіанской вѣры въ новомъ Оренбургскомъ краѣ.

По волѣ Божіей въ городѣ Оренбургѣ при Архіерейской кафедрѣ открыто 8 ноября 1886 года миссіонерское Братство во имя св. Архистратига Михаила для устроенія миссіонерскихъ церквей и школъ, для распространенія въ народѣ спасительнаго ученія посредствомъ живой изустной проповѣди и народныхъ книжекъ, для устроенія пріютовъ новообращенныхъ въ христіанство.

Предлагая православнымъ христіанамъ въ Братствѣ средство — исполнить завѣтъ возлюбленнаго Господа нашего Іисуса Христа о распространеніи Церкви Его святой (Матѣ. 28, 19 и 20); усердно молимъ Господа, чтобы Онъ всеильною Своею благодатію (Іоанн. 15, 5) расположилъ сердца христіанъ къ добровольной и посильной помощи Михаило-Архангельскому Братству какъ денежными взносами, такъ и вещами.

Членскій взносъ по уставу положенъ въ 3 рубля. Деньги и вещи должны быть адресуемы на имя Предсѣдателя Братства, Оренбургскаго Преосвященнаго Епископа Макарія.

— Государь Императоръ, въ 24-й день апрѣля 1887 года; Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода: 1) объ учрежденіи въ предѣлахъ С.-Петербургской и Московской епархій епископскихъ кафедръ третьихъ викаріевъ, съ именованіемъ третьяго викарія С.-Петербургской епархій епископомъ Нарвскимъ и съ переводомъ на эту кафедру оклада содержания епископа Выборгскаго, а третьяго викарія Московской епархій епископомъ Волоколамскимъ; 2) о переименованіи второго викарія С.-Петербургской епархій, епископа Выборгскаго Сергія въ епископа Ладожскаго, перваго викарія той же епархій; 3) о возведеніи ректора С.-Петербургской духовной академіи, архимандрита Антонія въ епископа Выборгскаго, второго викарія С.-Петербургской епархій, а ректора Московской духовной академіи, архимандрита Христофора въ епископа Волоколамскаго, третьяго викарія Московской епархій; 4) о назначеніи настоятеля Могилево-братскаго первокласснаго монастыря архимандрита Владиміра епископомъ Нарвскимъ, третьимъ викаріемъ С.-Петербургской епархій; 5) о перемѣщеніи викарія Подольской епархій епископа Балтскаго Анатолія на кафедру епископа Острогскаго, викарія Воронежской епархій.

— Изысканіе постоянныхъ и достаточныхъ средствъ матеріальнаго обезпеченія церковно-приходскихъ школъ составляетъ заботу духовенства и той части общества, которая видитъ въ этихъ школахъ вѣрное и надежное средство духовно-нравственнаго развитія русскаго народа. Какъ въ епархіальныхъ органахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ газетахъ довольно часто встрѣчаются по этому вопросу сужденія, могущія имѣть, несомнѣнно, практическое значеніе. Такъ, напр., „Костр. Епарх. Вѣд.“ (№ 9) рекомендуютъ для этой цѣли заводить, такъ называемыя, „общественныя заправки“, только не въ томъ смыслѣ, чтобы каждая деревня отводила для школы или вообще церкви извѣстный участокъ земли, обрабаты-

мый міромъ. Такой способъ, по мнѣнію „Вѣдомостей“, не практиченъ, потому что деревнѣ трудно отвести для церкви *хорошій* участокъ, такъ какъ крестьянская полевая земля, вслѣдствіе частыхъ земельныхъ раздѣловъ, разбита на мелкія полосы и одинъ домохозяинъ хорошо удобряетъ свою землю, а другіе рядомъ — худо. Кроме того, при отведеніи одного общественнаго участка, въ остальныхъ крестьянскихъ полосахъ при количественномъ опредѣленіи ихъ неминуемо должна произойти путаница. Поэтому практика выработала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующій въ этомъ дѣлѣ порядокъ. „При наступленіи весны церковный староста вмѣстѣ со священникомъ прѣзжаютъ въ деревню, созываютъ всѣхъ домохозяевъ въ одинъ домъ и предлагаютъ въ виду той или другой церковно-приходской нужды каждому домохозяину посѣять сколько-нибудь на своей полосѣ церковнаго овса для церкви. Для лучшаго успѣха дѣла, сначала обращаются къ тому крестьянину, который болѣе другихъ отличается усердіемъ къ церкви. Тогда всѣ начинаютъ охотно брать, кто пудъ, кто два. Никто для церкви не отказывается. Церковный староста записываетъ въ книжку кто сколько взял и затѣмъ общее количество разобраннаго овса выдаетъ на руки благонадежному домохозяину съ тѣмъ, чтобы онъ при наступленіи посѣва выдалъ каждому требуемое имъ количество сѣмянъ. Тоже самое дѣлается и предъ посѣвомъ ржи. При извѣстной любви нашего народа къ церкви каждый выдѣляетъ для церковнаго посѣва лучшій участокъ. Дать для этого худой участокъ, или худо его обработать ему не позволяетъ совѣсть и, кромѣ того, крестьянину присущая мысль, что, если онъ не пожалеетъ для церкви Господней или для хорошаго вообще дѣла, то и Господь его не забудетъ. Главное достоинство такого порядка заключается въ томъ, что личное усердіе каждаго не стѣсняется никакими рамками, какъ это бываетъ при общемъ для всѣхъ участкѣ. Тутъ сколько кому Господь положитъ на душу дать земли и поработать, тотъ столько и дѣлаетъ. Во время возки сноповъ каждый домохозяинъ свозитъ церковные снопы на гумно извѣстнаго домохозяина, гдѣ церковный староста и подряжаетъ молотить. Бываютъ случаи, когда богатые или усердные привозятъ, кромѣ овса, до 7 сусловъ (пудовъ) ржи, чего они безъ подобнаго посѣва никогда не пожертвуютъ, какъ-бы ни была велика церковно-приходская нужда. Но при этомъ нужно бываетъ имѣть въ виду еще слѣдующее обстоятельство: при раздачѣ сѣмянъ крестьяне часто отказываются отъ церковныхъ и говорятъ, что они пожертвуютъ для этого своими. Хотя такое предложеніе и крайне

заманчиво, но оно можетъ повести въ тому, что если на назначенномъ для церкви участкѣ будетъ хорошій урожай, а на другихъ плохой, то крестьянинъ можетъ поддаться искушенію замѣнить его другимъ, менѣе урожайнымъ... Если-же у него будетъ засѣянъ участокъ церковнымъ житомъ, то взять съ этого участка урожай себѣ онъ сочтетъ уже грѣхомъ“.

— Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и другой способъ матеріальнаго обезпеченія народныхъ школъ, имѣющій, кромѣ того, особенное еще практическое примѣненіе. Это разведеніе пчеловодства среди учителей народныхъ школъ. Способъ этотъ, благодаря неустанной пропагандѣ о. І. Наумовича въ его „Наукѣ“, а также и его личному примѣру, очень развитъ въ Галиціи. Тамъ почти при каждой сельской школѣ существуетъ пасѣка, въ которой хозяйничаетъ сельскій учитель, за что и получаетъ всѣ доходы съ нея въ свою пользу. По словамъ „Кіевскаго Слова“, доходы эти иногда простираются отъ 800 до 1,000 гульденовъ, что, конечно, составляя весьма крупное подспорье къ скудному жалованью народнаго учителя (200 гульд.), заставляя его дорожить своимъ мѣстомъ и, главное, прикрѣпляетъ его къ извѣстной школѣ. Кромѣ этого, многіе утверждаютъ, что галиційскія школьныя пасѣки устраняютъ народныхъ учителей отъ всякихъ увлеченій разными „хожденіями въ народъ“: влюбленный въ свое хозяйство, онъ, въ свободное отъ школьныхъ занятій время, не знаетъ деревенской скуки, не болтается попусту, не тратитъ своихъ силъ на разгулъ или на бредни о всеобщемъ преобразованіи. Занятіе пчеловодствомъ, доставляя средства къ существованію, въ то-же время и облагораживаетъ его. Примѣняя это дѣло къ Россіи, та-же газета говоритъ слѣдующее: „У насъ много говорятъ объ отсутствіи средствъ для учрежденія церковно-приходскихъ школъ, повсемѣстное устройство которыхъ безусловно желательно хотя-бы по тому одному, что эти школы наиболѣе дешевыя и, слѣдовательно, наиболѣе доступныя народу. Почему-бы и у насъ не образовать изъ пчеловодства такой-же фондъ, какой существуетъ въ Галиціи? Югозападный край заключаетъ въ себѣ всѣ естественныя условія для правильнаго развитія этой отрасли хозяйства. Слѣдовало-бы ознакомить учителей съ нею и дать средства для первоначальнаго обзаведенія, на которое достаточны самыя скромныя затраты. Сельскимъ обществамъ такія затраты не были-бы обременительны, а между тѣмъ дѣло, разъ начатое, естественно росло-бы изъ своихъ собственныхъ источниковъ. Мало помалу образовался-бы школьный фондъ, который былъ-бы прочнымъ

подспорьемъ къ денежному окладу учителей. Полагаемъ, что раньше или позже и наша школа послѣдуетъ въ этомъ отношеніи примѣру галиційской.

— Для поддержанія заблужденія сектоучители прибѣгаютъ къ самымъ коварнымъ средствамъ. По собраннымъ въ послѣднее время о распространившихся на сѣверномъ Кавказѣ религіозныхъ сектахъ свѣдѣніямъ, въ томъ числѣ хлыстовско-штундистской, иначе называемой на Кавказѣ шалопутами, наиболѣе вредной и безнравственной, оказалось, что лица, занимающіяся изъ корыстныхъ видовъ пропагандою религіозныхъ лжеученій, для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей, вступаютъ въ составъ обществъ, состоящихъ подъ особеннымъ покровительствомъ Высочайшихъ особъ, каковы: „возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“ и „распространенія св. Писанія въ Россіи“; дипломы же на званіе членовъ обществъ и получаемые ими для ношенія на груди отъ общества возстановленія православія знаки (кресты) сектантскіе коноводы выдаютъ среди легковѣрнаго сельскаго населенія за знаки особеннаго благоволенія высшаго правительства къ сектантамъ, причемъ дерзость пропагандистовъ доходитъ даже до того, что они прибѣгаютъ и къ такимъ вымысламъ, будто Пашковымъ обращены въ секту Высочайшія особы и высокопоставленныя лица. Главнѣйшими дѣятелями по пропагандѣ религіозныхъ лжеученій, прибѣгающими къ такимъ средствамъ, являются мѣщанинъ г. Георгіевска, Терской области, Петръ Лордугинъ (иначе называемый сектантами Лоргинымъ и Лорбинимъ) и крестьянинъ села Благодарнаго, Новогригорьевскаго уѣзда, Ставропольской губерніи, Кузьма Зубковъ. Въ виду изложеннаго и дабы положить конецъ кощунственной и вообще преступной эксплуатаціи священныхъ знаковъ, миссіонерскихъ званій и именъ Высочайшихъ особъ, Его Императорское Величество Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Св. Синода, въ 24 день января сего года, Высочайше соизволилъ на исключеніе Лордугина и Зубкова изъ числа членовъ общества возстановленія православія на Кавказѣ (въ составѣ общества распространенія св. Писанія въ Россіи эти лица уже не состоятъ: первый съ января 1882 г., а второй съ октября 1884 г.), съ отобраніемъ отъ нихъ дипломовъ и крестовъ, и къ исполненію означеннаго Высочайшаго повелѣнія губернскимъ начальствомъ сдѣланы уже соотвѣтствующія распоряженія.

— Въ Эстляндіи началась постройка четырехъ новыхъ церквей въ Везенбергскомъ и Ревельскомъ уѣздахъ. Церкви, какъ сообщаютъ

„С.-Петербургскія Вѣдомости“, строятся по планамъ и подъ руководствомъ извѣстнаго въ краѣ архитектора Тамманна, Эстонца по происхожденію. При покупкѣ земельныхъ участковъ подъ постройки происходили недоразумѣнія между помѣщиками и церковными попечительствами, изъ-за непомерно дорогой цѣны, которую требовали бароны за незначительные влочки земли. Такъ напримѣръ, владѣлецъ имѣнія Сасмакенъ, баронъ Гейкингъ, требовалъ за десятину выгона по 2,000 р.; но назначенная по этому поводу оцѣночная коммиссія постановила уплатить помѣщику по 340 р. за десятину. Баронъ Гейкингъ жаловался на дѣйствія оцѣночной коммиссіи, но жалоба оставлена безъ послѣдствій. Въ настоящее время работы совершаются безпрепятственно, и нѣкоторыя церкви вчернѣ будутъ готовы уже къ осени.

— Св. Синодомъ разрѣшено издавать съ 1-го августа 1887 года при кievскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ редакторствомъ бывшаго инспектора Кіевской духовной семинаріи Павла Игнатовича и преподавателей той-же семинаріи Павла Петрушевскаго и Георгія Булашева, ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ „Церковно-приходская школа“. Срокъ выхода ежемѣсячный. Подписная цѣна съ пересылкой 3 р. за годъ. Программа состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: 1) Законодательство по церковно-приходской школѣ; 2) лѣтопись и 3) читальня церковно-приходской школы.

— „Новости“ сообщаютъ, что 28 мая исполняется двадцатипятилѣтіе служенія въ санѣ архіерея архіепископа Донскаго и Новочеркаскаго Митрофана. Можемъ присоединить къ этому, что въ нынѣшнемъ году предстоитъ нѣсколько подобныхъ юбилеевъ въ нашей церковной іерархіи; такъ, въ юнѣ исполнится 60 лѣтъ служенія митрополита Кіевскаго и Галицкаго Платона и двадцатипятилѣтія служенія въ санѣ архіерея архіепископовъ: Полтавскаго и Переяславскаго Іоанна, Иркутскаго и Нерчинскаго Веніамина и Тверскаго и Кашинскаго Саввы.

— „Новости“ сообщаютъ, что по инициативѣ извѣстнаго миссіонера, о. Ксенофонта Крючкова, братствомъ св. Креста выстроено и освящено въ настоящее время особое зданіе для помѣщенія первой въ Россіи спеціальной противораскольнической школы, въ память свв. Кирилла и Меодія, въ г. Саратовѣ, — главномъ притонѣ раскольниковъ, изъ среды которыхъ вышелъ и самъ о. Крючковъ, который, по переходѣ въ православіе, обличалъ ложное ученіе своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, вплоть до вызова его въ Петер-

бургъ. Цѣль новооткрываемой миссіонерской школы — готовить способныхъ людей къ веденію религіозныхъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами, въ интересахъ православія. Въ школу рѣшено принимать преимущественно крестьянъ изъ селъ и деревень, зараженныхъ расколомъ, знающихъ грамоту и способныхъ къ бесѣдамъ о религіозныхъ вопросахъ. При этомъ путевые расходы крестьянъ въ Саратовъ и обратно, а также и продовольствіе учащихся пищей и помѣщеніемъ принимаются братствомъ св. Креста на свой счетъ. Наиболѣе способныхъ изъ учениковъ „школы миссіонеровъ“ предполагается съ теченіемъ времени посвящать во священники при единовѣрческихъ церквахъ и въ раскольническихъ приходахъ. Приѣмъ учащихся, завѣдываніе новою школою и наблюденіе за ходомъ обученія въ ней находятся въ непосредственной зависимости отъ совѣта братства св. Креста.

— Во „Влад. Епарх. Вѣд.“ Правленіе Епарх. свѣчнаго завода обращается ко всѣмъ мѣстнымъ пчеловодамъ съ просьбою поставлять всю собираемую ими восковую сушь на епархіальный заводъ, вмѣсто того, чтобы продавать ее за дешево разнымъ бродячимъ скупщикамъ, которые вымѣниваютъ ее съ разными злоупотребленіями въ вѣсѣ чаще всего на церковныя-же свѣчи, приготовляемая изъ церезина, — и тѣмъ вводятъ въ обманъ покупателей, причиняютъ ущербъ церквамъ и вредно вліяютъ на выдѣлку свѣчей на самомъ епархіальномъ заводѣ, которому въ огаркахъ, поступающихъ отъ церквей по необходимости приходится принимать церезинъ вмѣсто воска. Благодаря стараніямъ смотрителей складовъ завода въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ Владимирской епархіи, а равно и нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ, мѣстная восковая сушь съ каждымъ годомъ все больше и больше стягивается къ своему заводу, такъ что въ 1886 г. количество ея, купленное заводомъ, достигало уже весьма крупной цифры — 800 пудовъ.

— Въ „Русскомъ Курьерѣ“ изъ Тихвина (Новгород. губ.) пишутъ, что тамъ предстоящимъ лѣтомъ будетъ сооружаться памятникъ Тихвинской Божіей Матери, въ честь пятисотлѣтняго пребыванія ея въ городѣ Тихвинѣ. Сооруженіе это будетъ происходить на городской площади, въ центрѣ Тихвина, на самомъ видномъ мѣстѣ, лучшемъ въ городѣ по своему положенію. Проектъ памятника уже составленъ и рассмотрѣнъ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ с.-петербургскимъ и новгородскимъ Исидоромъ, вкупѣ съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Матеріаломъ для сооруженія памятника будетъ служить сѣрый мраморъ. Въ нишѣ

памятника, съ сѣверной части его, будетъ горѣть неугасимая лампада, средства на которую жертвуютъ горожане.

— Св. Синодъ предполагаетъ усилить матеріальныя средства Антиохійскаго патріархата отпускомъ четырехъ пятыхъ дохода съ имѣній его, находящихся въ Россіи, а не двухъ пятыхъ, какъ до сихъ поръ. Эта помощь, по словамъ „Новостей“, вызывается положеніемъ Антиохійской церкви, ея внутреннимъ разстройствомъ, на которое обратилъ вниманіе избранный въ 1885 году на Антиохійское патріаршество митрополитъ Герасимъ. Съ одной стороны, эта церковь подверглась нападенію цѣлой арміи иновѣрныхъ пропагандистовъ, католиковъ и протестантовъ, которые всѣми средствами, не жалѣя денегъ и трудовъ, стараются совращать православныхъ людей Антиохійской церкви. Особенною опасностью грозили руководимые іезуитами уніаты, которые, при помощи насилій и интригъ, начали захватывать храмы, составлявшіе искони достояніе православныхъ. Съ другой стороны, патріархатъ внутри представлялъ печальное зрѣлище ожесточенной борьбы двухъ партій: арабской и греческой. Въ тоже время экономическое и религіозно-нравственное состояніе православнаго населенія дошло до послѣднихъ предѣловъ упадка: бѣдность, невѣжество, отсутствіе школъ, все это было какъ нельзя болѣе на руку іезуитамъ и прочимъ пропагандистамъ. Новый патріархъ Герасимъ, для ослабленія іезуитско-уніатской интриги, открылъ, между прочимъ, въ Дамаскѣ духовную семинарію, допустилъ православныхъ туземцевъ къ высшимъ ступенямъ іерархіи и, вообще, зорко слѣдитъ за покушеніями иновѣрной пропаганды. Но крайняя скудость средствъ патріархата препятствуетъ полнымъ успѣхамъ дѣятельности патріарха Герасима, на что имъ и обращено было вниманіе нашей духовной власти.

— Въ Петербургѣ въ числѣ многихъ благотворительныхъ учрежденій, едва-ли не самыми симпатичными, представляются дѣтскіе пріюты. Хроникеръ „Новостей“, посѣтившій эти пріюты не можетъ нахвалиться ими. Пріюты эти, за исключеніемъ четырехъ, не закрытыя заведенія: сюда съ ранняго утра матери и отцы, обязанные проводить весь день на работѣ внѣ дома и не имѣющіе никого для присмотра за своими дѣтьми, приводятъ этихъ послѣднихъ, — и дѣти остаются тутъ до вечера, учась Закону Божию, русской грамотѣ, первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики, черченію и чиstopисанію, а въ нѣкоторыхъ пріютахъ — и рукодѣлю, и получаютъ здоровую и свѣжую пищу. За пользованіе всѣмъ этимъ каждое семейство, каково-бы ни было число посылаемыхъ имъ въ пріютъ

дѣтей, платить по гривеннику въ мѣсяць, и собираемыя такимъ путемъ деньги идутъ на снабженіе самыхъ бѣдныхъ дѣтей обувью, иногда верхнею одеждою, на усиленіе учебныхъ средствъ и т. п. Сообразно цѣли учрежденія этихъ пріютовъ, сюда, конечно, допускаются дѣти только младшаго возраста, такого, въ которомъ оставленіе ихъ безъ всякаго присмотра невозможно; крайнимъ предѣломъ полагается, съ одной стороны, возрастъ четырехлѣтній, съ другой—десятилѣтній, въ крайнемъ случаѣ—двѣнадцатилѣтній, а для дѣвочекъ—и четырнадцатилѣтній; достигши этихъ лѣтъ, дѣти оставляютъ пріютъ, уступая мѣсто другимъ. О послѣдующей судьбѣ ихъ вѣдомство пріютовъ, ограничиваясь исполненіемъ собственно своей задачи, предоставляетъ заботиться или самимъ родителямъ, или другимъ учрежденіямъ. Но есть нѣсколько пріютовъ, которые и эту заботу принимаютъ на себя. Это—упомянутыя мною выше закрытыя заведенія, назначенныя исключительно для круглыхъ сиротъ, и которыхъ въ Петербургѣ пять: четыре для дѣвочекъ, одно—для мальчиковъ, причемъ и при нихъ существуютъ отдѣленія для проходящихъ. Дѣвочки, успѣшно оканчивающія здѣсь курсъ, опредѣляются потомъ на должности помощницъ смотрительницъ въ пріютахъ, или же поступаютъ по ходатайству начальства, на мѣста нянь и т. п., а мальчики отдаются въ обученіе ремесламъ. Авторъ цитируемой записки крайне сожалѣетъ, что такихъ, поистинѣ челоѣколюбивыхъ, пріютовъ въ Петербургѣ мало—всего 21 и въ нихъ призрѣвается 3,000 дѣтей. Здѣсь дѣти подъ самымъ заботливымъ присмотромъ проводятъ почти весь день въ теплѣ и свѣтѣ, получаютъ свѣжую пищу и приобрѣтаютъ познанія, дѣлающія челоѣка грамотнымъ и вносящія въ его умъ и душу первыя начала развитія, болѣе трехъ тысячъ дѣтей самаго неимущаго класса,—не говоря уже о громадномъ облеченіи, доставляемомъ этимъ дѣломъ родителямъ... И отрадное чувство, вызываемое такимъ явленіемъ, омрачается только однимъ сожалѣніемъ, что, сравнительно, такъ мало такихъ пріютовъ; ибо, какъ ни почтенна вышенаведенная цифра трехъ тысячъ, но для Петербурга она, все-таки, еще далеко недостаточна...

Маленькіе питомцы пріютовъ вносятъ свѣтъ въ свои семьи.

— Что вы дѣлаете дома, когда приходите вечеромъ изъ пріюта?—спрашивалъ я.

— Книжки читаемъ тятѣ (или мамѣ), или рассказываемъ имъ, чему насъ научили.

— Дѣло составленія правилъ организаціи и размѣра требованій

государственнаго экзамена въ Россіи, какъ „Н. В.“ слышало, близится къ концу, Окончательная разработка матеріаловъ, относящихся къ экзаменамъ въ юридической комиссіи, порученная одному изъ декановъ юридическихъ факультетовъ, профессору Д. Я. Самоквасову, уже получила форму полнаго проекта, поступившаго на разсмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. По этому проекту, комиссія состоитъ изъ семи членовъ, кромѣ предсѣдателя, назначаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія не позже 1-го іюля. Комиссія эта выдѣляетъ изъ себя экзаменаціонные комитеты по три члена въ каждомъ. Къ присутствованію на экзаменахъ допускается лишь попечитель учебнаго округа и члены совѣта министерства народнаго просвѣщенія, но безъ права голоса. Самые экзамены должны производиться съ 20-го августа. Предварительно разсматриваются диссертации студентовъ и, только въ случаѣ ихъ удовлетворительности, окончившіе курсъ допускаются къ государственному экзамену, который состоитъ изъ письменныхъ и устныхъ испытаній, причѣмъ экзаменующіеся дѣлятся на нѣсколько группъ. Только удовлетворительность письменнаго отвѣта даетъ право на устное испытаніе. Дипломы предполагается выдавать двухъ разрядовъ — 1-й и 2-й степени. Получившимъ второй дипломъ не возбраняется подвергнуться новому испытанію для диплома 1-й степени. Для тѣхъ-же, кто неудовлетворительно выдержалъ экзаменъ, разрѣшаются повторительныя испытанія не болѣе двухъ разъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Въ такомъ видѣ предполагается организація экзаменовъ на факультетахъ физико-математическомъ и медицинскомъ. Что касается историко-филологическаго факультета, эта организація будетъ нѣсколько измѣнена. Упомянутыя правила, какъ газеты сообщаютъ, будутъ утверждены и опубликованы еще въ истекающемъ учебномъ семестрѣ, и такимъ образомъ, преподаватели и студенты получаютъ возможность ознакомиться съ ними въ теченіе каникулъ и начать свои занятія въ наступающемъ семестрѣ соотвѣтственно ясно и точно выраженнымъ требованіямъ государственнаго экзамена.

— Изъ Павлоградскаго уѣзда, Екатериносл. губ., „Харьков. Вѣд.“ пишутъ: Нѣсколько лѣтъ сряду въ этой прежде „неисчерпаемой житницѣ“ стоитъ невѣроятная засуха... Каждую весну наши крестьяне ждутъ дождей съ нетерпѣніемъ, надѣясь, что одинъ годъ урожая поправитъ все испорченное предъидущими годами.

Запасы хлѣба въ общественныхъ магазинахъ, еще кое-гдѣ оставшіеся отъ прежнихъ урожайныхъ годовъ, теперь вездѣ уничто-

жены. Падежъ скота въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, запрещеніе скотскихъ ярмарокъ, непобѣдимые суслики, пожары сильно подорвали крестьянское хозяйство. Словомъ, будущее волнуется до того крестьянъ, что они прибѣгаютъ снова къ своему давнему обычаю, описанному въ очеркѣ „Татьяны Сулимы“, помѣщенномъ въ 25 № газет. Степь за 86 годъ—„Прошлымъ лѣтомъ“, а именно: *„начинаютъ разрывать могилы, наполняютъ ихъ водою, вѣруи въ это, какъ спасительное средство отъ бездождія“*. Мы снова имѣемъ свѣдѣнія, которыя подтверждаютъ—на сколько еще сильны въ народѣ суевѣрія, и до чего можетъ дойти крестьянство, находясь въ безысходной нуждѣ.

Въ селѣ Ивановкѣ, Павлоградскаго уѣзда, умеръ два года назадъ „знахарь“—дидъ Срибный, нѣсколько лѣтъ бывший церковнымъ старостой. Послѣ его смерти въ народѣ прошелъ слухъ, что онъ не умеръ, а повѣсился и что его братъ подкупилъ тѣхъ людей, которые сняли его изъ петли въ сараѣ и внесли въ хату. Этого было достаточно. Въ прошломъ году послѣ продолжительной засухи крестьяне разрыли его могилу и вылили въ нее четыре бочки воды; лили-бы еще, но оставили благодаря только тому обстоятельству, что какъ ѣхали запятою бочкою воды, такъ пошелъ дождь; значитъ, „смилоствился Господь“. Въ этомъ году повторилось въ этой-же деревнѣ Ивановкѣ тоже самое, только на этотъ разъ поступили какъ-бы практичнѣе: сняли съ могилы „дида Срибнаго“ каменный крестъ, вывезли его далеко въ степь, разбили на мелкія части и бросили въ балку; а затѣмъ уже возвратились къ могилѣ, откопали гробъ мертваго „знахаря“, поставили на бричку, а сзади брички привязали воловій возъ для того именно, чтобы возъ широкими ободьями загладилъ узкіе слѣды брички. И вотъ эта процессія въ сопровожденіи нѣсколькихъ гробокопателей отъ кладбища подѣхала къ глубокому яру, находящемуся недалеко отъ села Ивановки и снесла гробъ вмѣстѣ съ дидомъ Срибнымъ на самое дно яра, а сверху гроба навалили земли... На другой день по всему селу только и говорили, что про исчезновеніе дѣда изъ могилы. Начались поиски „дида-знахаря“, и уже черезъ нѣсколько дней нашли гробъ случайно мальчишки, пасущіе скотъ, которые сейчасъ-же и дали знать о находкѣ своимъ „батькамъ“... Батки заявили въ волость, взяли понятыхъ, отправились на мѣсто, гдѣ находился гробъ... Открывъ гробъ, они дали знать уряднику... Ожидается пріѣздъ слѣдователя. Пока гробъ возвращенъ въ могилу, къ которой приставили стражу.

— Изъ Севастополя въ „Новороссійскій Телеграфъ“ пишутъ, что въ Инкерманскомъ монастырѣ Св. Климента происходило скромное торжество — закладка часовеньки на могилахъ павшихъ здѣсь въ Крымскую кампанію воиновъ Селегинскаго и Вольнскаго полковъ. Интересная участь самага кладбища этихъ героевъ. Въ началѣ они были почти совсѣмъ заброшены и, повидимому, были обречены на забвеніе. Но вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Севастополь прибылъ отставной унтеръ-офицеръ Никифоровъ, ветеранъ одного изъ тѣхъ самыхъ двухъ полковъ, которые здѣсь сражались. Посѣтивъ полѣ кровавой битвы, старикъ Никифоровъ узналъ могилы своихъ павшихъ товарищей, которыя нерѣдко топталъ скотъ. Никифоровъ добился разрѣшенія обнести могилы рвомъ, а затѣмъ сталъ хлопотать о сооруженіи часовни. Смерть помѣшала инвалиду довести свое благое дѣло до конца, и онъ завѣщалъ его нынѣшнему настоятелю монастыря отцу Меодію. Между тѣмъ на кладбище было обнесено каменною стѣной, которую построило инженерное вѣдомство, положившее на нѣкоторыя могилы плиты. Былъ разрѣшенъ особый кружечный сборъ для построения памятника воинамъ, и въ настоящее время отцемъ Меодіемъ дѣло это доведено до надлежащаго конца, а завѣтная идея старика Никифорова получаетъ осуществленіе. Торжество началось обѣдней въ монастырской церкви. Затѣмъ братія, монастырская съ настоятелемъ отцемъ Меодіемъ и немногочисленною публикой, отправились на могилы воиновъ, гдѣ отслужили по нимъ панихиду и окропили поднятыя уже на 1 сажень стѣны часовни. Тутъ же среди присутствовавшихъ вновь было собрано нѣсколько рублей на постройку, для которой нѣкоторые матеріалъ и рабочихъ доставили также безвозмездно нѣсколько мѣстныхъ подрядчиковъ.

— Въ г. Павлоградѣ, въ послѣднее время, явилась странная секта, въ общемъ напоминающая собою хлыстовщину, но въ частностяхъ рознящаяся отъ нея. „Екатериносл. Еп. Вѣд.“ передаютъ объ ней слѣдующія подробности. Основателями, такъ сказать, и распространителями секты были крестьяне: Яковъ Анисимовъ Лебедь и жена его Марія Семенова, прихожане павлоградской соборной Вознесенской церкви, живущіе на городскихъ хуторахъ. По умственному строю своему эти лица суть заурядные крестьяне, да и въ религіозномъ отношеніи они ничѣмъ не выдѣлялись изъ толпы, состоя до половины прошлаго 1886 г. въ общеніи съ Церковію православною: ходили въ храмъ Божій, исповѣдывались и приобщались св. Таинъ, участвовали въ крестныхъ ходахъ вмѣстѣ съ

православными и проч. Но въ последнее время въ своемъ религиозномъ направленіи они совершенно измѣнились и измѣнились настолько, что сами сосѣди ихъ поражены были ихъ поведеніемъ и выдали ихъ свѣтской власти, какъ людей неблагонадежныхъ. Вместе съ ними въ качествѣ обвиняемыхъ въ религиозной неблагонадежности представили и еще четырехъ человѣкъ: двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, взятыхъ на мѣстѣ совершенія ими своихъ незаконныхъ радній или моленій. На допросѣ выяснилось, что эти лица съ Яковомъ Анисимовымъ Лебедь и женою его во главѣ стремятся составить секту, цѣль которой слѣдовать ученію Спасителя, но не тѣмъ путемъ, который указываетъ намъ Церковь, а инымъ, своеобразнымъ. Къ Церкви они поставили себя въ совершенно отрицательныя отношенія: въ храмъ перестали ходить, называя его гостиницею, къ священникамъ стали относиться съ презрѣніемъ, именуя ихъ лжепророками, иконамъ бросили молиться, потому что божество и святость, по ихъ мнѣнію, могутъ вселяться только въ человѣка и притомъ ихъ среды, къ предметамъ же неодушевленнымъ причастнымъ быть не могутъ. Что же касается ихъ собственныхъ путей къ достиженію спасенія, то они воочію носятъ на себѣ отпечатокъ и характеръ сектантства. Спасенія, по ихъ ученію, можно достигнуть тремя путями: чтеніемъ слова Божія (съ своеобразнымъ, конечно, пониманіемъ и толкованіемъ его), дѣланіемъ добрыхъ дѣлъ и точнымъ выполненіемъ обрядовъ секты. Слѣдуя этой программѣ, человѣкъ можетъ заслужить то, что Богъ вселится въ него и, руководя такимъ образомъ имъ, заставитъ всѣхъ подражателей поклоняться ему, какъ святынь, и на всѣ дѣйствія его смотрѣть какъ на дѣйствія Божія. Особенно и большею частію такой чести удостоиваются женщины, каковымъ на ихъ молитвенныхъ собраніяхъ и принадлежатъ преимущественно чести и право руководства всѣми. Въ настоящій разъ въ данномъ обществѣ фигурируетъ въ качествѣ, такъ сказать центра и руководительницы, Марія Лебедь, кощунственно называющая себя и называемая другими святою, богородицею. На молитвенныхъ собраніяхъ, бываемыхъ по вечерамъ въ особомъ домѣ, называемомъ молитвеннымъ домомъ, она выступаетъ первою, и всѣ собирающіеся туда, мечтая о нерукотворномъ храмѣ, вслѣдъ за нею дозволяютъ себѣ самыя кощунственныя дѣянія. Обыкновенно, собравшись въ названный молитвенный домъ, всѣ снимаютъ всю одежду, обмѣнивая ее на длинную рубаху, и становятся въ кругъ, въ которомъ почти нагая, безъ рубахи, только съ самымъ легкимъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ

частей тѣла, стоитъ Марія Лебедь, именуемая богородица. Всѣ начинаютъ кричать, произнося какія-то слова, и сильно кружатся. Послѣ этого, несчастиво и кощунственно называющаяся богородицею Марія Лебедь падаетъ ницъ, объявляя что она умерла. Тогда всѣ окружающіе ея припадаютъ къ ней, начинаютъ цѣловать ее куда попало и навзрыдь плачутъ. Черезъ нѣсколько минутъ мнимо умершая схватывается, произноситъ троекратно: „Христосъ воскрес!“... садится на столъ и объявляетъ, что она родила спасителя міра, свѣтъ, правду. Такъ продолжается до утра; послѣ чего всѣ расходятся по домамъ, чтобы съ вечера начать тоже. Въ образѣ жизни названнаго сектантаго тоже есть нѣкоторыя особенности, останавливающія на себѣ вниманіе сторонняго наблюдателя. Такъ, въ годичномъ кругѣ дней у нихъ отмѣчены нѣкоторые, какъ особенно чтимые, въ которые они постятся, и не посвященныхъ въ ихъ секту къ себѣ не допускаютъ. Въ пищѣ они соблюдаютъ строгую діету. Въ обращеніи съ людьми ласковы, сговорчивы и уступчивы, но только не въ области предметовъ религіозныхъ. Въ последней области они фанатики, не уступающіе ни одной пяди изъ того, что считаютъ святымъ и спасительнымъ.

— Епархіальной власти и теперь еще приходится вѣдаться съ тѣми нестроеніями, которыя внесены были въ нашу церковную жизнь недавними ложными вѣяніями. Преосв. Евгений Астраханскій въ своихъ „свѣдѣніяхъ о состояніи астраханской епархіи за 1886 годъ“, между прочимъ, такъ характеризуетъ состояніе благотворительнаго надзора въ епархіи: „отношенія благотворительныхъ къ подчиненнымъ и обратно — неестественны, нарушены. Избирательное начало, поколебавшее должное понятіе о власти и о подчиненіи, еще не потеряло своего вліянія. Благотворительные не смѣютъ быть начальниками надъ равными, подчиненные не видятъ въ благотворительныхъ власти. Теперь благотворительные на открывшіяся вакансіи назначаются епархіальнымъ начальствомъ. Но не легко епархіальному начальству избрать достойное и способное лицо: во многихъ округахъ большинство священниковъ несвободно отъ подсудности и штрафовъ, немало неспособныхъ. Неудивительно посему, если большинство не отличается ни административными способностями, ни знаніемъ своего дѣла, относится къ своимъ обязанностямъ апатично, порученія епархіальнаго начальства исполняетъ и несвоевременно и неудовлетворительно. Отчетныя донесенія и срочныя свѣдѣнія отъ немногихъ изъ нихъ поступаютъ въ назначенные сроки и составляются какъ слѣдуетъ; большая-же часть благотвори-

ныхъ представляетъ ихъ спустя много времени послѣ сроковъ, а нѣкоторые не представляютъ ихъ и вовсе, чѣмъ поставляютъ епархіальное начальство въ затрудненіе: своевременно представлять, куда слѣдуетъ, требуемая отъ него таковыя-же свѣдѣнія по епархіи. Штрафы и вразумленія дѣйствуютъ на нихъ мало; въ послѣднее время въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ было опубликовано, между прочимъ, нѣсколько налагаемыхъ и на нихъ взысканій, но сѣмѣра, какъ сильная и позорящая духовенство, мною не одобрена и прекращена. Требуется изыскать болѣе дѣйствительныя мѣры къ восстановленію значенія благочинныхъ, къ облегченію прохожденія ими своей должности, на что и обращено теперь вниманіе“

— Въ продолжающемся печатаніемъ отчетѣ преосв. Евгенія астраханскаго находимъ свѣдѣнія, которыя могутъ характеризовать церковное состояніе не одной только астраханской епархіи. Такъ въ отчетѣ указывается на печальный фактъ, возрастанія незаконной торговли церезиновыми и парафиновыми свѣчами, подъ видомъ церковныхъ изъ пчелинаго воска. Епархіальнымъ начальствомъ, между прочимъ, было подтверждено духовенству, чтобы оно, при всякомъ удобномъ случаѣ, внушало прихожанамъ о неприличіи приношенія въ церковь означенныхъ свѣчей и богопротивности употребленія ихъ въ храмѣ и о покупке свѣчей въ церкви. Мѣра эта, по донесенію нѣкоторыхъ благочинныхъ, имѣла кое-гдѣ нѣкоторый успѣхъ. Но въ общемъ это зло даже развивается. Свободно открываются фабрики мнимо-восковыхъ свѣчей, производство совершается безъ всякаго контроля съ чѣй-бы то ни было стороны, продажа на ярмаркахъ и даже въ лавкахъ почти безпрепятственна. При такихъ обстоятельствахъ уничтоженіе зла и даже ослабленіе его невозможно. Церковные огарки отдаются въ передѣлку мастеру. Предположивъ даже, что мастеръ честенъ, онъ не можетъ отдѣлать воскъ отъ примѣси. Такимъ образомъ въ церквахъ водворяются поддѣльныя свѣчи. Возженіе ихъ причиняетъ громадный вредъ живописи и вообще внутренности храмовъ: копоть отъ нихъ садится на краску и позолоту, онѣ текутъ, грязнятъ утварь, портятъ воздухъ. Епархіальное начальство признало необходимымъ конфискуемыя у торговцевъ поддѣльныя свѣчи, какъ продаваемые ими для употребленія въ церквахъ, имъ не возвращать, а самихъ торговцевъ, кромѣ денежнаго штрафа за неправильную торговлю, привлечь къ уголовной отвѣтственности, на основаніи 173 ст. уст. о нак. налаг. миров. суд., за обманъ— за продажу тѣхъ свѣчей подъ видомъ восковыхъ церковныхъ.

Нельзя не видѣть общераспространеннаго недостатка и въ слѣдующей характеристикѣ состоянія церковнаго пѣнія въ астраханской епархіи: „Пѣніе, говоритъ преосвященный Евгеній, почти вездѣ крайне неудовлетворительно. Пѣвчіе, не понимая вовсе дѣла, пренебрежительно смотрятъ на такъ называемое простое и обыкновенное пѣніе. Трехголосное пѣніе также неупотребительно! Предпочитаются четырехголосное, партесное. Выбираются для исполненія пьесы, частію печатныя, частію непечатныя, самыя громкія, вычурныя и трудныя. О стройности и умиленности мало заботятся. Каждый голосъ совершенно необработанный старается показать себя. Мамъчики всегда поютъ со всѣхъ силъ. Преобладаетъ вкусъ не только не церковный, но даже неблагоприличный. Старосты и вазжиточные прихожане любятъ и поощряютъ неистовые крики. Басы изъ пѣвчихъ, какъ по собственному желанію, такъ и по приглашенію прихожанъ, читаютъ апостолъ, при чемъ усиленіе и возвышеніе голоса возводятъ до послѣдней степени и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайняго безобразія! Не всѣ священники обращаютъ на это должное вниманіе. Поэтому энергичное со стороны нѣкоторыхъ причтовъ противодѣйствіе неистовству, подало поводъ даже жалобамъ со стороны пѣвчихъ епархіальному начальству якобы на притѣсненіе ихъ причтами. Поправить дѣло можно только образованіемъ знающихъ регентовъ и учителей пѣнія. Я поставился пригласить опытныхъ — регентовъ учителей, изъ которыхъ одинъ, священникъ, преподаетъ въ семинаріи и училищѣ, а другой въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Нельзя не сознаться, что и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ еще не ослабѣла расположенность болѣе къ партесному, чѣмъ древне-церковному пѣнію“.

— Въ газетѣ „Иверія“ сообщаются любопытныя свѣдѣнія, о скончавшемся въ концѣ минувшаго года священникѣ Александрѣ Ивановичѣ, личность котораго крайне интересна по своей судьбѣ. „Покойный былъ уроженецъ сел. Мугангло, жители котораго ведутъ свое происхожденіе отъ оставшихся монголовъ ополченія Тамерлана (XIII стол.). Отецъ Александръ и всѣ его родственники исповѣдывали магометанскую религію. Во время Шамиля, Магометъ, — такъ звали отца Александра до крещенія, — стоялъ въ рядахъ левгинъ, боровшихся противъ русскихъ и грузинъ. Въ одно время отецъ Александръ былъ даже мюридомъ при особѣ Шамиля. Разъ, ограбивъ одинъ грузинскій монастырь (кажется Гареджинскій), онъ получилъ на долю по дѣлежѣ золотую чашу. Въ 1859 г., послѣ взятія въ плѣнъ Шамиля, Магометъ познакомился съ кизик-

цами (жителями Сигнахскаго уѣзда, Тифлис., р.), которые посовѣтовали ему перейти въ христіанство. Магометъ, послѣдовавъ доброму совѣту, отправился въ монастырь св. Нины (въ четырехъ верстахъ отъ Сигнаха), принялъ крещеніе и остался при монастырѣ послушникомъ. Здѣсь, благодаря своему трудолюбію, онъ изучилъ грузинскій языкъ и священное Писаніе настолько, что получилъ сначала мѣсто причетника, потомъ его посвятили въ діаконы, а пять лѣтъ тому назадъ рукоположенъ былъ во священника. Онъ старался обратить въ христіанство своихъ братьевъ и сестеръ, но всѣ старанія были тщетны. Отецъ Александръ въ совершенствѣ зналъ татарскій (адирбежанскій) и арабскій языки, тщательно изучилъ магометанскую религію. До принятія христіанства, отецъ Александръ былъ муллою въ своей деревнѣ и потому въ цѣломъ завкадальскомъ округѣ его называли муллою Магометомъ, а не отцемъ Александромъ. Вооруженный знаніями и свѣдѣніями въ христіанской и мусульманской религіяхъ, онъ былъ непобѣдимъ въ спорахъ и бесѣдахъ съ мѣстными муллами“.

— Въ будущемъ, 1888 г., 15 іюля предстоитъ девятисотлѣтній юбилей крещенія Руси св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Къ этому времени сооружаемый въ Кіевѣ великолѣпный Кіево-Владимірскій соборъ будетъ настолько уже оконченъ, что въ немъ возможно будетъ совершить торжественное юбилейное богослуженіе. Ожидаются многочисленные депутаты со всѣхъ православныхъ земель. Юбилейное торжество предполагается сосредоточить у Владимірскаго собора, откуда торжественное шествіе съ хоругвями и крестами направится чрезъ Крещатику къ памятнику св. Владиміра, гдѣ, по преданію, и было совершено 900 лѣтъ тому назадъ крещеніе Кіевлянъ.

— Предстоящая въ Харьковѣ всероссійская сельско-хозяйственная выставка сильно интересуется сельскихъ хозяевъ, хотя въ средѣ ихъ находятся и скептики, которые выражаютъ опасеніе—не будетъ ли выставка слишкомъ отвлеченна и одностороння. Одинъ изъ такихъ скептиковъ, нѣкто г. Бурлюкъ, прислалъ газетѣ „Новости“ письмо, трактующее о предстоящей выставкѣ. Г. Бурлюкъ выражаетъ опасеніе, что харьковская выставка представитъ только казювую сторону нашего хозяйства. Въ виду того, что всякое указаніе, имѣющее свою долю правды, можетъ содѣйствовать полнотѣ выставки (что весьма желательно), приводимъ выдержки изъ статьи „Новостей“, въ которой цитируется письмо г. Бурлюка. „Обыкновенно—пишетъ онъ—содержаніе подобныхъ выставокъ далеко не

знакомить съ успѣхами общаго народнаго производства края, а свидѣтельствуемъ о прогрессѣ одной лишь экономической формы этого производства, именно — капиталистической, да и знакомить, говоря правду, не съ существующей дѣйствительностью, въ каковой продукты фигурируютъ, напр., „на рынкѣ“.

Чтобы выставка не была только представительницей культурнаго хозяйства, а служила бы отраженіемъ хозяйства, всей страны, необходимо привлечь и „сѣраго мужика“. „Что мужикъ почти отсутствуетъ на выставкахъ, это — говоритъ г. Бурлюкъ, — доказываютъ всѣ прежніе опыты въ этомъ родѣ“. Онъ отсутствуетъ и, можетъ быть, долго еще будетъ рѣдкимъ гостемъ на выставкахъ, пока въ немъ не созрѣетъ живой интересъ къ нимъ и сознание ихъ пользы, а это случится только тогда, когда сельское мужичье хозяйство будетъ вызвано изъ состоянія косности, оживлено и поднято внѣшней культивирующей помощью. Авторъ ждетъ такой помощи преимущественно отъ правительства, но полагаетъ въ то же время, что въ этомъ вопросѣ заключены задачи всѣхъ сельскихъ хозяевъ, вообще. „Солидарность нигдѣ такъ не важна — говоритъ онъ — какъ въ области земледѣлія“, и эта солидарность требуетъ, чтобы на нашихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ фигурировалъ и мужикъ, да не принаряженный и не подкрашенный, а — каковъ ни на есть, въ натурѣ, со всѣмъ своимъ добромъ, тѣмъ, именно, какое онъ вырабатываетъ и съ какимъ является на рынокъ. Только въ такомъ случаѣ и можно будетъ судить по выставкамъ о дѣйствительномъ состояніи и степени развитія народнаго хозяйства за данный моментъ. Иначе — выставка всегда будетъ представлять собой нѣчто недоговоренное, отрывочное и фальшивое. Г. Бурлюкъ видитъ даже прямой вредъ въ такой неполнотѣ, односторонности и изысканности выставокъ, такъ какъ онѣ даютъ-де невѣрное, идеализированное представленіе о хозяйствѣ, далеко не отвѣчающее истинному уровню послѣдняго. Вмѣсто содѣйствія подъему хозяйства, выставка является — говоритъ авторъ — „помѣхой къ устраненію того печальнаго положенія, въ какомъ мы, сельскіе хозяева, теперь находимся“.

Дополнить этотъ пробѣлъ могутъ въ значительной степени наши сельско-хозяйственныя общества. „Правда, — говоритъ г. Бурлюкъ, — въ кругъ дѣятельности нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ входитъ забота о благѣ мелкаго земледѣльца, но вся дѣятельность ихъ почему то посвящена почти исключительно интересамъ меньшинства сельскихъ хозяевъ а именно крупныхъ. Всѣ наши „опытныя станціи“, всѣ нововведенія и усовершенствованія въ области

земледѣлія, — все дѣлается къ услугамъ лишь крупныхъ хозяевъ. Что же касается мелкаго земледѣльца, крестьянина, то онъ, какъ былъ, такъ и остался со своимъ допотопнымъ плугомъ, со своими выродившимися, дряблыми сѣменами, со своими патриархальными, времянь Гостомысла „средствіями“.

Авторъ полагаетъ, что харьковская выставка можетъ сослужить добрую службу крестьянскому земледѣлію. Чтобы вывести крестьянское земледѣліе изъ этого младенческаго состоянія, по мнѣнію автора, не нужно никакихъ чрезвычайныхъ жертвъ и великодушныхъ одолженій: довольно было бы одной, со стороны, напр., сельско-хозяйственныхъ обществъ, руководящей инициативы и нѣкотораго вниманія къ насущнымъ нуждамъ мужика. А этого-то нѣтъ, въ чемъ г. Бурлюкъ и упрекаетъ сельско-хозяйскую интеллигенцію. Она не только равнодушна къ общему народному уровню земледѣлія, но даже не знаетъ обстоятельно условій, обстановки и формъ крестьянскаго земледѣльческаго труда. Измѣнить все это къ лучшему — конечно, долгая пѣсня; но, покаместъ, г. Бурлюкъ предлагаетъ сдѣлать хоть что нибудь, пользуясь удобнымъ случаемъ, какой даетъ предстоящая харьковская сельско-хозяйственная выставка. Онъ обращается ко всѣмъ мѣстнымъ интеллигентнымъ сельскимъ хозяевамъ съ предложеніемъ — „потрудиться собрать возможно полныя коллекціи мѣстныхъ крестьянскихъ продуктовъ и орудій крестьянскаго земледѣлія, и доставить ихъ въ Харьковъ на выставку“. „Эти коллекціи, — говоритъ онъ, — послужатъ живой иллюстраціей преуспѣванія народнаго южно-русскаго хозяйства. Думается, что и сельско-хозяйственныя общества, харьковское и полтавское, какъ главные инициаторы предстоящей выставки, не допустятъ въ въ этомъ отношеніи пробѣла, имѣвшаго мѣсто на прежнихъ однородныхъ выставкахъ. Вѣроятно, они, съ своей стороны, приложатъ старанія, чтобы на выставкѣ явились какъ можно болѣе полныя коллекціи крестьянскаго сельскаго хозяйства“, въ назиданіе собравшихся экспонентовъ и всѣхъ интересующихся успѣхами народнаго труда.

— 8 сего мая и въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней въ городѣ Екатеринославѣ торжественно праздновалось столѣтіе со дня основанія города. Еще наканунѣ праздника городъ сталъ украшаться флагами, транспарантами и вензелями основательницы города, императрицы Екатерины II, и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. 9 мая, по окончаніи богослуженія, настоятели всѣхъ церквей, при звонѣ колоколовъ, съ хоругвями и

особо чтимыми иконами направились въ сборному пункту между буль-
 варами, куда процессія прибыла около 11 часовъ, а отсюда въ
 сопровожденіи массы публики отправилась дальше къ собору. Къ
 ней присоединились воспитанники духовныхъ семинаріи и училища.
 Въ началѣ 12 часа процессія прибыла въ соборъ. Между тѣмъ,
 около собора, на площади предъ гимназіей, и около Екатеринин-
 ской рощи собралась масса народа, въ числѣ коего было много при-
 ѣхавшихъ изъ окрестныхъ деревень крестьянъ. По окончаніи ли-
 тургіи духовенство, сопровождаемое властями города и гласными
 думы, съ крестнымъ ходомъ отправилось на площадь, гдѣ на осо-
 бо устроенной эстрадѣ, роскошно убранной зеленью и украшенной
 развѣвающимися флагами, было отслужено благодарственное молеб-
 ствіе, по окончаніи котораго было провозглащено многолѣтіе Госу-
 дарю Императору и всему Царствующему Дому. По оконча-
 ніи молебствія крестные ходы возвратились при звонѣ колоколовъ въ
 свои церкви, а оркестръ военной музыки исполнилъ *Коль славетъ
 нашъ Господь въ Сіонѣ!* Затѣмъ гласные думы, а также началь-
 ствующія и особо приглашенныя лица и нѣкоторыя дамы отпра-
 вились во дворецъ Потемкина, гдѣ въ 1 часъ дня открылось тор-
 жественное засѣданіе думы. Городской голова обратился къ глас-
 нымъ съ рѣчью, послѣ которой былъ прочтенъ всеподданнѣйшій
 адресъ Государю Императору, встрѣченный громогласнымъ *ура*.
 Хоръ военной музыки исполнилъ гимнъ: *Боже, Царя храни*, кото-
 рый былъ повторенъ трижды, послѣ чего адресъ былъ подписанъ
 начальникомъ губерніи и тотчасъ же отправленъ на телеграфъ.
 Тогда-же дума постановила открыть на четыре года подписку въ
 предѣлахъ Екатеринославской губерніи на сооруженіе памятника
 въ Божѣ почивающему Государю Императору Александру II; по-
 ставлено также открыть приемъ пожертвованій деньгами и кни-
 гами на учрежденіе общественной бібліотеки. По случаю столѣтія
 со дня основанія города Екатеринослава, губернскій предводитель
 дворянства, Двора Его Величества камеръ-юнкеръ А. И. Стру-
 ковъ обратился 9 мая къ Его Императорскому Величеству
 со слѣдующею телеграммой: „Въ столѣтній день основанія своего
 губернскаго города, екатеринославское дворянство у подножія воз-
 двигнутаго имъ памятника великой строительницѣ Новороссійскаго
 края, державной прародительницѣ Вашей, Государь, благоговѣйно
 вспоминая великія дѣянія монархини и движимое безпредѣльною
 благодарностію за оказанныя ему неисчислимыя щедроты царствен-
 ными предками Вашими и Вами, Всемилостивѣйшій Государь,

имѣть счастье принести къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства во вѣки непоколебимой вѣрнопоподанической преданности и безграничной любви". Въ 7 часу вечера, того-же 9 мая, губернский предводитель дворянства, по сообщенію *Екатеринославскихъ Губернскихъ вѣдомостей*, удостоился слѣдующаго отвѣта: „Екатеринославскому губернскому предводителю дворянства. „Благодарю васъ и въ лицѣ вашемъ екатеринославское дворянство за выраженные Мнѣ чувства въ день празднованія столѣтней годовщины съ основанія Екатеринослава. Столѣтіе горды былъ свидѣтелемъ неизмѣнно вѣрной службы дворянства, не сомнѣваюсь въ томъ, что, памятуя завѣтъ предковъ, оно будетъ и впредь непоколебимо въ своей преданности Престолу и дорогому Отечеству.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Того-же 9 мая состоялся обѣдъ, устроенный въ залахъ зимняго помѣщенія англійскаго клуба. На обѣдъ было около 150 недобѣкъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ начальникомъ губерніи, Д. Н. Батюшковымъ за Государя Императора, встрѣченный восторженнымъ ура всѣхъ присутствующихъ; губернский предводитель дворянства, камеръ-юнкеръ А. П. Струковъ провозгласилъ тостъ за Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича и всю Царскую Фамилію. Дружное и единодушное ура было отвѣтомъ. Третій тостъ былъ провозглашенъ преосвященнымъ Серапіономъ, епископомъ Екатеринославскимъ и Таганрогскимъ, за представителя Самодержавія, начальника Екатеринославской губерніи, за духовенство города Екатеринослава, какъ представителя православія въ немъ, за городского голову и гласныхъ думы, какъ представителей города. Между прочими тостами былъ провозглашенъ тостъ за министра Внутреннихъ Дѣлъ, которому тогда-же и была послана слѣдующая телеграмма: „Во время празднованія столѣтняго юбилея Екатеринослава былъ провозглашенъ тостъ за ваше сіятельство, который всегда относится такъ внимательно и благоклонно къ нуждамъ и ходатайствамъ. Громкое ура выразило благодарность общества“. На эту телеграмму былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ на имя начальника губерніи: „Покорно прошу принять и передать выраженія искренней моей признательности городскому головѣ и лицамъ почтившимъ меня своимъ вниманіемъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Толстой“. Въ Потемкинскомъ саду и на Ярмарочной площади съ 3 часовъ дня было народное гулянье съ музыкой, а послѣ всеобщей былъ сожженъ фейерверкъ.

Около 10 часовъ вечера, на площади, предъ зданіемъ гимназіи, были показываемы туманныя картины съ объясненіями, которыя давали М. М. Владиміровъ и М. И. Павленко; картины изображали путешествіе императрицы Екатерины II, портреты нѣкоторыхъ екатеринославскихъ губернаторовъ и архіереевъ, и пр. Масса народа сочувственно встрѣтила устройство картинъ. 10 мая, въ 12 часу, происходила закладка зданія для дешевой столовой мѣстнаго благотворительнаго общества, на Желѣзной улицѣ. Послѣ церемоніи закладки зданія, на томъ же дворѣ былъ устроенъ безплатный обѣдъ для обѣднхъ, коихъ собралось около 400 челоувѣкъ. Угощали представители власти и члены благотворительнаго общества. Въ этотъ же день состоялось открытіе Брянскаго завода. Какъ обѣдъ гостей, которыхъ было около 400, такъ и угощеніе 3 тысячъ рабочихъ прошли въ высшей степени оживленно. Прочитанное г. Чацкинымъ извѣщеніе министра Государственныхъ Имуществъ, что Государь Императоръ согласился на наименованіе завода „Александровскимъ“, вызвало восторженное ура вохъ присутствовавшихъ. Вечеромъ въ городскомъ саду было гулянье съ музыкой, во время котораго были сожжены фейерверкъ. Въ театрѣ шла оперетка *Нимій студентъ*; половина сбора съ этого спектакля была предназначена на устройство публичной бібліотеки.

— Высочайше утверждено, 28 апрѣля, мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи правилъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей. Произведенныя измѣненія въ законѣ о присяжныхъ засѣдателяхъ (по замѣчанію „Нов. Вр.“), во-первыхъ, чисто редакціонныя, которыя лишь даютъ закону о присяжныхъ засѣдателяхъ болѣе стройное изложеніе, во-вторыхъ, нарушая прежнее порядо, во-вторыхъ, измѣненія въ самомъ содержаніи закона, которымъ вводятся съ одной стороны новыя требованія, которымъ долженъ удовлетворять присяжный засѣдатель, или увеличиваются прежнія требованія этого рода, а съ другой—вводится новый порядокъ составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, рассчитанный на то, чтобы обезпечивать болѣе дѣйствительный контроль за благонадежностью лицъ, призываемыхъ къ отправленію правосудія въ званіи присяжныхъ засѣдателей. Относительно условій, которымъ должны удовлетворять присяжные засѣдатели, новый законъ вводитъ слѣдующія измѣненія. Во-первыхъ, отъ присяжныхъ засѣдателей требуется умѣнье читать по-русски, тогда какъ по прежнему закону въ числѣ присяжныхъ могли быть и неграмотные. Во-вторыхъ, новый законъ значительно возвысилъ имущественный цензъ,

дающій право быть избраннымъ въ присяжные засѣдатели. Въ третьихъ, суженъ контингентъ крестьянъ, вносимыхъ въ списки присяжныхъ. Что касается священнослужителей и монашествующихъ, то они и по новому закону не подлежатъ внесению въ списки присяжныхъ засѣдателей. Учители народныхъ и церковно-приходскихъ школъ также не вносятся въ означенные списки.

— Сообщенія, дѣлаемые въ нѣкоторыхъ обществахъ, могутъ имѣть практическій интересъ для многихъ; особенно для сельскаго духовенства. Таковы доклады и занятія въ Московскомъ обществѣ пчеловодовъ. Здѣсь, 30-го апрѣля, какъ читаемъ въ „Совр. Изв.“, овященникъ о. Кротковъ демонстрировалъ модель улья—изобрѣтенія г. Полянского, по отзывамъ, соединяющаго въ себѣ достоинства ульевъ гг. Берези и Долинскаго, изъ которыхъ первый вполне приспособленъ для зимняго времени, а другой для лѣтняго. Въ томъ-же засѣданіи г. Золотницкимъ предложенъ не безъинтересный докладъ о пчеловодствѣ на о. Teneriffъ. Тамъ, съ наступленіемъ лѣта, какъ только пчелы выроятся, ихъ вывозятъ на мулахъ въ горы, гдѣ въ изобиліи растеть ретана, растеніе съ медоноснымъ цвѣткомъ. Иногда поднимаются съ ними на высоту до 2,000 футовъ, чуть не въ самому Teneriffскому пику. Рабочіе, нанятые пчеловодами, кочуютъ съ пчелами по горамъ; а въ концѣ лѣта возвращаются домой и выбираютъ соты, оставляя меда для прокорма улья фунтовъ 17 на зиму, тогда какъ каждый улей даетъ до 100 фунтовъ меда. На скотопригонныхъ ярмаркахъ южной Россіи крупными скотопромышленниками постоянно совершаются продѣлки съ крестьянами, продающими свой скотъ по нуждѣ, и притомъ самымъ примитивнымъ образомъ. Въ разпартъ ярмарки, среди крестьянъ, продающихъ скотъ, появляются такъ называемые „шабайи“ или комиссіонеры крупныхъ скотопромышленниковъ, которые и уговариваются съ продавцами скота. Затѣмъ они заставляютъ крестьянъ гнать скотъ на ставку, за нѣсколько верстъ отъ ярмарки, гдѣ происходитъ послѣдній расчетъ за купленный скотъ. Крестьяне встрѣчаются тамъ уже съ самимъ скотопромышленникомъ, или другими его приказчиками, а не шабаями. Начинается снова тщательный осмотръ и браковка купленнаго скота, такъ что въ концѣ-концовъ, на каждую голову послѣдняго сбрасывается 2—5 рублей, противъ обыкновенныхъ цѣнъ. Уставшіе и потерявшіе удобное для продажи время крестьяне по неволѣ подчиняются этому эксплуататорскому приему, а скотопромышленникъ зарабатываетъ на партіи скота въ 500—1000 штукъ круглую сумму, изъ которой, конечно, удѣляетъ из-

вѣстный процентъ шабаемъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ давно уже обратило вниманіе на это, и недавно въ немъ выработанъ проектъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью упорядочить торговлю скотомъ и лошадьми въ малороссійскихъ и южныхъ губерніяхъ Россіи, и направленныхъ главнымъ образомъ противъ шабаевъ и барышниковъ цыганъ. Примѣненіе этихъ мѣръ послѣдуетъ, какъ „Сп. В.“ передавали, съ будущей осени, т. е. съ сезона главнѣйшихъ ярмарокъ. Кроме двѣнадцати сельско-хозяйственныхъ выставокъ, разрѣшенныхъ къ открытію въ теченіи лѣта и осени, Министерство государственныхъ имуществъ разрѣшило еще на дняхъ устройство слѣдующихъ выставокъ: 1) сельско-хозяйственной выставки съ ремесленнымъ и кустарнымъ отдѣлами въ Псковѣ, въ сентябрѣ; 2) полтавскому обществу сельскихъ хозяевъ разрѣшено устроить выставки на ярмаркахъ въ г. Лубнахъ и имѣстечкѣ Явотинѣ; 3) оберъ-паленскому обществу сельскихъ хозяевъ выставку скота въ имѣніи Оберъ-Паленъ, Лифляндской губерніи, и, кроме того, разрѣшено устроить сельско-хозяйственные въ Аренбургѣ, Луцкѣ, Феллинѣ и Дерптѣ (двѣ выставки 6—7 июня и въ концѣ августа). Эти выставки устраиваются местными сельско-хозяйственными обществами. Императорское московское общество сельскихъ хозяевъ устраиваетъ выставку машинъ въ слободѣ Россони, Острогояжскаго уѣзда, Воронежской губерніи. На всѣ эти выставки министерство государственныхъ имуществъ назначило въ видѣ премій для экспонентовъ 16 большихъ, 16 малыхъ серебряныхъ и 47 бронзовыхъ медалей, и 92 похвальныхъ листа.

— „Харьк. Вѣд.“ сообщаютъ, что въ Іюмскомъ уѣздѣ производится весьма успѣшно истребленіе овражковъ двуѣрнстымъ растворомъ. Крестьяне снабжаются стеклянной трубкой, къ одному концу которой прикрѣпленъ небольшой резиновый полый шарикъ. Сжимая шарикъ, вытѣсняютъ изъ него воздухъ, послѣ чего другой открытый конецъ трубки вставляютъ въ растворъ, и когда разжимаютъ шарикъ, то въ трубку поступаетъ столько раствора, сколько нужно для задушенія овражка. Къ тонкой палочкѣ привязывается кусочекъ ваты или пакли, которая смачивается зарядомъ раствора изъ трубки, затѣмъ палочка вставляется въ норку овражка, которая замазывается грязью или глиной. Овражокъ быстро задыхается въ норѣ, причемъ расходъ на каждого овражка не превышаетъ $\frac{1}{4}$ коп. Предъявленные въ земскую управу квитанціи о покупкѣ раствора засчитываются въ счетъ земскихъ налоговъ.

— Капуста считается въ хозяйствѣ овощемъ настолько цѣннымъ,

что только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть съ выгодой употребляема на кормъ скоту. Но въ прошедшемъ году мѣстами цѣны на этотъ овощъ стояли столь низкия, что нѣкоторые хозяева могли серьезно задаться вопросомъ: не выгоднѣе ли скормить капусту скоту, нежели продавать ее, напр. по 80 коп. за 100 фунтовъ? Такого именно рода случай описывается въ № 15 „Землед. Газеты“ однимъ изъ хозяевъ Нижегородской губернии. Этимъ хозяйствомъ осенью 1886 года, въ виду крайне низкихъ цѣнъ на капусту, было рѣшено оставшіяся отъ хозяйственной заготовки въ пищу людямъ 36 грядъ этого овоща употребить на кормъ рогатаго скота и для этого засилосовать его въ ямѣ. Капуста была засилосована самымъ обыкновеннымъ способомъ: кочерыжки въ ямѣ разрубались топорами; вся масса утаптывалась ногами рабочихъ и трамбовалась деревянными колотушками. Каждый слой капусты посыпался солью. Наполненіе ямы, начатое 5 октября въ 9 часовъ утра, было окончено утромъ слѣдующаго дня. Кормъ вышелъ квашеный, запахомъ напоминалъ точь-въ-точь обыкновенную „кислую капусту“, приготовляемую въ хозяйствахъ на пищу людямъ. Ея цвѣтъ нисколько не измѣнился, только зеленые листья какъ-бы нѣсколько побѣлѣли. Въ яму попались и нѣсколько десятковъ красной и бруссельской капусты. Въ кадкахъ обыкновенно появляется сокъ, когда капуста начинаетъ „укусать“, бродить; но въ ямѣ никакого сока, то есть жидкости, не было замѣчено, хотя капуста и получила все-таки очень сочною и ничуть не дряблою. Коровы стали есть силосованную капусту съ первой-же дачи. Ее даютъ среди дня: на 35 коровъ по одному двадцати-пяти пудовому возу, смѣшивая со ржанымъ колосомъ; при этомъ коровы поѣдаютъ и колосья, къ которому иначе не подходятъ и не дотрагиваются. Кормъ изъ силосованной капусты настолько хорошъ, что если-бы цѣна на капусту была въ полтора раза дороже, чѣмъ осенью, и тогда выгоднѣе было-бы оставить ее для рогатаго скота, чѣмъ сбывать на сторону.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Мая 8 числа сего 1887 года въ 7 часовъ утра скончался отъ остраго воспаленія легкихъ, Священникъ Петро-Павловской церкви Села Отрады, Василій Мураховскій. Будучи совершенно здоровъ, поѣхалъ онъ 4 мая съ больною женою въ г. Харьковъ; проѣхавъ верстъ пять, онъ снялъ съ себя, по причинѣ жары, теплую шерстяную фуфайку, которую постоянно носилъ на себѣ, но черезъ часъ времени почувствовалъ ознобъ и такой сильный,

что едва могъ сидѣть на повозкѣ, когда же доѣхалъ до вокзала желѣзной дороги, его бросило въ жаръ. Все какъ съ трудомъ доѣхалъ до Харькова. Въ Харьковѣ почувствовалъ себя немного легче, такъ что онъ былъ съ женою у доктора и исполнилъ нѣкоторые дѣла по хозяйству. Переночевавъ въ Харьковѣ, утромъ пошелъ въ рынокъ и здѣсь съ нимъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ упалъ и былъ привезенъ въ квартиру. Оправившись отъ обморока, онъ спѣшилъ возвратиться домой. Въ это время въ селѣ Отрадѣ случайно находился докторъ, который и былъ приглашенъ къ больному; когда усилія доктора оказались бесполезными, былъ приглашенъ священникъ, который и напутствовалъ больного Св. Тайнами.

Покойный о. Василій сынъ священника, (отецъ его и до сихъ поръ священствуетъ имѣя отъ роду около 80 лѣтъ), окончилъ курсъ въ Харьковской Семинаріи въ 1851 году, рукоположенъ во священника въ 1852 г. декабря 29 дня. Въ память крымской войны 1853—56 г. имѣетъ бронзовый крестъ на Владимірской лентѣ, награжденъ набедренникомъ 1868 г. ноября 23 дня, получилъ благословеніе Св. Синода 1871 года мая 14 дня, награжденъ бархатною фиолетовою скуфьею 1879 года апрѣля 1 дня, утвержденъ законоучителемъ сельской школы 1880 года августа 19 дня, награжденъ камилавкою 1887 года апрѣля 5 дня. Покойный былъ доброй души человекъ, рѣдкій хозяинъ. Въ семействѣ осталась жена болѣзненная и дряхлая и сынъ Григорій 11 лѣтъ воспитывается въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ; трое его сыновей уже пристроенные: старшій Петръ въ г. Симбирскѣ секретаремъ Симбирскаго статистическаго комитета, Андрей учителемъ сельской школы и Александръ священникомъ. Погребеніе совершалъ въ безъ слезъ мѣстный Благочинный товарищъ по семинаріи и другъ покойника съ 4 священниками и 2 діаконами. Миръ праху твоему дорогой собратъ!

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать вновь вышедшее въ свѣтъ изданіе подъ заглавіемъ:

ДРЕВНІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СОФИСТЫ.

Сочиненіе М. Ф. Брентанно.

Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій.

Цѣна 1 руб. 50 коп.,

Отзывъ объ этомъ замѣчательномъ сочиненіи помещенъ въ 21 книжкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1886 годъ стр. 476—482.

О Б Ъ И З Д А Н І И

„РУССКАГО ПЧЕЛОВОДНАГО ЛИСТКА“.

Считаемъ излишнимъ распространяться о склонности народонаселенія обширнаго нашего отечества къ занятію пчелами. Эта ископная и самая любимая отрасль хазйства, не смотря на значительное уменьшеніе благопріятствовавшихъ ей условій,—главнѣйше чрезъ уничтоженіе лѣсовъ,—и въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ массы людей получающихъ отъ нея и матеріальную, и нравственную пользу. Изъ имѣющихся у насъ свѣдѣній достаточно указать на одинъ лишь Новомосковскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи.—Въ немъ числится до 650 пчеловодовъ! По западному склону Уральскихъ горъ иные хозяева имѣютъ до 1000 и болѣе пчелиныхъ семействъ. Между тѣмъ, у насъ недостаетъ воска для выдѣлки церковныхъ свѣчей, а медъ везутъ не отъ насъ, а къ намъ,—прежде отпускаяшимъ его за границу на миллионы рублей: везутъ его въ Россію, и во многіе государства Европы главнѣйше американцы, неизмѣвше около начала текущаго столѣтія на своей обширной территоріи ни одной пчелы!

Такой бѣглый взглядъ указываетъ, что на Руси нѣтъ недостатка въ пчеловодахъ; но что ихъ необходимо ознакомить съ тѣми разумными способами веденія дѣла, какими отличаются наши счастливые соперники-иностранцы.

Путь къ этой цѣли проложилъ нашъ незабвенный А. М. Бутлеровъ основаніемъ „Русскаго Пчеловоднаго Листка“ изданіе котораго, въ первомъ-же (1886) году, имѣло свыше 600 подписчиковъ,—число весьма немалое для вновь появившагося спеціальнаго журнала; но совершенно ничтожное по отношенію къ массѣ пчеловодовъ, для которыхъ оно предназначено. Ихъ болѣе 600, какъ мы привели выше, въ одномъ Новомосковскомъ уѣздѣ.

При обширности нашей земли и недостаткѣ гласности, многіе изъ пчеловодовъ еще и не слыхали объ изданіи „Русскаго Пчеловоднаго Листка“.

Оказать въ этомъ случаѣ содѣйствіе Императорскому Вольному Экономическому Обществу, состоящей при немъ Комиссіи по пчеловодству и сотрудникамъ „Русскаго Пчеловоднаго Листка“, лежитъ на нравственной обязанности всѣхъ установлений и лицъ, которымъ дорого процвѣтаніе вообще отечественной промышленности, тѣсно связанное съ общественнымъ благосостояніемъ.

Съ такою цѣлю мы рассылаемъ настоящее объявленіе, съ покорнѣйшею просьбою о раздачѣ его лицамъ, занимающимся или желающимъ заняться пчеловодствомъ, но не получившимъ еще свѣдѣній объ изданіи „Русскаго Пчеловоднаго Листка“.

Программа журнала:

I. Русское пчеловодство. а) статьи отъ изданія и б) частныя сообщенія статистическія и торговля свѣдѣнія, касающіеся пчеловодства и пр. II. Заграничныя пчеловодныя извѣстія. Извлеченія разнаго рода практическихъ свѣдѣній изъ заграничныхъ пчеловодныхъ изданій, причемъ при описаніи пчеловодныхъ снарядовъ и орудій будутъ прилагаться рисунки. III Вопросы и отвѣты. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ печататься отвѣты на получаемые запросы, а также вопросы объ изданіи къ опытнымъ пчеловодамъ. IV. Библиографія. V. Смѣсь VI. Объявленія.

Редакція имѣетъ въ виду, между прочимъ, печатать переводъ „Руководитель англійскаго пчеловода“ (British Bee Keeper's Guide Book), сочиненіе предсѣдателя Британскаго Пчеловоднаго Общества, выдержавшее уже 7 изданій, и разборъ германскаго законопроекта въ защиту пчеловодства.

Тѣмъ сотрудникамъ, статьи которыхъ будутъ помѣщены въ журналъ по призыву прошлаго года, онъ будетъ высылаться бесплатно.

Подписная цѣна на „Русскій Пчеловодный Листокъ“ съ доставкою и пересылкою два рубля въ годъ.

Подписчикамъ на „Труды“ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества на 1887 г. предоставляется право подписываться на „Русскій Пчеловодный Листокъ“ съ платою по 1 р. 50 к. за годовой экземпляръ „Русскаго Пчеловоднаго Листка“. Подписку слѣдуетъ адресовать въ Императорское Вольное Экономическое Общество. (Забалканскій пр., уголь 4-й роты, собст. домъ).

Оставшіеся въ меньшемъ числѣ экземпляры „Русскаго Пчеловоднаго Листка“ за 1886 г. можно выписывать изъ редакціи по 2 р. за экземпляръ.

Редакторъ А. Зубаревъ.